9
Д-44

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

1982

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

79984

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

1982

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственные редакторы:
Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

Диалектная лексика. 1982. — Л.: Наука, 1985. — 208 с.

Книга посвящена некоторым вопросам русской диалектной лексикологии и диалектного словообразования. Особое внимание уделено способам образования слов в народных говорах в сопоставлении со словообразованием в русском литературном языке. Ряд статей сборника посвящен изучению истории отдельных групп диалектной лексики на материалах записей XIX—XX вв. Многие материалы вводятся в научный оборот впервые.

Книга предназначена для языковедов, специалистов по истории языка и диалектологии.

Рецензенты: *Е. А. ИВАННИКОВА, В. И. КОДУХОВ*

9
А-44

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
79984

20

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА. 1982

Утверждено к печати
Институтом русского языка Академии наук СССР

Редактор издательства
Н. А. Ивановская

Художник
М. И. Разулевич

Технические редакторы
Л. И. Каряева
и *Н. Ф. Соколова*

Корректоры
Л. М. Егорова,
Н. Г. Каценко
и *А. Х. Салтанаева*

ИБ № 21330

Сдано в набор 30.10.84. Подписано к печати 12.12.85. М-18489. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13. Усл. кр.-отт. 13,30. Уч.-изд. л. 14,62. Тираж 1450. Тип. зак. 2035. Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Ленинградское отделение. 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

Д $\frac{4602010000\text{-}772}{042\ (02)\text{-}85}$ 348-85-II

© Издательство «Наука», 1985 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа над созданием «Словаря русских народных говоров» ведется параллельно с систематическим исследованием диалектной лексики и диалектного словообразования, изучением и обобщением опыта составления диалектных словарей прошлого и настоящего. Результатом этой работы явилась серия сборников, посвященных различным вопросам диалектной лексикологии и лексикографии. Предлагаемый вниманию читателей сборник — десятый в этой серии.

Основная проблематика сборника связана с изучением наиболее существенных и сложных вопросов разработки слова в словаре (понятие диалектного слова, отбор слов в диалектный словарь, структура словарной статьи, типы толкований слова, разработка различных категорий слов и т. п.), изучением отдельных диалектных лексических пластов и тематических групп слов как с типизированной семантической структурой, так и с индивидуальными особенностями каждого слова, лексико-семантических групп и лексико-словообразовательных гнезд, исследованием вопроса о взаимоотношениях словарного состава говоров и лексики литературного языка. В статьях затрагиваются лексико-семантические процессы внутри диалектной лексической системы, исследуются явления, связанные с лексикализацией фонетико-морфологических вариантов слов, изучаются внутренние лексико-семантические закономерности на материале отдельных лексико-грамматических категорий, обсуждаются вопросы диалектного словообразования.

Как и предыдущие книги, этот сборник отличается единством тематики и приемов исследования диалектного материала. Для всех статей характерна также прочная фактическая база, на основе которой ведется исследование.

Редакторы и авторы сборника приносят благодарность официальным рецензентам — доктору филологических наук проф. В. И. Кодухову и старшему научному сотруднику Е. А. Иванниковой, сделавшим ряд ценных замечаний и пожеланий.

Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

Способы семантической разработки слов в областных словарях

Известно, что характер словарных определений зависит от типа словаря, его целей и задач, от типов лексических значений слова (В. В. Виноградов), от структуры семантических классов слов. В практике русской диалектной лексикографии сложился тип областного словаря, объединяющего в себе черты словаря переводного, толкового, исторического и энциклопедического. Эти черты и особенности получают выражение прежде всего в способах и методах семантической разработки слов, в типах определения значений.

Истолкование значений слов, раскрытие их реального содержания, показ различных оттенков значения и особенностей употребления являются важнейшей задачей толковых словарей. «Словарная работа основана исключительно на семантике» [1], — подчеркивал акад. Л. В. Щерба. История составления словарей (в том числе словарей русских народных говоров) свидетельствует о постоянных поисках наиболее рациональных методов толкования слов различных категорий словарного состава языка. При общности многих сторон семантической характеристики слов в диалектных словарях и в словарях литературного языка эта проблема для региональной лексикографии обладает своими специфическими особенностями. Во всех диалектологических словарях — и в дифференциальных (наиболее распространенный тип) и в полных (подлинно полных областных словарей в русской лексикографии пока нет) — лексико-семантическая система диалекта или всех говоров описывается в сопоставлении с лексико-семантической системой литературного языка.[2] Литературный язык при этом

[1] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 281.

[2] В принципе, однако, можно задумать и осуществить словарь говора, в котором каждое слово будет толковаться подобно тому, как это делается в толковых словарях литературного языка. Лексический состав говора в этом случае будет рассматриваться как абсолютно самостоятельное целое, никаким образом не связанное с лексическим составом литературного языка. Такое решение могло бы привести к весьма интересным результатам. В русском языкознании такого словаря пока нет, хотя, например, в «Псковском областном словаре» такой подход довольно отчетливо проявляется.

выступает метаязыком описания. Это определяет существенные различия в семантической характеристике слов в диалектных и толковых словарях литературного языка.

Извлечение из современных диалектных словарей приемов описания лексической семантики — типов определений — дает богатый материал, требующий анализа и обобщения. Здесь на первый план выдвигается проблема связи типов определений с типами лексических значений и различными классами слов. Вместе с тем определение каждого слова должно в принципе отразить понятийный и реальный компоненты значения, а также показать внутриязыковые связи и отношения слов. Это стало общим требованием к семантической характеристике слова в словаре.

В последнее время говорят о «семантических» и «предметных» описаниях слова в словарях.[3] Связь слов с объективным миром вещей настолько тесна, что толковый (филологический) словарь не может обойтись без описания предметов, без показа неязыковой информации. Поэтому, не снимая полностью щербовское противопоставление энциклопедического толкования понятий филологическому объяснению значений слов, сейчас все больше начинают говорить о сближении и взаимопроникновении этих различных подходов к разработке смыслового содержания слов. Необходимость такого сближения особенно заметна в практике диалектной лексикографии, что связано прежде всего с особым объектом лексикографической разработки в областных словарях.

Говоря о различиях в содержании лексикографических и лексикологических исследований, Х. Касарес отмечал, что «работа лексикографа, характеризующаяся терпеливым изучением и сопоставлением доказанных лингвистических фактов, не должна смешиваться с работой этимолога, никогда не свободным от фантазии».[4] Эта мысль, верная, если речь идет о лексикографе, составляющем словарь современного литературного языка, нуждается в существенных оговорках, если говорить об исторической и диалектной лексикографии. Положение о том, что лексикограф имеет дело с доказанными, т. е. общепризнанными, известными, исследованными фактами, к исторической и диалектной лексикографии не всегда применимо. В диалектных словарях предметом исследования и описания выступают слова, составляющие специфическую часть словарного состава говоров, т. е. собственно диалектная лексика. В дифференциальных областных словарях эта лексика является единственным объектом описания. При лексикографической разработке диалектной лексики, как правило, исключается факт владения лексическим материалом диалекта как родным, что является обычным для составителя словаря литературного языка. Этим продиктован особый подход к семантической характеристике слов в областном словаре.

---

[3] *Киселевский А. И.* Семантические и предметные описания в энциклопедиях и словарях: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Минск, 1980, с. 40.

[4] *Касарес Х.* Введение в современную лексикографию. М., 1958, с. 46.

Между тем в истории лексикографии и лексикологии способы семантической характеристики слов в словарях обсуждались и обсуждаются прежде всего и в основном на материале литературного языка и добытые многими исследователями результаты касаются словарей литературного языка. Исследования эти почти не затрагивали вопросов семантической разработки словарного состава в словарях областных, диалектных. В инструкциях для составления областных словарей, в предисловиях к вышедшим в свет словарям в лучшем случае выдвигается требование давать точные и полные, хорошо сформулированные определения диалектных слов. Иногда выделяются две категории областных слов, требующих различного подхода к их семантической характеристике в диалектном словаре: а) слова, совпадающие по своему значению с соответствующими литературными словами (эквивалентами); б) диалектные слова, значения которых не совпадают со значениями слов литературного языка, не имеющие соответствующих литературных эквивалентов. Ср., например, в «Словаре говоров Соликамского района Пермской области»: «Толкование производится двумя способами: 1) посредством семантического эквивалента или ряда синонимов литературного языка, если такие имеются; 2) путем краткого объяснения, если значение диалектного слова не совпадает со значением аналогичного слова литературного языка или в литературном языке вообще нет соответствующего слова».[5] Обычно же в теоретических концепциях областных словарей присутствует молчаливое признание возможности одинакового подхода к семантической разработке лексики в диалектных и литературных словарях.

Значительное место проблеме определения значений отведено в «Инструкции Псковского областного словаря», написанной Б. А. Лариным. В ней не только высказываются общие положения относительно толкований, но и представлены образцы семантической разработки различных разрядов диалектной лексики. В Инструкции постулируется положение о том, что семантическая разработка большинства диалектных слов требует «развернутых определений, аналитически вскрывающих ведущие, константные и дополнительные признаки значения или объяснения их служебных функций в речи, синонимы здесь допустимы лишь как дополнительные пояснения».[6] Однако в этом обстоятельном очерке не затронут вопрос о соотношении филологического и энциклопедического принципов в семантических описаниях диалектных словарей. Между тем вопрос этот имеет важнейшее значение именно для диалектной лексикографии.

Особенностью диалектного словаря является то, что слова и значения, составляющие предмет и объект описания, представляют собой элементы устной разновидности языка, не зафиксированной

[5] Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973, с. 11.

[6] *Ларин Б. А.* Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961, с. 11.

в письменности. Нередко контексты, в которых выступает слово, не содержат достаточно полной информации о его значении. Количество таких контекстов невелико, что не позволяет во многих случаях путем контекстуального анализа установить точный смысл слова. Не может в этих случаях прийти на помощь и знание языка, знакомство с понятийным миром, скрывающимся за словами, что имеет место при составлении словаря литературного языка. Здесь лексикограф сталкивается с трудностями, связанными с выделением значений, оттенков значения и их истолкованием.

Особое внимание должно быть обращено на разработку слов, в семантической структуре которых совмещаются общенародные и диалектные значения и оттенки. Трудности разграничения диалектного и общенародного в семантике слова общеизвестны. Нередко в таких словах в говорах развиваются особые, специализированные значения и оттенки, на первый взгляд укладывающиеся в известные общерусские смыслы. Диалектный словарь этого типа (и полный, и дифференциальный) должен отразить все особенности значения и употребления слова. Эти приобретения смысла обычно связаны с особенностями быта, уклада крестьянской жизни, вида хозяйственной деятельности и отражают общие закономерности процесса семантической дифференциации диалектной лексики.

В народных говорах отражаются различия в сегментации понятий, различия в сегментации реального мира вещей и явлений, что, естественно, находит выражение в диалектных различиях лексико-семантического уровня.[7] Это может выражаться, например, в том, что в одних говорах есть слово, обозначающее общее понятие, в других — только слова, выражающие различные степени детализации этого понятия. Это можно проследить на широко известном слове *изба*. В литературном языке оно обозначает 'деревянный крестьянский дом'. В диалектном же языке (в различных говорах) слово *изба* известно в таких значениях: а) 'жилой дом из одной комнаты (с русской печью)'; б) 'жилой дом из одной комнаты, с сенями'; в) 'дом с двухскатной крышей'; г) 'дом, в котором собираются для проведения сходок и других сельских надобностей'; д) 'старый дом, старое помещение'; е) 'плохой дом'; ж) 'новый дом'; з) 'одна из двух жилых построек под одной крышей, разделенных сенями'; и) 'отапливаемая часть жилища'; к) 'отдельное помещение в доме, комната'; и др. Очевидно, что все эти значения, часто противопоставляемые по говорам, не могут быть обобщены в одном значении, которое известно литературному языку. Это можно видеть и на примере функционирования в говорах слова *жито*. Это слово, уходящее своими корнями в общеславянскую и более глубокую древность, известно

---

[7] См. об этом: Русская диалектология / Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973, с. 201—236.

и современному литературному языку в значении 'любой хлеб (на корню, в снопах, зерне)', широко распространено в говорах русского севера, северо-запада и северо-востока, в поволжских, южно-русских, уральских и сибирских говорах, однако картина функционирования слова в говорах и в литературном языке не совпадает. Это наглядно представлено в словарной статье на *жито* в СРНГ, которую приведем здесь с некоторыми сокращениями: *Жито*. 1. Любой хлеб (на корню, в снопах, зерне). Тамб., Пенз., Ряз., Тул., Сарат., Перм., Вят., Нижегор., Горьк., Костром., Моск., Яросл., Новг., Волог., Арх. // Хлеб на корню. Арх., Том., Пенз. // Хлеб в снопах. Яросл. // Хлеб в зернах. Вят., Киров., Перм., Екатеринб., Том., Новосиб., Курск., Тул., Ворон., Самар., Куйбыш., Пенз., Ульян., Симб., Нижегор., Яросл., Костром., Волог., Арх., Север. // Чистое зерно. Вят. // Самое чистое зерно. Кузнец. Том. // Овес, ячмень, пшеница, греча. Вост. (Даль). // Ячмень, пшеница. Устюж. Волог., Новг. // Яровой хлеб в зерне. Вост. (Даль). // Рожь, пшеница. Сузун. Новосиб. // Ячмень, рожь, пшеница. Тул. // Горох, ячмень. Волог. // Овес, пшеница. Волог. // Овес, ячмень. Яросл. // Овес, ячмень, пшеница. Кадн. Волог. // Ячмень, рожь. Бельск. Смол. // Пшеница. Калуж., Куйбыш. // Яровой хлеб. Яросл., Волог., Арх., Моск., Вят. // Ячмень (на корню, в снопах, зерне). Новг., Смол., Твер., Калин., Пск., Петерб., Ленингр., Волог., Олон., Онеж., Сев.-Двин., Арх., Север., Яросл., Влад., Моск., Тул., Тамб., Вят., Енис., Краснояр. // Ячмень на корню. Белозер. Новг., Арх. // Ячмень в зерне. Арх. // Рожь (на корню, в снопах, зернах). Курск., Орл., Тул., Калуж., Брян., Смол., Великолукск., Влад., Ряз., Казан., Тамб., Ворон., Сарат., Куйбыш., Дон., Краснодар., Кубан., Южн., Перм. // Рожь на корню. Курск. // Рожь в зерне. Рыльск., Судж. Курск., Вят., Перм., Том. // Яровая рожь. Вят. (Даль). 2. Зерно, оставленное на семена. Вят., Нижегор. 3. Колосья. Вят., Арх. 4. Кушанье из ячменя с горохом или бобами. Пск. 5. Ячменная крупа. Арх.

Очевидно, что все многообразие значений и оттенков, варьирующихся на обширной территории, в различных говорах, не может быть сведено в СРНГ в одно значение.

Примеры семантической дифференциации приводятся в статьях Р. Т. Гриб, Л. А. Музюкиной, Е. В. Ухмылиной и других диалектологов.[8] Так, Р. Т. Гриб отмечает, что в красноярских говорах слово *банка* употребляется не только в значении 'стеклянный или металлический сосуд преимущественно цилиндрической

---

[8] См.: *Гриб Р. Т.* К вопросу о соотношении имен существительных единого плана выражения в диалектном и литературном языке. — В кн.: Русские говоры Сибири. Томск, 1961, с. 46—52; *Музюкина Л. А.* Функционирование гидрографической терминологии в говоре Курьинского р-на Алтайского края. — Там же, с. 76—86; *Ухмылина Е. В.* О специфике семантической характеристики слова в региональном словаре. — В кн.: Эволюция и предыстория русского языкового строя. Горький, 1981, с. 86—95.

формы', но и приобретает особый смысл — 'берестяная табакерка', который требует выделения его в отдельное значение. Этот случай может быть отнесен к простым и ясным явлениям, но в говорах наблюдаются случаи и более сложные, неотчетливо дифференцированные. По сведениям Л. А. Музюкиной, в алтайских говорах русского языка сложные взаимоотношения лексических единиц, не всегда поддающиеся квалификации, наблюдаются в функционировании гидронимических наименований: *ключ*, *река*, *родник*, *рукав*, *курья*, *старица* и др.

С точки зрения территориального распространения диалектная лексика подразделяется на две большие группы: а) слова, известные во многих говорах; б) слова, употребляемые только в одном говоре. Особо выделяется совокупность слов, известных только севернорусским или только южнорусским говорам. Эти различия имеют существенное значение для областных словарей, ибо нередко в одних говорах существуют названия более общих понятий, в других — более частных, а в третьих — и более общих, и более частных,[9] что затрудняет семантическую разработку слов (особенно в сводном словаре русских говоров). «Для правильного их (слов. — *Ф. С.*) понимания необходимо учитывать те внутрисистемные связи, которые обнаруживаются при изучении лексико-семантических групп в одном говоре».[10]

В народных говорах вскрываются различные по происхождению лексические пласты: слова, восходящие к индоевропейскому фонду, общеславянские слова, древнерусские (восточнославянские) слова, новообразования на русской диалектной основе, заимствования из других языков, слова, пришедшие из арго, жаргонов и освоенные диалектами.

В практике диалектной лексикографии вначале стихийно, а затем все более осознанно и научно аргументированно наметились разные подходы к разработке семантики слов этих категорий. Обычно говорят о двух основных видах определений в диалектных словарях: синонимических и дефинитивно-описательных. Многие диалектные слова и выражения целесообразно определять путем передачи их значений соответствующим литературным эквивалентом («синонимом»), имеющим тождественное значение: *иверьги — серьги*, *имбар — амбар*, *имение — мнение*, *калита — ватрушка*, *калига — брюква*, *каменка — печь*, *запрaться — запереться*, *заклят — клятва*, *дремот — дремота*, *дуван — ветер*, *кочет — петух*, *курбан — кувшин*, *легота — легкость*, *лесосек — лесосека*, *летвинь — ботва* и т. п. Это относится к словам, имеющим соответствующие литературные эквиваленты. Разновидностью такой разработки являются случаи, когда диалектное слово (значение) передается не одним, а рядом эквивалентов литературного языка: *заклячить — зажать*, *захватить*, *защемить*; *заклятый — засохший*, *затвердевший*; *замодеть — зазнаться*, *загордиться*; *замо-*

---

[9] Русская диалектология, с. 220 (глава написана О. Н. Мораховской).
[10] Там же, с. 221.

дить — загнить, закиснуть; *державный — обиходный, повседневный, обыденный*; *дыбучий — зыбучий, топкий*; *дозорный — опрятный, чистоплотный*; *дивье — удовольствие, счастье* и т. п. или соответствующим словосочетанием: *ледка (лёдка) — мелкий лещ*; *ледень — обледенелая дорога*; *кучак — вязкое болото* и т. п.

Передача значения диалектного слова через соответствующий литературный эквивалент — это по существу метод, используемый в двуязычной лексикографии. Поскольку русский литературный язык и его говоры возникли из одного источника и на протяжении всей истории их развития влияли и влияют друг на друга, постольку в их основе лежит одна система понятий. Это делает перевод диалектного слова литературным эквивалентом не только возможным, но и целесообразным, можно сказать, оптимальным приемом семантизации. Количество таких слов достаточно велико. Учитывая, что обычно областные словари являются толково-переводными, следует считать оптимальным прием передачи значения таких слов путем их перевода соответствующими литературными эквивалентами, т. е. приведением равнозначных слов литературного языка.

Подобным образом разрабатываются и многозначные слова, каждое значение которых (или некоторые значения) передается соответствующим литературным эквивалентом. Ср.: *далече (далечо)* — 1. далеко, 2. давно; *корыстно* — 1. полезно, 2. много, 3. хорошо; *издержать* — 1. утратить, 2. износить; *вочерно* — 1. грязновато, 2. темно; *восток* — 1. восток, 2. восточный ветер, 3. восход (солнца и т. п.). Сюда же относятся случаи, когда значение диалектного слова передается соответствующим словосочетанием литературного языка: *летняг — мелкий лес, лечес — песчаное место, лечебница — женщина-врач, лизун — дикорастущий лук* и т. п.

Определение через соответствующий литературный эквивалент (подобно синонимическим определениям в словарях литературного языка) указывает на связи и отношения между определяемым и определяющим. Литературный эквивалент («синоним») совпадает с диалектным объясняемым (определяемым) словом в предметном содержании (тождество предметного содержания) в ряде случаев значимостью в лексической системе, особенностями сочетаемости и употребления в контексте. Эквивалентный («синонимический») перевод экономичен, удобен и прост. Однако его применение связано с определенными трудностями и таит в себе возможность различного рода ошибок: огрубления значения, неточной, неполной передачи семантики диалектного слова. Такие определения можно использовать только в случаях полного совпадения значений диалектного и литературного слов.

Как особый случай следует рассматривать определение через сочетание собственно определения, описания и соответствующего синонима, например: *задолить* — ‘пробыть где-либо долго, замешкаться’; *закатистый* — ‘накатанный полозьями, скользкий’; *замана* — ‘привлекательный предмет, соблазн, приманка’; *замо-*

рянин — 'человек, прибывший из-за моря, иностранец' и т. п.

В других случаях должны применяться дефинитивно-описательные определения, вскрывающие ведущие, постоянные признаки значения. Это относится к тем многочисленным случаям, когда диалектное слово не имеет соответствующего эквивалента в литературном языке или лишь частично совпадает с ним по значению, различаясь оттенками значения, положением в кругу родственных слов и т. п. Однако, сформулированное в таком общем виде, это требование трудно реализовать в практике составления диалектных словарей. Дело в том, что описательные определения включают в себя ряд разновидностей, различающихся своей направленностью и применяющихся при разработке различных классов слов. Так, выделяются: «а) реальные, характеризующе-описательные определения; б) ограничительные определения; в) структурно-смысловые определения; г) структурные определения; д) грамматические определения».[11] Применение той или иной разновидности описательного определения зависит прежде всего от характера лексического материала, от особенности семантики слов, от их места в системе диалекта и национального языка. При семантической разработке слов, обозначающих предметы, состояния, положения, действия, применяются реальные и характеризующе-описательные определения. Например: *лозовня* 'сарай со стенами, сплетенными из лозы, хвороста'; *лом* 'тяжелая работа, труд'; *лощенка* 'серп, на котором наведен глянец' и т. п. С помощью структурно-смысловых дефиниций вскрываются отношения между смыслами (значениями) производных и производящих слов. Например: *ливица* 'очень большая лива'; *лисицевина* 'мясо лисицы'; *лобатик* 'человек с большим лбом'; *лосевать* 'охотиться на лося'; *лосенята* 'детеныши лося' и т. п.

В настоящей статье не ставится задача специального обсуждения условий применения всех разновидностей описательного определения значений слов в диалектном словаре; следует только отметить, что многое в этом отношении диалектные словари заимствуют из опыта работы над словарями литературного языка, где проблема обсуждается уже давно и где практика составления словарей выдвинула целый ряд методов и способов семантизации слов. Нас интересует вопрос о соотношении и разграничении «семантических» и «реальных» описаний слова в словарях,[12] вопрос о соотношении и разграничении филологического и энциклопедического принципов описания в словарях, наиболее четко сформулированный акад. Л. В. Щербой и коллективом составителей «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. «Толковый словарь — не энциклопедический словарь, задачи того

---

[11] Słownik gwar polskich. Zeszyt 1. Wroclaw и др. 1979, t. 1, s. XLII.

[12] *Киселевский А. И.* Семантические и предметные описания в энциклопедиях и толковых словарях.

и другого не совпадают: первый есть словарь языка и толкует слова, второй объясняет предметы, понятия. В иных случаях и в некоторых отношениях бывает трудно провести тончайшую грань между объяснением предмета и объяснением называющего его слова, но эта грань есть и должна быть. От словаря языка требуется дать все то, что достаточно для понимания слова, а не знакомства с самим предметом; поэтому от него нельзя требовать не только исчерпывающих, но и полных сведений о предмете».[13]

Как уже говорилось, диалектные слова, не имеющие соответствующих литературных эквивалентов, не полностью совпадающие или совсем не совпадающие с литературными словами по значению, определяются путем толкования. При семантической разработке таких слов их толкование в диалектном словаре нередко переходит от определения значений к раскрытию идей, понятий, к описанию самих явлений и предметов реального мира — семантическое толкование становится «предметным описанием». Эту тенденцию можно наметить и в практике составления словарей русского литературного языка начиная со Словаря Академии Российской 1789—1794 гг.

Вторжение элементов энциклопедической разработки слов в диалектном словаре не является результатом недостаточно четкого разграничения задач энциклопедических и филологических словарей, а представляет собой осознанный, необходимый и целесообразный прием.

Словарный состав современных говоров подобно словарному составу литературного языка представляет собой совокупность слов, появившихся в них в разное время и разными путями.

В говорах сохраняется та часть лексического состава, которая отражала некогда актуальные явления действительности, а теперь связана с пережитками старины. Эта лексика не имеет соответствующих эквивалентов в литературном языке. Сюда относятся такие тематические разряды лексики, как слова, связанные со старыми формами ведения сельского хозяйства, с названиями сельскохозяйственных орудий,- хозяйственных построек, одежды, обуви, предметов быта, ремесленная терминология, обрядовая лексика, названия обычаев, игр, поверий, жилищ, надворных построек, кушаний, особенностей рельефа, специальных действий и процессов и др. В активном употреблении крестьян — носителей народных говоров было мало слов, характерных для словарного запаса образованного человека, говорящего на литературном языке. В говорах (речь идет о традиционных говорах) отсутствуют лексические сферы, связанные с наукой, техникой, искусством и литературой, с понятиями политической жизни. Вместе с тем говоры несравненно более богаты, чем литературный язык, словами и терминами, отражающими понятия из сферы производственной деятельности сельского жителя — земледельца, скотовода,

---

[13] *Ушаков Д. Н.* Предисловие. — В кн.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934, т. 1, с. XXIV.

ремесленника, словами, обозначающими понятия из области обычаев, поверий, обрядов и т. п. Эти слова варьируют как в хронологическом, так и в территориальном отношении.

Диалектные словари отражают неодинаковое по говорам (по местностям) членение внеязыковой действительности, что находит выражение в дифференциации слов, смысл которых с точки зрения носителя литературного языка может казаться семантически неделимым.

Это обстоятельство особенно важно учитывать в сводном областном словаре типа СРНГ, в котором обобщаются материалы по всем говорам русского языка, собранные почти за двухсотлетний период их развития. Нередко одним словом в разных краях России обозначаются настолько различные по своему материальному составу и устройству предметы, что их трудно подвести под одно значение, хотя с точки зрения носителей литературного языка — это одно лексическое значение. Элементы энциклопедического описания как раз и призваны выявить такие различия. В СРНГ такая разработка сопровождает многие слова и термины. На необходимость такой разработки слов этих категорий указывала Е. В. Ухмылина на примере слова *амбар* [14] (отметим, однако, что Е. В. Ухмылина неточно передает толкование этого слова в БАС, что несколько уменьшает силу аргументации). Так, в различных говорах Горьковской области под наименованием *амбар* объединяются постройки, различающиеся по функциональному назначению, месту расположения, особенностям постройки (с полом, потолком, рублеными стенами и т. п.). Выделяется четыре значения и целый ряд оттенков значений слова *амбар* на сравнительно ограниченной территории бытования горьковских говоров.

Известно, что лексическая семантика тесно связана с экстралингвистическим содержанием, т. е. с миром вещей и явлений; язык, по выражению В. В. Виноградова, является элементом истории культуры народа, средством познания объективного мира. Вместе с тем надо подчеркнуть, что, подобно историческому словарю, словарь диалектный выполняет задачу отражения и закрепления достижений материальной и духовной культуры народа. Чтобы выполнить такую задачу, диалектный словарь должен в семантических описаниях дать картину объективного мира вещей и явлений, характеризующих жизнь и быт русского народа. Определения значений слов должны в этом случае стать определениями самих предметов и явлений. Толкование в этом случае неизбежно переходит от определения значений слова к раскрытию, описанию идей, понятий, предметов и явлений реального мира. Происходит тесное переплетение принципов толковых (филологических) и энциклопедических словарей, причем это переплетение и сближение является неизбежным, теоретически оправданным и практически целесообразным. Такой подход к семантиче-

---

[14] *Ухмылина Е. В.* О специфике семантической характеристики слова в региональном словаре, с. 93—94.

ской характеристике слов указанных классов отчетливо проявляется в замечательных для своего времени областных словарях А. О. Подвысоцкого, Г. И. Куликовского, причем этот подход был продиктован принципиальным положением о том, что «словари областных наречий должны быть вместе с тем и словарями этнографическими». Этнографический аспект областных словарей важен, по мнению А. О. Подвысоцкого, потому, «что областные наречия образовались под влиянием различных в разных местностях этнографических условий, которыми только и можно объяснить склад и происхождение весьма многих областных слов и особенностей наречий».[15] Поэтому слова, относящиеся к местной терминологической лексике (названия орудий труда, местных обычаев, местных явлений природы, особенностей ландшафта, названия построек и т. п.), т. е. этнографизмы в широком смысле получили в Словаре Подвысоцкого энциклопедическое толкование (реальное описание). Так разработана словарная статья на слово *забор* — 'устройство для ловли семги'. *Забор* — 1. «Устройство для ловли семги, из свай в четверть аршина поперечника, перегорода поперек реки в виде ломаной линии (перегораживать таким образом реку кольями называется з а б и р а т ь реку). Во входящие углы ломаной линии вставляются ловушки для рыбы — м е р ё ж и, т а й н и к и, м о р д ы и в ё р ш и, а в средине забора, на самом фарватере реки, оставляется отверстие в три сажени ширины для прохода судов, называемое ворота. Составляющие забор сваи вбиваются в дно реки двумя рядами, на расстоянии полутора маховой сажени одна от другой, в наклонном положении, так, что наклон одного ряда направлен против течения, а другого — по течению реки» и далее — разнообразные сведения о заборе, его устройстве, деталях и др.

На тех же позициях в разработке местной терминологической лексики, этнографизмов стоит и автор Словаря олонецкого наречия — Г. И. Куликовский.[16] Экциклопедические толкования с детальным описанием внешнего вида, формы, устройства реалий, правил их применения и использования сопровождают разработку слов, обозначающих приспособления и устройства для ловли рыбы, охотничьи ловушки на зверей, терминов, называюших явления местного быта, обычаи, нравы и т. п.

Так, словарная статья на слово *мутник* 'рыболовный снаряд наподобие невода' занимает большого размера страницу убористого текста. В ней содержатся сведения об устройстве этого рыболовного снаряда, о материале, из которого он изготовляется, о составных частях, их устройстве, форме, размерах, функциональной роли, способах лова, видах рыбы, для лова которой предназначается мутник, и многие другие сведения. Это образец

---

[15] *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

[16] *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1889.

статьи для хорошего, полного энциклопедического словаря. В ней все внимание обращено на характеристику внеязыковой действительности и дается минимальная характеристика термина как языкового знака.

При словах, обозначающих явления быта, обычаи, нравы, понятия, связанные с народной медициной, кроме толкования приводятся различные приметы, поверья и другие сведения этнографического характера. Ср., например, словарные статьи на слова: *он*, *сам*, *хозяин*, *овсяник*, *зверь*, *желанный*. Ср.: *он*, *сам*, *хозяин*, *овсяник*, *зверь* и реже *грязный* — вот названия, которые олончанин надавал медведю. В них обозначена сила впечатления, производимого медведем на олонецкого сельского обывателя, в них же обозначены симпатии медведя, его положение в лесной иерархии и страх обывателей перед этим «зверем» из олонецких зверей. Слова эти настолько употребительны, что совершенно заслонили собою слово общерусское — *медведь*; местные условия менее всего могли, конечно, поддержать, помочь распространению слова *медведь* — ни олонецкий медведь, ни сам олончанин меда от олонецких пчел никогда не видали, и страсть медведя к молодому овсу для олончанина гораздо понятнее. Кроме того, крестьянин верит, что медведь есть человек, превращенный каким-то волшебством в зверя (рассказы о Лип-дереве, порче на свадьбах и т. п.), поэтому, говорят крестьяне, медведь сам никогда не нападает на человека; нападает лишь из мести за причиненное ему неудовольствие или в отмщение за совершенный грех, по указанию бога (даже если корову он съедает, то считают, что ему «бог позволил»).

Даже обычные, казалось бы, слова сопровождаются в Словаре Куликовского обширными сведениями этнографического характера. Ср., например, разработку прилагательного *местный* — 'общий, общинный, артельный'. Речь идет об общественном сенокосе, который не делится на отдельные участки, а косится сообща. В словарной статье подробно рассказывается о способах уборки, обычаях, связанных с этим.

Можно считать, что истоки такого подхода к толкованию определенных разрядов слов надо искать в «Толковом словаре» В. И. Даля. Больше того — в Словаре В. И. Даля круг слов, обычно получающих такую характеристику, расширяется за счет наименований явлений и предметов, не относящихся к русской жизни или вышедших в его время из употребления. Ср., например: *галера* «вышедшее из обычая мореходное судно, парусное и гребное, величиною иногда до нынешних бригов; в каждое весло садилось по нескольку человек, иногда невольников или каторжников, посему ссылка на галеры значила ссылку в каторгу // суда или барки по Днестру поныне иногда зовутся галерами; это неуклюжие, плоскодонные дощаники, до 12 саж. длины, служащие и паромами» (т. 1); *голбец* «род примоста, загородки, чулана или казенки к крестьянской избе, между печью и палатями; припечье со ступеньками для всхода на печь и на полати,

с дверцами, полочками внутри и с лазом в подполье; чулан называется верхним, а подполье нижним голбцем. Ино голбец бывает не у входа и полатей, а за перегородкой, в стряпной, за печью» (т. 1).

Даже обычные, бытовые слова иногда получают такую разработку: *дрова* «лес, срубленный для топлива в чурбанах, в плахах и в поленьях, а мелкие дровишки хворост. . Дрова меряются на сажени, поленница ставится в сажень длины и вышины, а вглубь в одно, два, три и пр. полена, считая его в три четверти, отчего и названы дрова одно—двух-трехполенные или швырковые, двойник, тройник». Особенно отчетливо такой способ описания проявляется при разработке обрядовых терминов, терминов-названий обычаев, поверий и т. п. Например: *дружка* (дружко) «второй свадебный чин со стороны жениха (первый: старший боярин, тысячник), женатый молодец, главный распорядитель, бойкий, знающий весь обряд, говорун, общий увеселитель и затейник; он же уводит и ночью стережет молодых; ему помощник подружье и третьяк. В Сибири дружка самое почетное свадебное лицо, дока, знахарь, который отводит всякую порчу. Где бывает по двое и более дружек, из холостых, там это помощники и прислужники, шафера» (т. 1).

Заметим, что энциклопедически-этнографический аспект не в одинаковой степени присущ всем диалектным словарям дореволюционного и нашего времени. Так, он мало ощутим в «Материалах для объяснительного областного словаря вятского говора» Н. М. Васнецова (Вятка, 1907). Хотя и в этом словаре встречаются (правда, редко) случаи энциклопедического описания. Ср., например, словарную статью на слово *дружка*, в которой содержится не только истолкование значения этнографического термина, но указывается, кто дружкой может быть, каковы его функции на свадьбе, и по существу описывается весь местный свадебный обряд.

В целом удачным можно считать решение этой проблемы в «Словаре говоров Подмосковья» А. Ф. Ивановой (М., 1969). Придерживаясь принятого в Словаре принципа давать филологические определения, автор насыщает словарную статью материалами-примерами употребления слова в живой речи носителей диалекта, в которых раскрываются и особенности устройства реалии и указания на функции, а нередко и на место соответствующего слова в системе говора. Ср., например, разработку слова *наклёска*: «верхний продольный брус, прикрепляемый поверх копыльев саней. А на копылы наклеска, каждый копыл наклеску держит, она длинная, на наклеске мы с вами сидели, когда ехали. Наклеска — это у саней наверху, чтоб сани не развалились, она еще накопыльник называется». Такой способ описания реалии дает, пожалуй, более яркое и полное представление о предмете описания, чем это доступно энциклопедиям. В разработке этнографической лексики «Словарь говоров Подмосковья» прибегает к предметным описаниям. Ср. в этом отношении разработку термина

хвостанье: *Хвостанье* «свадебный обряд, при котором невесте в целях испытания предлагают что-нибудь сделать; а она нарочно делает не так. Жениха, допустившего ошибку в выборе невесты „неумехи“, „дурочки“, хвостают: его кладут на лавку и бьют веником. Невеста должна откупиться, чтобы освободить жениха. Она выносит и кладет на жениха подарки (обычно это полотенца). Чтобы получить подарок, ложатся под „хвостинье“ и другие участники свадебного пиршества». *Кумиться* «народный обычай, по которому за три дня до троицына дня девушки идут в лес, поют песни, угощают друг друга, обмениваются платками, плетут венки, вешают их на березы. На троицын день будут раскумливаться. На духов день кумиться собирались. Когда кумились, уходили в лес, только одни девки кумились, брали с собой еду, угощали друг дружку, платками менялись, а потом венки плели, вешали на березу и шли домой».

Такой же характер носит разработка подобных слов в СРНГ. В нем многие слова получают предметное описание в тексте определения. Ср., например, словарные статьи на слова *десяток* и *дидки*: *Десяток*. 1. мера льна; несколько горстей, связанных вместе. Этим общим определением нельзя было ограничиться, потому что на достаточно обширной территории, где распространено это слово и эта реалия, они имеют различное смысловое наполнение. Это: а) десять горстей льняного волокна, пеньки или поскони (Сиб., Перм., Волог., Костром., Нижегор., Южно-Сиб., Новосиб., Свердл.); б) десять—двенадцать горстей волокна (Костром.); в) двенадцать горстей льняного волокна (Шадр. Перм.); г) двадцать горстей льняного волокна (Шадр. Перм.); д) старинная мера трепаного льна, состоящая чаще из двадцати повесм; в части говоров десяток состоял из меньшего количества повесм: из 10, из 16 повесм (Мышк. Яросл.); е) 22 горсти льняного волокна (Яросл.); ж) сорок горстей льна (Твер., Хакас. Краснояр.).

Подобная картина наблюдается и в других значениях этого слова-термина: 2. укладка снопов льна (иногда и других культур); 3. участок сельскохозяйственных угодий, отводившийся в дореволюционной России или в послереволюционном единоличном хозяйстве группе хозяев; 4. группа хозяев, выделившаяся из общины для совместного пользования земельными или рыболовными угодьями в дореволюционном или послереволюционном единоличном хозяйстве.

Дидки «Игра девочек в камушки. Девочки берут пять камней одинаковой величины и садятся все на гладком месте: на полу или на земле. Играет одна из девочек. Для определения очереди камни „решетят“, т. е. каждая из участвующих берет на ладонь 5 камней подкидывает их и ловит тыльной стороной руки; затем, не переменяя положения руки, опять подкидывает словленные ею камни и ловит их ладонной стороной. Та, которая поймает больше камней, начинает игру первой. Все остальные играющие отдают ей свои камни. Та, которая играет первой, берет все камни в правую руку, подкидывает их и ловит тыльной стороной руки,

19884
БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

затем словленные камни опять подкидывает и ловит уже на ладонь. Словленные таким образом камни играющая откладывает в сторону как выигранные, затем при каждом подкидывании камня она хватает по стольку из лежащих на полу камней, сколько ей вздумается. Собрав все камни в руку, играющая как бы в награду за свою ловкость берет один камень и кладет его к прежде выигранным. Затем игра продолжается в том же порядке, и после каждого раза играющая откладывает себе камень, до тех пор, пока число выигранных дойдет до 5. Вернув свои 5 камней, играющая продолжает повторять ту же игру, но ловит камни уже левой рукой, пока как-нибудь не промахнется. Тогда она передает камни следующей, и каждая должна выручить свою пятерку. Излишне набранные камни возвращаются по окончании игры прежним хозяевам, но каждый камень оплачивается щипком». Это описание СРНГ полностью заимствовал из Словаря Олонецкого наречия Г. И. Куликовского. Стремление как можно полнее описать реалию в тексте определения в СРНГ объясняется рядом причин. Это, прежде всего, связано с тем, что СРНГ отражает лексику народных говоров не только наших дней, но и захватывает довольно большой отрезок прошлого (с начала XIX в.). За это время произошли большие изменения не только в словарном составе говоров, но и в понятийном мире и в мире реальной действительности. В этих условиях каждое слово приобретает черты и характеристики специального, исторического или этнографического термина. С другой стороны, Словарь, опираясь на записи диалектной речи XIX—XX вв., за редкими исключениями, не располагает цитатами, хорошо иллюстрирующими употребление слова.

Такой разработки требуют все этнографические термины, получающие место в диалектном словаре. В таком словаре, как СРНГ, этнографические термины представлены достаточно широко. Полный состав этнографизмов может быть выявлен только при сравнении (сопоставлении) диалектов с русской общенародной языковой системой. Для объективно правильного отбора такой лексики необходимо хорошее знание этнографии, особенностей жизненного уклада народа, его быта, нравов и обычаев. Только знание «вещного» мира позволит дать правильную дефиницию того, что скрывается за каждым этнографическим термином.

Семантическая разработка многих разрядов диалектной лексики связана, таким образом, с необходимостью проникновения в мир духовной и материальной культуры русского народа. Это особенно отчетливо осознается в последнее время, когда начинает углубленно изучаться слово как вместилище и хранилище знаний о действительности.[17] Установлено, что значение слова не может

[17] Этой проблеме посвящено достаточно много работ, среди которых необходимо указать прежде всего монографии и статьи В. Г. Костомарова и В. М. Верещагина.

быть сведено к лексическому понятию, оно включает в себя так называемый лексический фон, который должен учитываться при семантизации определенных разрядов лексики в словарях. Это особенно важно учитывать при составлении областных словарей, отражающих лексику (и, следовательно, понятийный и предметный мир) хотя и близкую, но не совпадающую со словарным составом литературного языка. Естественно, что объем фоновых сведений, сообщаемых о слове, должен быть строго очерчен и определен. Впрочем, этот вопрос нуждается в особом освещении.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

Из лексикографической проблематики

В последние десятилетия русская диалектная лексикография добилась значительных успехов. К настоящему времени издано более тридцати региональных словарей, составляется сводный Словарь русских народных говоров, двадцать выпусков которого уже увидело свет.[1] Однако это не значит, что дальнейшее развитие диалектной лексикографии протекает без затруднений. Лексикографы в своей работе постоянно сталкиваются с необходимостью решения различных проблем как теоретического, так и практического характера. Если конец 50—начало 60-х годов ознаменовались дискуссией о характере и типах диалектных словарей, обсуждением важных теоретических вопросов их построения, то в настоящее время принципиальные вопросы создания диалектных словарей в значительной мере решены и отработаны существующей практикой. Но из этого не следует, что обсуждены все проблемы диалектной лексикографии, что разработаны и не нуждаются в совершенствовании приемы и методы составления таких словарей. Ни один проект словаря, даже самый детальный, не может предусмотреть всех сложностей составительской работы и предостеречь лексикографов от ошибок и промахов. Ведь по существу каждое диалектное слово уникально, лексические значения его индивидуальны и характеризуют только данное слово,[2] многогранны связи диалектных слов. Все это требует повышенного внимания к конкретным фактам языка и делает работу составителя необыкновенно сложной и трудоемкой.

Статья посвящается трудностям, связанным с показом в диалектных словарях вариантов слов и разделением слов на омонимы. Она имеет целью помочь составителям диалектных словарей ориентироваться в массе диалектных слов и указать на отличия, существующие между вариантами одного слова и однокоренными синонимами (выявленные практикой, но пока еще не исследован-

[1] Словарь русских народных говоров. Л., 1965—1983, вып. 1—18.

[2] Следует заметить, что существующая у лексикографов тенденция использования типовых определений в известной мере нивелирует семантическое своеобразие синонимичных слов.

ные), на трудности разграничения омонимии и полисемии. Определение типичной вариативности, описание ее разновидностей, указание на критерии разграничения полисемии от омонимии, предложенные в статье, помимо теоретической значимости имеют и практическую направленность — помочь составителям диалектных словарей отграничивать эти явления от других, сходных с ними по характеру.

Материалом для статьи послужили современные диалектные словари, но прежде всего сводный Словарь русских народных говоров как самый большой и самый сложный по своему лексическому составу. Его основная характеристика, его своеобразие — отражение лексики всех русских говоров — послужили отправной точкой, исходными позициями, определившими принципиальные положения и понятия, в особенности понимание варианта и самостоятельного слова и их отношений в диалектном словаре, понимание омонима и омонимии.

Заметим, что для составителей словаря, отражающего одну диалектную систему, такие трудности тоже существуют, но последние все же менее значительны. Ведь в этом случае авторы словаря имеют дело с одной лексической системой и, следовательно, могут опереться на исследования (правда, немногочисленные) этих проблем на материале литературного языка. А как поступать составителям сводного диалектного словаря? Правы ли составители, показывая, например, фонетические варианты лексем в одной словарной статье, т. е. объединяя их и тем самым признавая одним словом? На какие теоретические основы они при этом опираются?

Как известно, сводный диалектный словарь отражает не простую совокупность диалектных лексических систем, а совокупность, в известной мере организованную, т. е. такую, которую можно представить как определенную систему, точнее, систему систем. Безусловно, это очень сложная языковая структура, в которой оказываются объединенными лексические системы всех русских говоров. В ее состав входят: лексика, общая с лексикой литературного языка, и значительная часть лексики, отличной от литературной. «Совокупность лексико-семантических систем говоров представляет сложную структуру общих и различительных элементов, среди которых есть и простейшие соотношения по одному признаку и весьма сложные сопоставления разных частных подсистем».[3] Представление о всей совокупности диалектной лексики как о системе объясняется генетическим родством составляющих ее элементов, а также однотипностью их развития в условиях взаимодействия друг с другом и с литературным языком.[4]

Системность в этой структуре в настоящее время обусловливается тем, что «отдельные микросистемы представляют собой не

[3] Русская диалектология / Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973, с. 212.

[4] См. об этом: *Сороколетов Ф. П.* К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров. — В кн.: Диалектная лексика. 1975. Л., 1978, с. 14—24.

внешние по отношению друг к другу объекты, а находятся в сложном переплетении между собой, взаимно проникают».[5] В диалектной макросистеме отмечается постоянное взаимовлияние, взаимообогащение лексических систем.

Интенсивное изменение современных говоров под влиянием литературного языка увеличивает в диалектах часть лексики, сходной с литературной, усиливает общность тенденций их развития. Такое понимание диалектной лексики как некой макросистемы, состоящей из большого числа отдельных частных систем, объединенных одинаковыми тенденциями развития, сформировалось в результате работы над Диалектологическим атласом русского языка, Словарем русских народных говоров и диалектными словарями отдельных областей и регионов.

Диалектная лексика, собранная воедино на страницах СРНГ, обработанная лексикографически и представленная в виде отдельных словарных статей с перечнями значений, подчеркивает целостность этого грандиозного лексического собрания, обнажает его системные внутренние связи и взаимоотношения.

Большинство диалектологов признает возможным изучение таких явлений, как вариантность, омонимия и синонимия на материале всей совокупности русских говоров, всех частных диалектных систем. Но при этом, как правило, не учитывается специфика макросистемы и иной статус в ней вариантов слов и омонимов. Между тем своеобразие макросистемы имеет принципиальное значение. Ее некоторая условность, как правило, не допускающая, например, синхронного и повсеместного употребления всех материальных вариантов слова, омонимов, взаимную мену синонимов и т. д., заставляет по-иному отнестись к явлениям, наблюдаемым в макросистеме, выработать такой подход к ним, который учитывал бы их сущность и иное положение (по сравнению с одной системой) в макросистеме.

I. Фонетические варианты

Особенную трудность при составлении дифференциального словаря представляет показ фонетических вариантов. В самом деле, как разрабатывать в сводном диалектном словаре — вместе или раздельно, т. е. самостоятельными словами — такие случаи, как *кунéжиться* и *кумéжиться*, *кýтерга* и *кутерéга*, *куёрдиться* и *куёлдиться*, *лакýдра* и *лахудра*? Как известно, говоры русского языка располагают огромным количеством таких фонетических вариантов, лексических единиц, незначительно отличающихся друг от друга фонетическим обликом (при тождестве или близости лексических значений). В этом легко убеждаешься,

[5] Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1965, с. 10. См. также: *Аванесов Р. И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974, с. 119—142.

открыв любой выпуск СРНГ: *ку́моворот*, *кумоворо́т* и *куноворот* ‘водоворот’, *ку́моворо́ть* и *ку́новороть*; *ку́мпол*, *ку́нбол*, *ку́нпол*; *кудеяр* и *кудояр*; *кура́хтаться*, *курбхтаться*; *кутема́* и *кутёма* и т. п. Показ их в диалектном словаре представляется задачей одновременно и важной и очень сложной. Важной — поскольку она касается большого массива слов; сложной — так как ее разрешение непосредственно связано с решением такой серьезной проблемы, как проблема тождества и вариантности слова, вариантности и синонимии. Последняя, хотя уже и обсуждалась в русской диалектной лексикологии, но разработана еще недостаточно.[6]

На первый взгляд кажется, что словарник интуитивно решает, какие лексические факты объединить в одной статье, а какие разделить на две. Лексикографическая практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев для авторов СРНГ существует более или менее четкая граница между вариантами лексем и однокоренными синонимами; в Словаре по-разному показываются слова с указанными отличиями: одни — самостоятельными статьями, а другие — в одной статье. Это говорит о том, что составители и редакторы видят неодинаковые языковые факты и соответственно стремятся отразить их. Лексикографически это понимание реализуется следующим образом: лексемы, различие в фонетическом облике которых понимается как вариативность, как правило, показываются вместе, т. е. в одной словарной статье; см., например, в 16-м вып. СРНГ слова, отличающиеся одной гласной или согласной фонемой: *купаре́з* и *купаре́с*; *купари́сный* и *купаре́сный*; *купари́совый* и *купаре́совый*; *кужлёвый* и *кужлёвый*; *кужёнка* и *кужёнка*; *кумча́н* и *кунча́н*; *кумы́сник* и *кумы́зник*; *кумы́сничать* и *кумы́зничать* и многие др. объединены в одной словарной статье.

Нельзя не отметить, что на фоне подавляющего большинства случаев, когда варианты объединяются в одной статье, иногда можно встретить случаи, в которых как будто подобные же языковые факты помещаются в самостоятельных статьях: *лаку́дра* и *лаху́дра* или *куёвдиться*, ‘лежать неспокойно, беспрестанно двигаясь, ворочаясь’ (Зап. Брян., 1957) и *куёлдиться* ‘долго и не-

---

[6] См.: Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, с. 148; *Филин Ф. П.* О слове и вариантах слова. — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963, с. 128—133; *Лукьянова Н. А.* 1) Диалектные слова и варианты слов. — Изв. Сиб. отд. АН СССР, 1966, № 5, вып. 6, с. 120; 2) Однокоренные синонимы и варианты слова. — В кн.: Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970, с. 156; *Баранникова Л. И.* О вариантных единицах диалектных систем. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, с. 31—38; *Блинова О. И.* 1) Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973. 257 с.; 2) Фактор мотивированности и вариантность слова. — В кн.: Язык и общество. Саратов, 1974, вып. 3, с. 144—154; 3) Об отдельности слова в диалектном языке. — В кн.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1975, с. 8—13, и др.; *Омельченко Л. И.* К вопросу о вариантах слова в говорах. — В кн.: Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. Красноярск, 1976, с. 27—32.

умело заниматься чем-либо, возиться с чем-либо' (Усть-Лабин. Краснодар., 1965). Конечно, объяснение такой непоследовательности можно найти в чрезвычайной сложности и многообразии русского диалектного материала.

Однако основная причина, безусловно, кроется в теоретической неисследованности, неразработанности указанной проблемы. Следует сказать, что накопленный в процессе работы над диалектными словарями значительный опыт показа вариантов, отграничения их от самостоятельных слов нигде еще не описан и не обобщен.

Своеобразие взаимоотношений внутри русской диалектной макросистемы диктует иной подход к таким словам (по сравнению с вариантами одной системы). Как совершенно правильно заметила О. И. Блинова, «разнодиалектные вариантные образования не могут действенно противопоставляться друг другу, как это свойственно однодиалектным вариантам слова».[7] Они лишены и другого важного свойства вариантов одной системы — взаимозаменяемости. Из этого следует вывод об ином статусе таких слов в диалектной макросистеме. Об этом главном отличии нельзя забывать при исследовании разнодиалектных слов-вариантов и при описании их в диалектном словаре.

Диапазон различий в фонетическом облике диалектных слов весьма широк: от очень незначительных (например, различие в качестве согласных фонем: *кося́вчатый — коса́вчатый*, *любови́на — любовина* 'нежирное мясо') до весьма серьезных: в одной—двух фонемах (*оболо́нье — обло́нье*, *кружо́вник — круже́ник*, *уже́ — авжу́*).

Обратимся прежде всего к тому пониманию варианта и вариативности, которое сложилось в русистике в отношении системы литературного языка. Как известно, в последнее время получило распространение мнение о том, что формальные различия вариантов одного и того же слова являются минимальными (одна—две фонемы).[8] Эта концепция особенно отчетливо выражена в книге К. С. Горбачевича «Вариантность слова и языковая норма»: «Варьирование слова обычно осуществляется в определенных акцентологических и фонематических границах. Эти ограничения имеют объективный и необходимый характер, так как формальные различия языковых единиц, воспринимаемых как одно слово, не могут быть слишком значительными. Нарушение этих условий ведет к необратимым формальным изменениям и разрушению тождества слова».[9]

Поскольку формальные различия вариантов одного и того же слова не могут быть значительными, внимание исследователей

---

[7] *Блинова О. И.* Введение в современную региональную лексикологию, с. 95.

[8] *Филин Ф. П.* О слове и вариантах слова, с. 128—133.

[9] *Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978, с. 13.

направлено на разграничение вариантов слова и однокоренных синонимов, на разграничение вариативности и синонимии, на определение той границы, которая ставит предел тождеству слова. Это положение, выработанное для системы русского литературного языка, до определенной степени может быть использовано и для диалектной макросистемы всех русских говоров, но, конечно, с учетом того, что граница слова, отличие между вариативностью и синонимией должны быть несколько иные.

Как известно, материальные варианты в диалектах образуют многочисленные лексемы с отражением результатов многообразных незакономерных фонетических особенностей (естественно, что результаты закономерных фонетических явлений в диалектных словарях вообще, как правило, не показываются). Лексемы с результатами незакономерных явлений помещаются в словари. Таким образом получают отражение следующие фонетические явления: протетический j (брян. *я́лый*, смол., пск. *я́нгел*, зап. *ягре́ст*), прибавление гласных фонем в начале слова (*альняно́й*, *аржано́й*, *амша́ник*, *амхово́й*, *игру́ша*), отпадение начальных гласных фонем (*горо́д*, *гуре́ц*, *кия́н*, *ла́дьи* ‘оладьи’), многочисленные и разнообразные мены гласных и согласных (*пощ**а́**лкивать* ‘пощелкивать’, *повя́ртываться* ‘повертываться’, *сово́дни*, *ве́хорь*, *е́стенный* ‘истинный’, *нале́в* ‘налив’, *нале́вка* ‘наливка’, *езда́к* ‘ездок’, *ро́зный* ‘разный’, *сыровёжки* ‘сыроежки’, *руковя́тка* ‘рукоятка’, *муравёльник*, *ковды*, *товды́*, *ле́хман*, *ле́шиман* ‘леший’, *лечёбница* ‘женщина-врач’, *лечёвница* ‘лечебница’), результаты ассимиляции (*домомни́к*, *дамно́*, *ромно́*, *дере́мня*), диссимиляции (*гума́га*, *гумазе́я*, *ко́нпас*, *онба́р*, *ланпа́да*), вставки гласных и согласных (*то́роф*, *черенец*, *ко́ром*, *здреть*, *здре́ние*, *стражёнье*) и т. п. Приведенные лексические факты надо отнести к словам, в фонетическом облике которых реализовались незакономерные лексикализованные фонетические явления. Результат лексикализованного явления (различие ударной гласной фонемой, согласной фонемой в сильном положении и др.) служит индивидуальной приметой фонетического облика диалектных слов, т. е. проявляется на лексическом уровне. Таким образом, характерным свойством таких единиц является лексический характер фонетических различий. В этом проявляется отличие между вариантами одной системы и вариантами в макросистеме. При исследовании вариативности в диалектной макросистеме, определении границ вариантности и синонимии необходим учет результатов незакономерных фонетических явлений, получивших отражение в отдельных лексемах.

Лексемы этого типа правомерно квалифицируются составителями как самостоятельные слова и помещаются в Словаре раздельно, т. е. отдельными словарными статьями. Подобные факты представлены очень большим количеством слов.

Другие слова, также многочисленные, отражают в своей материальной стороне менее значительные различия (например, различия в качестве отдельных фонем и т. п.). Их различия в фонетическом облике не имеют лексического характера. Именно на

этом основании они помещаются в одной словарной статье. Таким образом, слова первого рода от слов второго рода отличаются тем, что у первых различия в фонетическом облике носят лексический характер, а у вторых эти различия не имеют такого характера.

Различие лексем второго рода в данном случае является для нас наиболее важным и интересным. Оно непосредственно относится к проблеме тождества и отдельности слова в границах диалектной макросистемы. Надо сказать, что это чрезвычайно тонкое различие в материальной стороне лексем. Проведение в этом случае отчетливой границы между словами-вариантами и самостоятельными словами представляет собой наибольшую трудность при описании их в СРНГ.

При этом качество и способ записей диалектной речи, имеющихся в распоряжении составителей (почти за 200-летний период, сделанных разным путем), сильно затрудняют сведение вариантов слова к одному, выведение основного варианта и определение подчиненных. К этому прибавляется необходимость различать варианты языковые, фонетические от орфографических. Поскольку не все записи сделаны с помощью транскрипции, истолкование записей слова находится в прямой зависимости от их качества, от того, насколько точно собиратель услышал и записал слово, а также от того, как он его орфографически осмыслил. Как известно, различие между языковыми и орфографическими вариантами даже в литературном языке «оказывается довольно сложным».[10] Тем более трудно увидеть в многочисленных и разнообразных записях диалектного слова одно и то же содержание, отделить фонетические варианты от орфографических. Трудно, например, сказать, что собой представляют написания *лу́зкать* и *лузка́ть* ‘лузгать’, отражают они языковое явление или особенности записи.

К материальным различиям слов, не получающих выражения на лексическом уровне, следует отнести такие различия фонетического характера, функциональная нагрузка которых менее значительна (чем различия в фонеме в сильном положении), как, например, различия в качестве отдельных фонем.

1. Твердости—мягкости согласных: *кося́вчатый* и *коса́вчатый* ‘с косяками. Об окне’ (Арх., Олон., Новг.), *лета́шка* и *летя́шка* ‘птичка’ (Тихв. Новг., Твер.), *летя́чий* и *лета́чий* ‘летящий’ (Сиб., Вят., Влад., Онеж.), *личма́нистый* и *личмя́нистый* ‘мордастый’ (Курск., Тул., Ряз., Ворон., Перм., казаки-некрасовцы), *ку́дерцы* и *ку́дерьцы* ласк. ‘кудри’ (широкого распространения), *ку́зенка* и *ку́зенька* ласк. ‘кузница’ (Курск., Тул. и др.), *кузьми́нки* и *кузми́нки*, мн. ‘название религиозного праздника Кузьмы и Демьяна’ (Арх., Вят., Симб., Курск., Казан.), *ле́пинка* и *ле́пинька* ‘ветка,

[10] *Букчина Б. З.* Орфографические варианты. — В кн.: Литературная норма и вариантность. М., 1981, с. 225.

веточка' (Олон.), *литвéнь* и *литьвéнь* 'ботва свеклы, моркови, картофеля' (Куйбыш.), *лóдырка* и *лóдырька* 'лентяйка' (Туган. Том.) и т. п.

2. Краткости—долготе согласных: *кýйвата* и *кýйватта* 'уровень воды между отливом и приливом' (Арх., Беломор. КАССР), *кýйпака* и *куйпакка* 'то же, что куйвата' (Арх., Беломор. КАССР), *кýкиш* и *кýккиш* 'ягода шиповника' (Олон.), *куковáть* и *куккováть* 'горевать, тосковать, печалиться' (Терск., Ворон., Моск., Олон.).

3. Различия в неударных гласных фонемах (обычно *а—о*, *е—и*, поскольку фонемы *ы—о—у* противопоставлены четче, если речь не идет о словах заимствованных): *кýзленца* и *кýзлинца* 'кузница' (Новг.), *кýканик* и *кýконик* 'вид пирога из кислого теста' (Олон., Север.), *кýкарачь* и *кýкорачь* 'на карачки, на карачках' (Костром., Вят., Иркут., Сиб., Южн.-Сиб.), *кукарéшки* и *кукорéшки* 'закорки, заплечье' (Арх., Онеж.), *кýккой* и *кýккуй* 'белый хлеб' (Олон.), *кýлага* и *кýлога* 'прошлогодняя сухая трава' (Олон.), *лабзá* и *лобзá* 'льстец, угодник' и др. значения (Север., Пск., Твер., Перм.), *ладéйка* и *лодéйка* 'судно', 'лодка' (Арх., Пск., Ильмень, Волхов), *ладéйный* и *лодéйный* 'относящийся к ладье' (Арх., Пск.), *лепáк* и *липáк* 'ягненок-сосунок' (Перм., Свердл.), *лепýга* (Ворон.) и *липýга* (Волог., Моск.) 'мокрый снег' (Арх., Беломор.).

4. Встречаются случаи, когда варианты в Словаре отличаются согласными фонемами в положении их небольшой функциональной значимости. Сюда можно отнести слова с *ч—ш* в сочетаниях *чн*, *чк*: *кумáчка—кумáшка* 'сарафан' (Влад.), *кумíшный* и *кумíчный* (Яросл.). Замена *ч* на *ш* в приведенных сочетаниях известна русскому языку еще с древности, в говорах она получила большее распространение, чем в литературном языке, поэтому одни и те же лексемы в говорах записаны и с *ч* и с *ш*.

5. Отличия в гласных фонемах под ударением, т. е. в сильном положении, не дают оснований считать лексемы с такими отличиями вариантами. Однако в Словаре для некоторых случаев делается исключение, с которым нельзя не согласиться. Как правило, слова, отражающие переход и непереход *е* в *о* после мягкой согласной, помещаются в одной статье: *креж* и *крёж* 'крутой склон горы' и др. (Олон., Новг.), *крéжик* и *крёжик* 'склон небольшой возвышенности' (Арх., КАССР), *крéсла* и *крёсла* 'сани' и др. (Арх., Пск., Новг. и др.), *крёсна* и *крéсна* 'крестная мать' (Костром., Яросл., Вят., Новосиб.), *кремлёвник* и *кремлéвник* 'хвойный лес, растущий на моховом болоте' (Арх., Вят.), *кружóвник* и *кружéвник* 'крыжовник' (Новг., Моск., Калуж. и др.), *лёчкать* и *лéчкать* 'пить' (Новг., Волог.), *лещóвка* и *лещéвка* 'сеть для ловли лещей' (Волхов и Ильмень, Перм., Костром., Арх.), *лешёбный* и *лешóбный* 'лесной' (Арх., Перм.) и т. п. Основанием для этого является не близость фонем *е* и *о*, а особая судьба *о* после мягкого, появившегося из *е*, разная степень завершенности перехода *е* в *о* в говорах и в литературном языке и в результате — слабая про-

тивопоставленность этих фонем в конкретных лексемах в границах общерусского языка.[11]

6. Составители Словаря колеблются в показе лексем, отличающихся ударными фонемами *е—и*. Стремление объединить их в одной статье вполне понятно. Оно объясняется артикуляционной и акустической близостью фонем *е* и *и* в ряде говоров, наличием в диалектах произношения *и* на месте *ѣ*, перехода *и* в *е* под ударением (сев. *ле́вень* 'ливень', *нале́вка* 'наливка', *пер* 'пир', *мер* 'мир'). Так, например, слова *куле́га* (Ряз.) и *кули́га* (Север., Моск., Калуж., Вост.) 'участок земли' помещаются отдельно, а слова *куме́каться* (Курск.) и *куми́каться* (Тамб.) 'долго возиться с чем-либо', *ле́пень* и *ли́пень* 'обрезок, лоскут, кусочек ткани, меха и т. п.' (Север., Перм., Курган.), *личи́льня* и *личе́льня* 'мастерская для шлифовки и полировки металлических изделий' (Влад., Нижегор.), *личи́льщик* и *личе́льщик* 'полировщик, шлифовальщик металлических изделий' (Нижегор., Влад.) — вместе. Объединение лексем в одной словарной статье становится особенно понятным, когда речь идет о словах, исходный фонетический облик которых трудно установить, о словах с затемненной этимологией и сложной историей. В последнем случае показ того и другого варианта в одной статье точнее и правильнее, чем сведение их к одному (выведение единого фонетического облика) или разведение фонетических вариантов по разным статьям.

7. Следующее отличие можно назвать «конвенциальным», так как относительно него у составителей существует договоренность, что лексемы с отражением такого отличия показываются в Словаре как варианты слов в одной словарной статье. В данном случае имеется в виду различие слов местом акцента. Составители Словаря отдают себе отчет в важной роли словесного ударения, в том, что в русском языке ударение имеет лексический характер. («Разноместность ударения в русском языке является важным фонологическим средством: она служит для различения разных слов».[12]) Ударение определяет звуковой облик каждого слова. Это очень важное свойство русского ударения проявляется в том, что изменение места акцента влечет за собой и другие изменения в материальной стороне слова, прежде всего — фонемные, а также изменения такого важного свойства слова, как ритмико-мелодическая структура. Несмотря на все это составители Словаря договорились показывать лексемы, различающиеся местом акцента, в одной словарной статье. См.: *лабáз* и *лáбаз* (Север., Северо-зап., Урал., Сиб.), *лабáста* и *лабастá* 'русалка' (Терск., Астрах., Казан.), *лáбза* и *лабзá* 'топкое место, зыбун, трясина' (Урал., Сиб.), *лáбзить* и *лабзи́ть* 'угодничать, лебезить, льстить' (Волог.,

[11] К. В. Горшкова говорит о «нефонематичности отношений между [е] и [о]» в архаических севернорусских и некоторых южнорусских говорах (*Горшкова К. В.* Из истории русского вокализма: Звуки [е] и [о]. — В кн.: Русское и славянское языкознание. М., 1979, с. 79).

[12] *Аванесов Р. И.* Русская литературная и диалектная фонетика, с. 85—101.

Влад., Твер., Тамб.), *ла́говка* и *лагóвка* ‘кадка’ (Волог., Нерч. Забайк.), *ла́дом* и *ладóм* ‘мирно, согласно, дружно’ (Север., Пск., Твер., Костром., Вят., Сиб.), *ла́дунка* и *ладу́нка* ‘сумка’ (Ряз., Тамб.), *лóвля* и *ловля́* ‘улов’ (Новг., Влад., Иркут., Байкал), *ловча́ги* и *ловчаги́* ‘рыбачьи и охотничьи сапоги’ (Север., Сиб.), *лóвы* и *ловы́* ‘промысловые снасти’, ‘улов’ (Беломор., Арх.). Такое решение подсказано характером лексических материалов Словаря, собранных на протяжении почти 200 лет многочисленными собирателями, имевшими разную лингвистическую подготовку. В этих собраниях слова не всегда имеют ударение. Невозможность опереться на диалектные материалы, последовательно акцентированные, вынуждает составителей показывать лексемы, различающиеся местом акцента, в одной словарной статье.

Таковы наиболее часто встречающиеся типы вариантов, отмечаемые в Словаре. Они отражают типичную вариативность. В практике словарной работы приходится встречаться, и довольно часто, со случаями более сложными, чем только что описанные. Слова могут различаться не только каким-либо одним признаком: акцентом или качеством одной фонемы. Отличия в слове могут быть представлены в комбинации друг с другом: *кружóвник* и *кружéвник* ‘крыжовник’ (Новг., Моск., Калуж. и др.), отличающиеся одной фонемой, и *кружéник* с тем же значением (Ср. Урал), которое от слова *кружóвник* отличается не только фонемным составом, но также количеством фонем и слоговой структурой. Слова *лённик* и *ленни́к* ‘работник, ведающий раздачей льняной пряжи ткачихам’ (Костром.), *лéпестье* и *лепестьё* ‘лепестки цветка’ (Пск., Осташк., Твер.) отличаются не только одной фонемой, но также местом акцента и другими свойствами, вызванными его переменой.

Лексемы, отличающиеся друг от друга не одним, а двумя признаками в фонетическом облике, нередко ставят авторов диалектных словарей в затруднительное положение. Наложение одного признака на другой создает в ряде случаев значительное отличие, не позволяющее объединять лексемы в одной словарной статье. Именно на этом основании разработка словарных статей *кулебáка* и *кулебя́ка* (*кулебáка* и *кулёбака* — вместе, а *кулебя́ка* — отдельно) вызывает сомнение в правильности: слова *кулебáка* и *кулебя́ка*, помещенные в разных статьях, отличаются только качеством одной фонемы *б*, в то время как объединенные в одной статье *кулебáка* и *кулёбака* — качеством *б*, составом фонем, разным местом акцента, обусловившим различный ритмико-мелодический рисунок слов, наконец, слоговой структурой.

Особенно неправомерно объединение лексем, в которых фонетическое отличие приобретает грамматическое значение. Например, слова *кулы́н* (Кунгур. Перм.) и *кулы́нь* (Перм.) ‘корень’, *лободы́р* (Новг.) и *лободы́рь* ‘сплавщик леса, плотов’ различаются не только качеством конечной фонемы, но также и грамматической характеристикой — парадигмой. Вообще отличия в фонетическом облике в исходе слов требуют особого внимания, так как

обычно они проявляются и на морфологическом уровне. Сочетание таких отличий в словах, по нашему мнению, создает условия для разведения лексем по разным статьям. Отличия в исходе слов имеют бóльшую функциональную значимость, чем в начале или в середине слова. Слова *кумáчна* (Влад.) и *кумáчня* (Кирил. Новг.) ‘кумачовый сарафан’, *лемзá* и *лемзя́* ‘растяпа, ротозей’ (Ср. Урал) отличаются не только качеством одной фонемы (*н*, *з*), но имеют также и другое отличие — грамматического порядка: разные парадигмы. Последнее заставляет сомневаться в правильности решения составителей о совместном показе этих лексем в Словаре.

Специального внимания требуют заимствованные слова. В книге М. В. Панова, например, они выделяются в особую подсистему.[13] Заимствованные слова в фонетическом облике отражают разную степень приспособления к различным фонетическим системам русских говоров. Они не имеют родственных слов, их материальная сторона не вызывает ассоциаций с другими, т. е. исключает возможность смешения с последними. Все это определяет иное решение и иной подход к заимствованным словам. При обсуждении вопроса о вариантности заимствованных слов вполне справедливо исходить из более значительных фонетических отличий в материальной стороне вариантов, чем у исконных слов, в особенности, если речь идет о недавних заимствованиях. Здесь допустимы отличия, например, в согласной фонеме: *кумга́н* и *кунга́н* ‘кувшин’ (Терск., Астрах., Южн., Урал), *кумы́сник* и *кумы́зник* ‘человек, пьющий кумыс, лечащийся кумысом’ (Уфим.), *кумы́сничать* и *кумы́зничать* (Уфим., Перм., Урал), *ла́бои* и *ла́йбои*, мн. ‘узкие длинные сани’ (Олон., Перм.). Допускаются отличия словарных вариантов одной фонемой и одновременно местом акцента: *лабаза́* и *лабба́* ‘растение лабазник’ (Олон., Арх.), *ле́нгасья* и *ленгóсья* (Арх.), а также отличия в двух фонемах: *ку́мбало* и *ку́нпало* ‘купол’ (Волог., Костром., Новг.), *ку́мпол*, *ку́мбол* и *ку́нпол* (Север. и др.).[14]

С этих позиций неправомерно выделение в самостоятельные словарные статьи слов *лантри́га* и *лантры́га* ‘мот, гуляка, тунеядец’ (Курск. и др.), а также слов *ленгу́з* (Твер., Пск., Курск.) и *ленгу́с* (Смол.) ‘лентяй’, *лемеси́на* и *лемеши́на* ‘табачная жвачка’ (Сиб., Камч.), особенно если учитывать при этом наличие в местах записи слов *лемесина* и *лемешина* фонетического явления смешения шипящих и свистящих.

Естественно, что классификация случаев вариативности, стремление очертить ее границы приближают к решению задач, связанных с показом вариантов в диалектном словаре, хотя полностью их не решают. Каждому составителю ясно, насколько эти задачи сложнее и сколько новых трудностей ожидает его на пути описания диалектного слова.

---

[13] *Панов М. В.* Русская фонетика. М., 1967, с. 27.

[14] На значительные различия в вариантах заимствованных слов указывает и О. И. Блинова (*Блинова О. И.* Введение в современную региональную лексикологию, с. 103).

II. Омонимы

При лексикографической разработке диалектной семантики, отображении ее в сводном словаре одним из труднейших вопросов является проблема омонимии, отграничения омонимии от полисемии (т. е. та же проблема тождества слова, но на семантическом уровне). Заметим, что В. В. Виноградов, придавая большое значение этой проблеме, называл ее «одной из самых неотложных и вместе с тем запутанных, очень далеких от решения».[15] По его словам, «методика исследования языковых тождеств заключает в себе много спорного и неясного».[16]

Говоря о показе омонимов в СРНГ, следует отдавать себе отчет в том, что сложность представления их в этом словаре намного больше, чем в словаре, показывающем одну лексическую систему. Даже разграничение омонимов разного происхождения в СРНГ весьма трудно. Это объясняется рядом причин.

1. Почти полным отсутствием этимологий у диалектных слов (заметим, что лишь отдельные этимологи привлекают в своих исследованиях диалектные слова, немногие диалектологи рискуют заниматься этимологией диалектных слов).[17] Из-за отсутствия этимологии диалектных слов невозможно проверить правильность объединения значений в одной словарной статье в тех случаях,

---

[15] *Виноградов В. В.* Об омонимии в русской лексикографической традиции. — В кн.: *Виноградов В. В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 289.

[16] *Виноградов В. В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения. — Там же, с. 39.

[17] См.: *Ларин Б. А.* 1) Из истории слов (лютый зверь, семья, кавардак). — В кн.: Памяти акад. Л. В. Щербы. Л., 1951, с. 190—200; 2) Из истории слов (буй—погост). — В кн.: Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962, с. 3—9; 3) Об архаике в семантической структуре слов (яр—юр—буй). — В кн.: Из истории слов и словарей. Л., 1963, с. 78—89. *Гринкова Н. П.* Из истории областных слов русского языка. I. Скрыня. — Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена, 1957, т. 130, с. 121—148; II. Полсть. — Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена, 1958, т. 144, с. 221—249; *Матвеев А. К.* 1) Мансийские заимствования в русских говорах по реке Пелыму. — Учен. зап. Уральск. ун-та, Свердловск, 1958, вып. 20, с. 71—85; 2) Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. — Учен. зап. Уральск. ун-та, Свердловск, 1959, вып. 32. 123 с.; *Трубачев О. Н.* 1) Несколько русских этимологий. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. М., 1961, вып. 3, с. 41—51; 2) Славянские этимологии 29—39. — Там же, вып. 2, с. 26—43; *Серебренников Б. А.* О финно-угорских этимологиях в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера. — В кн.: Лексикографический сборник. М., 1962, вып. 5, с. 30—35; *Котков С. И.* Из истории некоторых диалектных слов. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1962, нов. серия, т. III, с. 156—164; *Лыткин В. И.* Материалы по русско-финским словарным заимствованиям. — В кн.: Проблемы современной филологии / Сб. статей к семидесятилетию ак. В. В. Виноградова. М., 1965, с. 204—207; *Добродомов И. Г.* Из булгарского вклада в славянских языках, I. — В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 252—270; II — В кн.: Этимология. 1968. М., 1971, с. 189—196; III — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 103—115. См. также статьи Житникова В. Ф., Откупщикова Ю. В., Меркуловой В. А., Чумаковой Ю. П., и др.

когда семантическая разнородность значений порождает сомнение в правильности решения лексикографов.

2. Изменением фонетического облика слов. Как известно, многообразные и многочисленные фонетические процессы, происходившие на протяжении истории русского языка, изменяли фонетический облик диалектных слов. Такое изменение приводило к материальному совпадению с другими словами, генетически не имеющими к ним отношения. Например, слово *лощи́на* 'собака в возрасте около двух лет' (Беломор. Арх.), получившееся вследствие фонетических изменений из *лоньши́на* 'животное по второму году', фонетически совпало с *лощи́на* 'низменное место' (Калин., Ряз., Кубан.), что в результате привело к образованию в макросистеме омонимии. Изменение фонетического облика слова *кула́га* в *кули́га* 'мучная каша из ржаного солода' (Калин.) привело к образованию омонимии с *кули́га* 'круглый пшеничный хлеб' (Свердл.). Поэтому при разграничении слов на омонимы необходим внимательный учет многообразных фонетических явлений русского языка.

3. Смешением, контаминацией основ. В истории русского языка известны случаи, когда лексемы, тождественные или близкие по фонетическому облику, объединяются в одно слово.[18] Основой такого объединения является семантическая близость, наличие сходных лексических значений, а также смысловая ассоциация с другими корнями, близкими материально. Нередко контаминации способствует изменение фонетического облика слов. В случаях, когда контаминации подвергаются слова многозначные, это приводит к очень сложным конгломератам значений, в которых могут присутствовать и значения прямопротивоположные.

Еще более сложно разграничение омонимов гомогенных. В этом случае совершенно необходим принципиально иной подход к явлениям полисемии и омонимии, обусловленный специфическим характером макросистемы, включающей все многообразие отдельных частных систем. В. В. Виноградов считал необходимым четко отличать «принципы выделения и определения омонимов в системе живого, функционирующего языка от приемов исторического и сравнительно-исторического изучения омонимии».[19] Думается, что сводный диалектный словарь в известной мере можно считать историческим словарем (поскольку он включает диалектную лексику, зарегистрированную на протяжении почти двух столетий).

---

[18] *Мокиенко В. М.* К вопросу о лексической контаминации в русских говорах. — В кн.: Псковские говоры. Псков, 1973, вып. 3, с. 223—232; *Корнев А. И.* Явление контаминации в псковских говорах (возникновение глагола *боруздить*). — Там же, с. 233—245; *Кузнецова О. Д.* Лексико-семантические процессы в говорах. — В кн.: Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980, с. 117—125.

[19] *Виноградов В. В.* Об омонимии в русской лексикографической традиции. — В кн.: *Виноградов В. В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 289.

Особый характер Словаря, отражающего всю русскую диалектную лексику, диктует иной подход к явлениям омонимии, к определению ее границ.

Специфика словаря, его дифференциальный характер определяют и структуру словарных статей. Как правило, она представляет собой собрание значений, записанных в разных говорах, за вычетом значений, общих с литературными. Заметим также, что наличие каждого значения в этой сводке является до некоторой степени случайным, так как зависит от того, насколько полно сведения о них записаны собирателями. По этой причине вопросы о прерывности и непрерывности исторического развития значений в слове, о производности, первичности или вторичности значений, об учете законов семантики (очень важные при исследовании омонимии односистемной) отходят на второй план. Такой критерий, как близость—отдаленность значений слов, которым часто руководствуются исследователи, является вообще весьма субъективным.[20]

Как известно, диалектные лексемы нередко допускают объединение прямопротивоположных значений, энантиосемия является одной из особенностей диалектной лексики.[21] Кроме того, языковые процессы (контаминация основ) также способствуют объединению весьма далеких в семантическом плане значений.

Слова *ле́ща́дь* ‘отмель в море’ (Арх.) и *ле́щадь* ‘расщепленная палочка’ (Курск.) являются настоящими омонимами не только из-за несходства их значений, невыводимости одного из другого, но прежде всего потому, что в древнерусский период оба слова, очевидно, уже существовали как самостоятельные лексемы: ср. *лещадь* ‘плита’; ‘колотый на слои и обтесанный камень; плитняк’ (Сл. РЯ XI—XVII вв.) и *лещети* ‘род щипцов’ (Сл. РЯ XI—XVII вв.).

Таким образом, при учете таких факторов, как производность, выводимость или, наоборот, самостоятельность, независимость значений основное внимание следует направить на определение приблизительного времени появления значений. Ориентация на время появления полисемии—омонимии, с нашей точки зрения, является более важным и более объективным критерием. Практически это выражается в постоянном сопоставлении диалектных фактов с данными других славянских языков. Наличие интере-

---

[20] См.: *Марков В. М.* О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981, с. 3—29.

[21] См. об этом: *Сороколетов Ф. П.* Из истории лексики (слова с корнем *-лих-* в русских народных говорах и в литературном языке). — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.; Л., 1966, с. 151—174; *Прохорова В. И.* О словах с противоположными значениями в русских говорах. — Науч. докл. высш. школы, 1961, № 1, с. 122—127; *Климова Л. И.* Полярная эмоциональная оценка в пределах одного слова. — В кн.: 28 Герценовские чтения. Фил. науки. Лингвистика. Л., 1975, с. 89; *Лаврентьева Н. Б.* Энантиосемия как результат метафоризации. — В кн.: Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. Красноярск, 1976, с. 104—110.

сующих слов в западно- и южнославянских языках свидетельствует об общеславянском происхождении их и указывает, следовательно, на омонимию; наоборот, отсутствие лексем в этих языках и присутствие их в украинском и белорусском языках указывает на полисемию.

В словарной статье *ли́па* первое значение толкуется как 'дуб' (Бурят. АССР), а второе как 'притолока, косяк, подоконник у двери, окна' (Новг., Петерб., Пск., Калин.), т. е. одно из них связано со словом *липа* 'дерево липа', а другое — с глаголом *липнуть*. И хотя родство *ли́па* с *ли́пнуть* очевидно, однако оно не является актуальным не только для современного состояния языка, но также и для его исторического периода; следовательно, объединение этих значений в одной статье едва ли правомерно.

Таким образом, можно сказать, что омонимия, характерная для микросистемы, не тождественна омонимии, наблюдаемой в совокупности говоров русского языка (в макросистеме). Различие между ними имеет принципиальное значение. Именно поэтому перенос системных отношений, наблюдаемых в одной системе, на отношения в макросистеме не правомерен. В последнем случае эти отношения должны быть иными. Омонимы, отмечаемые в литературном языке или в одной диалектной микросистеме, не всегда являются омонимами для макросистемы, включающей всю совокупность русских говоров.

При исследовании этих явлений в макросистеме необходим более широкий взгляд на полисемию, допускающий объединение значений, возникновение которых относится к историческому периоду русского языка вплоть до древнейшей поры и находящих теперь соответствия в украинском и белорусском языках.[22]

При исследовании омонимии в макросистеме, при отражении ее в сводном словаре основное внимание должно обращаться на другие явления, чем при изучении этой же проблемы в одной системе: генетическое тождество слов, контаминацию основ и связанных с ней вопросов (изменения фонетического облика).

Таким образом, рассмотренные в статье некоторые трудности диалектной лексикографической практики тесно связаны с важными теоретическими вопросами лексикологии и лексикографии. Исследование их немало способствовало бы ускорению работы над диалектными словарями, улучшению их качества.

---

[22] Нельзя поэтому согласиться с Р. Т. Гриб в том, что в диалектах меньше омонимов разного происхождения, а больше образовавшихся в результате распадения полисемии общерусского слова (см.: *Гриб Р. Т.* К вопросу о соотношении имен существительных единого плана выражения в диалектном и литературном языке. — В кн.: Русские говоры Сибири. Томск, 1961, с. 46—52).

П. И. ПАВЛЕНКО

О взаимодействии лексики русского литературного языка и народных говоров

(на материале слов с приставкой *пред-*)

Исследование своеобразия семантического развития различных по происхождению пластов лексики русского языка является одной из важных и актуальных задач современного языкознания.

В свете этих задач особое значение имеет определение места и роли слов, старославянских по происхождению, в лексическом составе русского языка, в его литературной и, что особенно интересно, диалектной разновидностях. Сопоставительное изучение состава и характера таких лексических групп, путей и способов их вхождения в лексические системы русского литературного языка и диалектов, исследование особенностей функционирования их в разных сферах языка окажут существенную помощь при решении сложной проблемы происхождения русского литературного языка, вопросов соотношения и взаимодействия в нем книжнославянских и народно-разговорных элементов.[1]

Особенно перспективным в этом отношении представляется сопоставительное исследование структурно однотипных лексических единиц, к категории которых прежде всего относятся приставочные образования книжнославянского характера, бытующие в литературном языке и народных говорах.

Факты такого рода уже оказывались в поле зрения исследователей и изучались в разных планах, определяемых целями и задачами исторической и диалектной лексикологии.[2]

Учитывая важное значение лексики с книжными приставками для решения указанных проблем, необходимо продолжить иссле-

---

[1] См.: *Филин Ф. П.* 1) Об истоках русского литературного языка. — ВЯ, 1974, № 3, с. 3—13; 2) О генетическом и функциональном статусе современного русского языка. — ВЯ, 1977, № 4, с. 3—20; 3) Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981 (особенно глава первая). 327 с.

[2] См., напр.: *Улуханов И. С.* 1) Славянизмы и народно-разговорная лексика в памятниках древнерусского языка XI—XIV вв. — В кн.: Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1969, с. 106—186; 2) Славянизмы и народно-разговорная лексика в памятниках древнерусского языка XV—XVII вв.: (глаголы с приставками *пре-*, *пере-* и *пред-*). — В кн.: Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974, с. 58—121; *Белозерцев Г. И.* 1) Соотношение книжнославянских и народно-разговорных элементов в древнерусском литера-

дование и углубленное осмысление подобного материала (при наиболее полном и широком охвате его).

Уже простой учет, приведение в известность всего фонда таких слов, бытующих в русских народных говорах, оказываются весьма показательными как для внутренней характеристики диалектных лексических систем, так и в плане определения характера взаимодействия лексики литературного языка и говоров, поскольку на примерах фиксации живой народной речи демонстрируется наличие с той или иной степенью распространенности в народно-разговорном языке лексических средств книжнославянского происхождения — доказательных фактов для определенных теоретических заключений.[3]

турном языке XI—XVII вв.: (на материале образований с приставками *из-* и *вы-* пространственного значения): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1966. 23 с.; 2) О соотносительных образованиях с префиксами *вы-* и *из-* в русских народных говорах. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 1972. М., 1974, с. 268—280; *Жученко Н. К.* 1) Глаголы с приставками *пре-* и *пере-* в истории русского языка и его диалектах: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Саратов, 1969. 24 с.; 2) Соотношение приставок *пре-* и *пере-* в древнерусском языке. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. Саратов, 1968, с. 35—41; *Ильинская И. С.* 1) Из истории славянизмов в поэтической речи первой половины XIX в.: (Глаголы с приставкой *воз-* в поэзии Пушкина). — В кн.: Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964, с. 167—224; 2) Очерки по лексике Пушкина: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. М., 1970. 36 с.; *Павленко П. И.* 1) Слова с приставкой *воз-* в русских народных говорах: (в сопоставлении с литературным языком): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1973. 16 с.; 2) Семантико-стилистические особенности слов с приставкой *воз-* в русских народных говорах. — В кн.: Диалектная лексика. 1977. Л., 1979, с. 15—39; *Софронова А. И.* Из наблюдений над семантико-стилистической эволюцией в литературном языке XVIII в.: Группы глаголов с приставкой *воз-*. — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Казань, 1974, т. 10, с. 119—125; и ряд др. статей этих и иных авторов.

[3] Уместно напомнить, что до сих пор не установилось единого взгляда на широту распространения в говорах слов этого типа. Высказываются различные мнения о количественном составе их. Так, С. П. Обнорский полагает, что «церковнославянский слой в народном языке отложился незначительно, лишь внешним образом». (См.: К истории словообразования в русском литературном языке. — В кн.: Русская речь. Новая ария. Л., 1927, с. 79). Ср. также и такое его утверждение: «Обращает на себя внимание принадлежность большого числа производных с *без-* книжному, литературному языку. Действительно, очень небольшие сравнительно слои лексики с *бев-* можно было бы отметить как органические элементы диалектной речи». (См.: Избранные работы по русскому языку. М., 1960, с. 195). В противоположность этому Л. А. Булаховский считает: «Не следует думать, что народная речь оставалась сама все время свободной от влияния церковнославянизированного языка общественной верхушки. Нет никакого сомнения, что в народную массу просачивались слова и формы, первоначально не бывшие русскими. . . Их распространенность говорит и о давности подобного влияния и о его силе». (См.: Курс русского литературного языка. Киев, 1953, т. 2, с. 42—43, примеч.). О важности и необходимости выявления и описания подобных слов в диалектах неоднократно писали В. В. Виноградов, Л. П. Якубинский, Ф. П. Филин, А. И. Попов и др. ученые. Приходится сожалеть, что и до настоящего времени у нас не появилось работ, в которых бы на основе обобщения таких лексических материалов была устранена противоречивость суждений в этом вопросе.

В этой связи в качестве первоочередной встает задача изучения слов с приставками *пре-*, *пред-*, *со-*, *из-* (в пространственном значении) и другими книжными префиксами в народных говорах, выявления специфики употребления таких приставочных образований в литературном языке и в диалектах.

Цель настоящей статьи — показать состав лексических единиц с приставкой *пред-* в говорах русского языка, особенности их употребления в сопоставлении с литературным языком; при этом выяснить черты сходства и различия этих слов в лексико-семантическом и структурно-словообразовательном отношениях.

I. Слова с приставкой *пред-* в литературном языке

Приставка *пред-* принадлежит к типу глагольно-именных префиксов русского языка. Образованные с его помощью слова, относясь к разным лексико-грамматическим разрядам (глаголам, именам существительным и прилагательным, наречиям), сохраняют книжно-стилистическую окрашенность (как следствие старославянского происхождения этой приставки) и создают довольно значительный фонд книжной лексики в современном литературном языке (по данным словарей, его составляют 400 слов).

Вместе с тем со стороны словообразовательной слова этого вида характеризуются выделяемостью компонентов. Имея прозрачное морфемное строение и обусловленное им значение, они (в большинстве своем) не утрачивают в современном языке структурно-семантической производности.

Во-первых, среди слов с приставкой *пред-* определяются несколько словообразовательных живых и активных группировок имен прилагательных и существительных.

Так, в кругу прилагательных с *пред-* выделяются следующие группы.

1. Обширная группа прилагательных с общим значением непосредственного предшествования в чем-либо, которое конкретизируется следующим образом: а) предшествующий во времени: *предвоенный*, *предреволюционный*, *предсъездовский*, *предобеденный*, *предзачетный*, *предпусковой*, *предзакатный*, *предзимний*, *преддождевой* и много др. подобных; б) предшествующий в пространстве: *предмостный*, *предгорный*, *предустьевый*, *предполярный*, *предалтарный* и др.; в) предшествующий тому, что названо производящим прилагательным (*предпоследний*) или словосочетанием с ним (*предвыходной*, *предолимпийский*, *предновогодний* 'предшествующий выходному дню, Олимпийским играм, Новому году'). Подобными значениями обладают прилагательные, образованные от имен собственных: *предпушкинский*, *предбайкальский*, *предкамский* и др.

Как видно, образования такого типа имеют, с одной стороны, четко определяющиеся словообразовательные значения, а с другой — характеризуются широким, стилистически разнообразным

употреблением (в разговорной и публицистической речи, географической и иной терминологии), так как не обнаруживают ярко выраженной книжной окрашенности.

2. Прилагательные, обозначающие, что названное производящим словом действие проявилось заранее: *преднамеренный*, *предвзятый*, *предубежденный* и др. Они не многочисленны и в противоположность рассмотренным выше не являются широко употребительными.

Не менее ярко выделяются такие группировки и в составе имен существительных, которые обозначают: а) промежуток времени перед чем-либо: *предромантизм*, *предыстория* и в сочетании с суффиксом *-ие*, *-ье*: *предгрозье*, *предзимье*; б) место или пространство перед чем-нибудь либо в сочетании с суффиксом *-ие*, *-ье*: *предгорье*, *предмостье*, *предстепье*, *преддверие*, *предсердие*, *предплечье*; либо в сочетании с суффиксом *-ник*: *предбанник*, *предплужник*. В кругу подобных слов особенно распространенными являются географические наименования типа *Предуралье*, *Предкарпатье*, *Предкамье*.

Приведенные существительные, хотя и уступают по количеству прилагательным, в словообразовательном отношении остаются однотипными с ними. За немногим исключением такие слова являются стилистически нейтральными или обладают оттенком разговорности, более ярким и устойчивым, чем у сходных прилагательных. Этим и определяется характер их употребления (в книжно-терминологических, стилистически нейтральных или даже сниженных контекстах). Кроме них весьма активно функционируют в разных сферах литературного языка отглагольные существительные на *-ние*, у которых выражение отвлеченного действия совмещено с конкретным обозначением (например, *предупреждение*, *предсказание*, *предостережение*), либо последнее выступает самостоятельно (ср. *предвидение*, *предрасположение*, *предубеждение*). Ряд существительных с терминологическим значением имеют ограниченное применение, ср. *предпрядение*, *предвычисление*, *предлежание* (о плоде в утробе матери), *предпочка*, *предросток*, *предкамера*.

Во-вторых, это касается приставочных глаголов с *пред-*, которые в большинстве своем (с разной степенью яркости) сохраняют в современном языке прозрачность структуры и выводимость значения.

Обозначая действие, совершаемое заранее, предварительно или заблаговременно, они группируются в лексически определенные объединения. Ср.: а) *предвидеть*, *предсказать*, *предвещать*, *предрекать*, *предугадывать*, *предполагать*, *предвосхищать*, *предвозвещать* и др.; б) *предостерегать*, *предохранять*, *предотвращать*, *предупреждать*, *предварять* и др.; в) *предписывать*, *предусматривать*, *предпринимать*, *предпосылать*, *предлагать*, *предуведомлять* и др.; г) *предназначать*, *предопределять*, *предначертать*, *предрешать*.

Нетрудно заметить, что у всех перечисленных глаголов выделяется приставка, которая выражает одно общее значение —

предшествование во времени, конкретизируемое присоединяющей ее основой.

Выражение предшествования в пространстве, изначально свойственное этой приставке, обнаруживается у обширной группы глаголов в древнерусском языке (см. *предходити, предидти, предшествовати, предвести, преднести, предрискати, предтещи, предстояти, представити, предложити, председати* и др. под.),[4] в современном литературном употреблении сохраняются в весьма затемненном виде лишь его следы. Ср., например, остаточные формы совмещения указанных значений префикса в таких отпричастных прилагательных, как *предыдущий* 'бывший ранее чего-либо, находящийся непосредственно перед чем-нибудь' (предыдущая неделя и предыдущая страница) [5] или в синонимичном ему слове *предшествующий*: В предшествующей комнате валялись сабли, сумки, шашки, раскрытые чемоданы, грязные сапоги (Л. Толстой. Война и мир); Понемногу в уме моем восстановились предшествующие обстоятельства (Короленко. Река играет). Пространственное значение приставки ярче проявляется у глагола *предшествовать* 'идти впереди, перед кем-либо': Вошел Сережа, предшествуемый гувернанткой (Л. Толстой. Анна Каренина); Когда Курфюрст въехал на площадь, ему предшествовали двести рыцарей с обнаженными, сверкающими на солнце саблями (Форш. Радищев). Однако глаголы с этим значением единичны (см. *предлежать, предстоять*), они становятся устарелыми и выходят из употребления, поэтому нет оснований считать пространственное значение регулярным, свойственным префиксу *пред-* и в современном языке. Подобные лексические факты (в их остаточном состоянии) лишь доказывают существование в прошлом указанного словообразовательного типа.

Изменения, охватывающие область значения, не затрагивали морфемной структуры слов. Формально лексемы оставались неизменными. Несоответствие формы слова и его значения находит свое выражение в ослаблении выделяемости морфем, в затемнении внутренней формы слов и в конечном счете ведет к выпадению их из словообразовательного типа, к полному стиранию и структурной и семантической производности подобных слов.

В результате утраты пространственного значения префиксом *пред-* претерпели коренные изменения глаголы *представлять, представить* (и их однокоренные образования с *-ся*), *предлагать, предложить, предпринимать, предпринять* и ряд др. подобных,

---

[4] См.: *Улуханов И. С.* Глаголы с приставкой *пред-* в древнерусском языке XI—XVII вв. — В кн.: Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966, с. 123—153.

[5] Как пишет И. С. Улуханов, «это значение возникало непосредственно на основе пространственных представлений: идти впереди в пространстве — следовать впереди во времени. Современное значение слова *предыдущий* возникло на основе временного значения приставки *пред-* 'ранее, перед', причем, по-видимому, не ранее XVIII в.» (Глаголы с приставкой *пред-* в древнерусском языке. . ., с. 149).

у которых в процессе функционирования в литературном языке развилась разветвленная система значений, переведшая их в класс многозначных слов, причем такими преобразованиями были охвачены не только глаголы, но и все гнездо однокоренных слов.

Не имея возможности в рамках одной статьи проследить такие изменения хотя бы в общем виде, заметим, что семантическая структура глагола *представить* (в разработке МАС) включает 8 значений, *представлять* — 11 значений, из которых 8 соотносятся с глаголом *представить*; существительных *представление* — 5 значений, *представитель* — 2 значения, *представительство* — 5 значений; прилагательного *представительный* — 3 значения.

Становясь словами с затемненными словообразовательными отношениями, такие глаголы утрачивают книжную окрашенность (носителем которой является прежде всего сам префикс *пред-*), стилистически нейтрализуются и расширяют сферу применения в литературном языке.

Вместе с тем указанное направление процессов развития лексики с приставкой *пред-* в современном языковом употреблении не меняет общей картины ее использования. При сохранении оттенков книжности, порой приобретавших торжественно-приподнятую, высоко-патетическую тональность (ср., например, *предначертать*, *предназначение*), слова такого рода активно функционируют в литературном языке нашего времени, и лишь немногие из них архаизируются (например, *предуведомлять*, *предузнавать*, *предвозвещать*, *предводить*, *предзнаменовать*, *предощущать* при употребительном *предчувствовать*). Сходные смысловые сдвиги можно наблюдать и у других лексических единиц рассматриваемого вида.

Коренная перестройка семантики приставочных образований вела, с одной стороны, к стиранию производности, к морфологической неразложимости, а с другой — к изменению стилистической их окраски (в направлении к ее нейтрализации).

К этому надо добавить, что не всегда изменения, затрагивающие ряды слов одного корня, носили одинаковый характер и приводили к однородным результатам. Так, архаизация глаголов *предубеждать*, *предубедить* не распространялась на их производные *предубежденный* и *предубеждение*, которые остаются живыми и употребительными, а выпадение из словарного состава языка глаголов *предосуждать*, *предосудить* не предопределило сходной судьбы однокоренных *предосудительный*, *предосудительность*.

Оказавшись изолированными по аналогичным причинам, такие отглагольные образования, как *преднамеренный* и *предвзятый* [6] активно функционируют в современном языке.

---

[6] Об истории слов *предвзятый*, *предумышленный* и др. см.: *Виноградов В. В.* Историко-этимологические заметки. — В кн.: Этимология. М., 1963, с. 99 и след.

Таким образом, в результате разнонаправленных процессов происходили смысловые сдвиги, морфологические видоизменения, стилистические перестройки, которые с особой силой (оно и понятно) проявились у глаголов — семантически наиболее емкой и гибкой, грамматически самой сложной категории слов.

Следует учитывать еще одно немаловажное обстоятельство: по своему облику приставка *пред-* является неполногласной и (вместе с *пре-*, *чрез-* [7]) относится к таким языковым средствам, которые обладают яркой фонетической приметой старославянского языка. Именно эта объединяющая их особенность могла бы сказываться определенным образом на судьбах слов, с ними образованных, что дает основание провести сопоставление таких лексических группировок в плане их общей характеристики.

С помощью приставки *пре-*, как известно, образованы функционирующие в литературном языке глаголы, а также имена прилагательные и наречия. Как и приставка *пред-*, по своему характеру она является глагольно-именной. Следовательно, приставка *пре-* в словообразовательном отношении оказывается идентичной приставке *пред-*. Вместе с тем сходство или даже совпадение словообразовательных возможностей указанных приставок не исключает различия в реализации таких возможностей каждой из них. Для общей характеристики состава рассматриваемых слов прежде всего следует сказать, что в количественном отношении слова с приставкой *пре-* значительно превосходят группу слов с префиксом *пред-* (по данным словарей, в современном литературном языке употребляется более 600 слов с *пре-* при 400 с *пред-*, как уже было сказано).

Различия образований с *пред-* и *пре-* касаются не только отдельных слов внутри каждой из этих лексических группировок, но и проявляются в их общей характеристике.

Так, среди приставочных образований с *пре-* наибольшей словообразовательной активностью выделяются прилагательные и наречия, у которых при строгой выделяемости компонентов четко проявляется одно типовое значение их — высшая степень качества (ср. *премилый*, *предобрый*, *пребелый* либо *пребольно*, *превыше*, *прескверно* и много др. под.). В этом случае они совпадают с производными прилагательными с *пред-*, которые так же отчетливо образуют два словообразовательных типа.

Расхождения между ними намечаются, во-первых, в стилистической окраске: если прилагательные с *пре-*, являясь до некоторой степени стилистически сниженными, находят преимущественное применение в непринужденно-разговорной речи, то образования с *пред-* в большинстве своем остаются книжными и употребляются в научных, публицистических произведениях, в составе терминологических наименований.

---

[7] Приставку *чрез-* (*чрес-*) можно ставить в один ряд с префиксами *пред-* и *пре-* весьма условно как малоупотребительную (ср. *чрезвычайный*, *чрезвычайно*, *чрезвычайность*, *чрезмерный*, *чрезмерно*, *чрезмерность*).

Во-вторых, они несоизмеримы по количественному выражению: наиболее многочисленными являются производные с *пре-* (их более 350), в то время как прилагательные и особенно наречия с *пред-* среди всех таких слов оказываются на последнем месте (их немногим более 100).

Сходство слов с приставками *пред-* и *пре-* в структурно-семантическом плане заключается в том, что в составе их определяются однотипные имена существительные с отвлеченным значением (в одном случае действия, состояния, в другом — признака или свойства), преимущественно отглагольные на *-ние* (ср. *предсказание*, *предостережение* и *преобразование*, *превышение*) и реже отыменные на *-ство*, *-ость* (ср. *председательство*, *предосторожность* и *превосходство*, *превратность*).

Для них как отдельных видов слов характерны однородные изменения смыслового объема, когда в нем наряду с отвлеченным утверждались конкретные значения, которые порой становились и единственными (ср. *предположение*, *преступление*). Такая направленность семантической эволюции характеризует не только образования данного круга, но и является общей отличительной чертой существительных на *-ние* в русском языке. Это объясняется тем, что со значением действия неразрывно связаны понятия результата, продукта действия, а иногда и места.

Существительные с *пред-* и *пре-* рассматриваемого вида в значительной своей части сохраняют книжную окрашенность, а иногда, утратив морфологическую членимость, перемещаются в фонд стилистически нейтральных лексических средств (ср., например, *предприятие*, *преимущество*, *преступление* и др.).

Подобные существительные, часто оставаясь устарелыми при выражении действия, активно функционируют в языке именно с конкретным значением. Ср. *преклонение коленей*, *преклонение знамени*, *преклонение головы*, с одной стороны, и *преклонение перед талантом*, *преклонение перед наукой*, *всеобщее преклонение*, *смотреть на кого-либо с преклонением* — с другой.

Однако приставки *пред-* и *пре-* как словесные элементы в производстве такого рода существительных непосредственно не участвуют. На этом строится отличие образований с *пре-*, существующих в языке лишь в пределах указанных типов, от аналогичных слов с *пред-*, в системе которых (помимо рассмотренных) образованы уже с помощью префикса *пред-* (и суффиксов *-ие*, *-ье*, *-ник*) слова двух словообразовательных типов, обозначающих место или пространство перед чем-либо (ср. *предгорье*, *преддверие*, *предбанник*) либо промежуток времени перед наступлением чего-либо (например, *предзимье*, *предгрозье*), употребительных в разных сферах литературного языка.

Следовательно, круг существительных с *пред-* значительно шире по стилистическому диапазону и, что особенно важно, богаче и своеобразнее в словообразовательном отношении.

Что касается групп глаголов с этими приставками, то они более всего различаются структурно-стилистически.

Глаголы с префиксом *пред-* в подавляющем большинстве не утратили структурно-семантической производности и остаются в современном языке довольно прозрачными и по структуре и по значению. Сохраняя в известной степени книжность окраски, они активно употребляются в литературном языке, и только немногие из них архаизируются.

В противоположность этому глаголы с *пре-* в значительной части становятся малоупотребительными и устарелыми (ср. *препоясывать*, *преклонять*, *преоборотъ*), а те из них, которые весьма активно используются в языке (например, *преграждать*, *претворять* (*в жизнь*), *препровождать*), несут на себе печать книжного происхождения и употребляются преимущественно в научном, ораторско-публицистическом или официально-деловом стилях языка.

В структурно-словообразовательном отношении эти глаголы также претерпели значительные изменения и в большинстве своем в современном языке не обнаруживают производности, так как утратили и структурную, и семантическую соотносительность с производящими словами. Например, у глаголов типа *преодолевать* ‘одолевать’, *прегрешать* ‘грешить’ и др. под. при сохранении формальной членимости приставка *пре-* уже не проявляет собственного значения, а семантика таких глаголов, как *преобладать* ‘иметь перевес, превосходить, быть, оказываться больше чего-либо (по количеству, размерам, силе)’ больше не базируется на значениях приставки и корня, поэтому слова, подобно приведенным, утратили производность. Следовательно, со структурно-словообразовательной стороны глаголы с приставкой *пре-* характеризуются в современном литературном языке явной ущербностью и, как правило, являются непроизводными.[8]

Таким образом, в литературном языке в пределах достаточно обширной категории слов с префиксом *пре-* сосуществуют и структурно, и стилистически весьма разнородные лексические факты. И если с этой точки зрения определять указанный тип слов, то надо сказать, что он внутренне противоречив, неоднороден, ибо объединяет в своем составе противоположные лексические средства: активно функционирующую, словообразовательно живую лексику (прилагательные и наречия), свойственную в основном разговорной речи, и структурно неразложимую, в значительной части архаизованную глагольную лексику (глаголы и отглагольные существительные), ярко проявляющую книжность окраски.

---

[8] См. об этом более подробно: *Шелякин М. А.* Историко-семантическая структура образований с приставкой *пре-*. — Учен. зап. Новосибирск. пед. ин-та, 1963, вып. 19, с. 3—50; *Павленко П. И.* К вопросу о взаимодействии лексики русского литературного языка и народных говоров. — В кн.: Диалектная лексика. 1979. Л., 1982, с. 150—160. См. также: *Улуханов И. С.* Причины семантических преобразований славянизмов. — Изв. ОЛЯ, М., 1966, т. 25, вып. 2, с. 87—99; *Жученко Н. К.* О лексическом значении глагольных приставок *пре-* и *пере-* в памятниках XVII—XVIII вв. — В кн.: Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов, 1967, с. 203—230; и др. статьи.

Напротив, образования с префиксом *пред-* как целое представляют собой более единообразное объединение слов и в структурно-словообразовательном, и в семантико-стилистическом плане: они характеризуются прозрачностью своего строения, а также широким и разнообразным употреблением в современном русском языке.

Безусловно, и среди них встречаются малоупотребительные, архаизированные образования (например, *предвозвещать*, *предуготовить*, *предумышленный* и др.), а также лексические единицы с уже непроизвольной основой (ср., например, *предвзятый*, *предрассудок*). Однако не такие факты являются определяющими для этой группы слов.

II. Слова с приставкой *пред-* в диалектах

При рассмотрении состава приставочных глаголов с *пред-* в русских народных говорах обращает на себя внимание тот факт, что в основном они являются общими с литературным языком или образованы в диалектах от общенародных слов.

Среди них выделяются глаголы, распространенные в литературном языке и диалектах, но бытующие в говорах с иными, чем в литературном языке, значениями, при этом смысловые перестройки диалектных слов принимают разные формы.

1. Обобщенная семантика литературного глагола приобретает в диалектах тенденцию к сужению и некоторому смещению основных смысловых ответвлений. Так, глагол *представлять* бытует в говорах в значениях, хотя и приближающихся к общенародным, но не совпадающих с ними: 1. Доставлять для продажи, продавать, давать, снабжать (при *доставлять кого-*, *что-либо*, *куда-нибудь*, относимом к просторечию в общенародном языке): Представлять лекарства, товары, консервы. Муки зимой нам представляют, деньги плотим. А что им все круп представляют, им картошки хочется (Пск.); 2. Задумываться (при литературном ‘понимать, осознавать, знать’): Тогда и не представляли об этом, жили, как в гостях были (Новосиб.); 3. Выделывать, вытворять; проказничать (при литературном ‘изображать, копируя, воспроизводя чьи-либо манеры, характерные черты’): Моя жена меня никода не обманывает, нияких женских увертюк не представляет. Махонький детенок, а якеи штуки представляет — во представленник (Смол.); 4. Выступать перед зрителями (отличном от общенародного более по употреблению, чем по значению): Они представляют концерты (Пинеж. Арх.); 5. Ставить, делать (сохраняющее в какой-то мере облик и значение подобно образованиям древнерусского языка [9]): Раньше копен-то не представляли (Пинеж. Арх.).

---

[9] См.: *Улуханов И. С.* Глаголы с приставкой *пред-* в древнерусском языке. . ., с. 129 и след.

Объединяя в своей структуре в общем сходные с литературным языком смысловые элементы, глаголы подобного рода при употреблении в говорах получают иную направленность, в результате чего семантика данного глагола как бы переплетается со значением других близких слов. Ср., например, особенности смыслового наполнения глагола *представить* (смыкающегося с глаголами *доставить*, *предоставить* литературного языка): 1. Доставить, привезти; вывезти (на поля): Сегодня товар представили (Порх. Пск.); Удобрения мало представят (Остр. Пск.); 2. Дать в чье-либо распоряжение, предоставить: Даже книги представили, только учись (Карач. Брян.); 3. Сдать, передать кому-либо: Кто кожу волка представит — тому 500 рублей (Дубров. Брян.); 4. Приготовить, подать: Всего было представлено гостям, пили, ели всего (Пск.); 5. Посчитать, принять за кого-либо: Они всех своих представя, что колдуны (Остр. Пск.); 6. Плохо сказать о ком-либо: Докторица всячески больного представит (Крив. Том.). Ср. также *представляться*: 1. Доставляться, привозиться: В магазин селедка, пашаничный хлеб представляются (Камарич. Брян.); 2. Дурачиться, забавляться шутками, озорством: Сидели, играли, представлялись. Брось представляться — хулиганить (Пск.).

Семантически более удаленными от литературных (по сравнению с уже рассмотренными) являются в говорах, например, такие глаголы: *представиться* 1. Сыграть, представить на сцене кого-либо: Со сцены говорит как стоящий и представиться може (Опочк. Пск.); В Брянске представляются, так я им отдала (Брян. Брян.); 2. Уставиться: Представился на ярку кот, подходит, ярка цапается (Пинеж. Арх.); *предвидеть* 1. Ожидать: Ничего ведь мы от князя не предвидели; 2. Видеть: Живое дерево. . . Счас не стали иметь. А раньше имели в цветках дома, а счас че-то я не предвижу ни у кого (Кемер.).

Как можно заметить, приставочные глаголы в диалектах совпадают по значению с однокоренными глаголами либо без приставки (*предвидеть—видеть*) либо с другой приставкой (*представиться—уставиться*) литературного языка. Ср. в этой связи употребление глаголов: а) *предписывать* ‘писать, призывать’: Вот писатели предписывают, сберет зло (Пинеж. Арх.); б) *предсказывать* 1. Предчувствовать: У вас радиво, а у нас голова предсказывает, что дождь (Пск.); 2. Напоминать: Почтарка предсказывает, чтоб индекс писали (Остр. Пск.) и *предсказать* 1. Заранее сказать, предупредить о чем-либо; подсказать что-нибудь: Она предсказала ему, где ее найти. Мне было дано бычьей крови, я не знала, а потом кто-то предсказал, и я пить не стала (Пск.); 2. Пригрозить: Отец предсказал: — Не куплю, не в чем будет ходить (Пинеж. Арх.). В последнем случае более четко (сравнительно с общенародным глаголом) проявляются словообразовательные отношения; в) *предвидеться* 1. Иметься, встречаться: Тут дороги не предвидится (Моск.); Никаких тут особенных лугов не предвидится. Покосы всякие — заливных не предви-

дится (Том.). 2. Намечаться, ожидаться: Малины предвидеться много (Опочк. Пск.); 3. Привидеться: Девушке сон предвиделся (Онеж. КАССР); 4. Казаться: Мне предвидится, что мелькнули красные сапоги (Крив. Том.); 5. Вспомниться: Не предвиделось, чтоб быть полянам, везде лес (Южн. р-ны Краснояр., Словарь 1967). Как следует из приведенного материала, глагол по преимуществу употребляется безлично и часто в конструкции с отрицанием *не*.

Весьма своеобразным является слово *предвещать* в диалектах; в его семантике объединяются разнотипные значения: и близкие к общенародным и вовсе не сопоставимые с ними. Ср. *предвещать* 1. Определять, предсказывать: Она предвещала, кака така погода буде, по зимы знала, по лету знала. Мухоморы грибы ядовитые, они предвещают белые грибы (Пск.) и 2. Приветствовать: Мы тебя предвещаем и с наследником поздравляем (Ельн. Смол.).[10]

Подобные приставочные глаголы занимают как бы промежуточное положение между глаголами, семантика которых в сопоставлении с общенародными смещена, модифицирована лишь в незначительной степени, и глаголами, семантически полностью преобразованными на почве диалектов.

2. Значение литературного глагола коренным образом изменяется в диалектах.

Указанные смысловые перестройки характеризуют такие глаголы, как например, *предлагать*, получивший в говорах значение ‘объяснять’: Читает газеты и предлагает тому-то то-то написано, а иной не понимает (Пск.); или *предложить* ‘сказать’: Я не могу вам предложить, какая Дуня-то у нас (Медвежьегорск. КАССР). Ср. также *предъявить* ‘объявить’: Немцы нам предложили выселку, мы им предъявили: хоть нас бейте. ., мы никуда не пойдем (Пск.); *предчувствовать* ‘вспоминать’: У них одинокая смерть. Я вот что предчувствую: его положили на лавку, обмыли, закрыли его (Опочк. Пск.); *представать* ‘обозначать, означать’: Смотрит на луну, какая звезда к чему предстанет (Порх. Пск.); *предупреждать* ‘вспоминать прошлое, предугадывать будущее’: Предупреждали, что было да что буде (Остр. Пск.). К этому добавим, что глагол *предупреждать*[11] зарегистрирован в говорах с иным фонемным составом: *предупредать* (предупредаю, чтоб в траву-то не заходили. Порх. Пск.) и *предупрежать* (дети ругаются, мать предупрежают, а она говорит, вырастут — не будут. Гдов. Пск.).

Известны в говорах и другие слова с изменениями фонетического характера. Ср. *предпредить* ‘предупредить’: Вы шофера

---

[10] В Смоленском областном словаре В. Н. Добровольского у глагола *предвещать* определяется значение ‘промолвить’. С таким же значением приводится глагол *предвещаться*. Возможно, здесь наблюдается контаминация с глаголом *провещать* (поскольку и определение дается в сов. виде).

[11] Надо заметить, что глаголы *предупреждать* и *предупредить* употребляются как непереходные: Он им предупреждал: ягода посожена (Том. Том.); Я им предупредила: садитесь кушайте и выпивайте (Погар. Брян.).

предпредите и чтоб подождал (Пск.); или *пренадлежать* ‘принадлежать’: Кто к чему предналежит, кто чем интересуется, занимается (Себеж. Пск.).

Таким образом, в составе глагольной лексики с *пред-* выделяются два типа лексических единиц: глаголы, общие с литературным языком, и глаголы, в облике которых отмечаются индивидуальные фонетические видоизменения.

Приведенный материал свидетельствует, что у одной части глаголов с префиксом *пред-* в говорах семантические изменения совершались в том же направлении, что и в литературном языке, а у другой — они были существенными и вели к новому смысловому наполнению таких глаголов в говорах.

Вместе с тем в русских народных говорах бытуют приставочные глаголы другого рода, которые, хотя и образуются из общенародных элементов, но именно в таком сочетании, в таком виде не встречаются в литературном языке. Указанное обстоятельство может стать весьма важным как для характеристики лексического фонда диалектов, так и для определения широты словообразовательных возможностей приставки *пред-*. Приведем примеры этого типа глаголов: *предъяснять* ‘предсказывать’: Был у нас человек, так он все нам предъяснял, что огненные кони будут, что железные птицы будут летать (Гдов. Пск.); *предчуять* ‘понимать, осознавать, угадывать’: Да я предчую, а вот как их назвать — я не понимаю (Гдов. Пск.); *предъявиться* ‘появиться, подойти’: Предъявились еще два дружка (Остр. Пск.). Ср. также *предвидывать* ‘предвидеть’: (Терск.); Еслик предвидываем — погода не суровая, оставляем наружу, еслик суровая, заносим в помещение. Бригадир предвидывает и иногда заранее посылает (Сигнах. Груз. ССР).

Можно привести факты иного порядка, которые показывают своеобразие словообразовательных процессов в говорах. Например, при образовании отыменного глагола используется другой (чем в этом случае в литературном языке) суффикс: *председательничать* ‘председательствовать’: Там все за столом сидела, председательничала на собраниях-то (Пинеж. Арх.). Неясное образование у глагола *предметить* ‘приметить, обратить внимание на что-либо’: Сейчас зайду напроть, предметю, какая она есть (Ряз. Ряз.). Возможно, при образовании этого глагола использована приставка *пред-* вместо *при-*, либо это результат контаминации с существительным *предмет*, либо мы имеем дело с *д* фонетического происхождения.

Необходимо обратить внимание на такой примечательный факт, как употребление в говоре древнего и архаичного для современного языка глагола *председать* ‘быть председателем (колхоза)’: Председать его, что ли, хотели выбрать (Зырян. Том.).

Из всего рассмотренного материала следует, что диалектные глаголы с *пред-* появились в результате непосредственных контактов с литературным языком, ассимиляции его книжных лекси-

ческих средств, а также освоения его словообразовательных элементов.

Употребление в диалектах литературных слов сопровождалось структурно-семантическими и стилистическими изменениями их, которые в общих чертах сводились к следующему: в одном случае семантика диалектных глаголов оказывалась более узкой и смещенной, как бы являясь результатом взаимодействия двух слов; в другом — она видоизменялась, и глаголы получали новое смысловое наполнение. Однако самым важным для диалектных лексических систем является образование в их составе новых глаголов из общенародных словесных элементов.

Что касается стилистических изменений, то они носили всеобъемлющий характер и вели к преобразованию книжной лексики, к полной ее нейтрализации, о чем свидетельствуют факты перемещения ее в разговорную народную речь.

При рассмотрении диалектных приставочных глаголов бросается в глаза их разрозненность, отсутствие единства и целостности как лексически определенной категории слов в говорах. Они представляют ряд единичных фактов с присущими каждому из них особенностями.

Подобными чертами еще в большей степени характеризуются в говорах и имена прилагательные с *пред-*. В их малочисленном составе выделяются прилагательные, общие с литературным языком, бытующие в говорах с более конкретизированным значением. Например: *представительный* 1. Хорошо одетый (Пск.); 2. Красивый (Брян.); 3. Знаменитый, известный: Ты будешь с бородой, как писатель представительный (Себеж. Пск.); 4. Подходящий: Ежели женщины пьют, то мужчине представительнее (Опочк. Пск.). В последнем значении в наибольшей степени сохраняется близость к семантике действительного причастия настоящего времени, свойственная рассматриваемому типу имен прилагательных в литературном языке. Весьма примечательным является факт переосмысления прилагательного *предосудительный* в говоре, где он получает противоположное значение ‘предусмотрительный’ (Весьегон. Калин.) (очевидно, вследствие близости фонетического облика слов *предосудительный* и *предусмотрительный*).

Можно сказать, что в диалектах не представлен широко употребительный в литературном языке, словообразовательно живой и активный тип прилагательных, таких, как *преддипломный*, *предрассветный*, *преддождевой*,[12] за исключением следующих слов:

---

[12] Для сравнения скажем, что в современном литературном языке употребляется около 50 таких прилагательных, относящихся к лексически разнородным группам (Ср.: а) *Предутренний*, *предночной*, б) *предзакатный*, *предсумеречный*, в) *предзачетный*, *предэкзаменационный*, г) *предпосевной*, *предуборочный*, д) *предмайский*, *предоктябрьский* и много др. под.). Несоизмеримы с ними прилагательные с пространственным значением (*предгорный*, *предмостный*, *предполярный*, *предустьевый*, *предалтарный*, *преддиванный*, *предыконный*).

предбудущий 1. Бывший перед прошедшим: У предбудущую субботу мы ездили в город=в субботу, бывшую перед прошедшей субботой (Мещов. Калуж., Косогоров); 2. Будущий, предстоящий (архаичное в литературном языке и широко употребительное в диалектах): К предбудущему воскресенью набегем (Дон.); На предбудущую зиму у башкир эту (овцу) сводют, помоют, волна тода будет белая (Брян. Брян.); На предбудущей неделе уезжаем (Остр. Пск.). Ср. также употребление в устойчивом выражении (как приглашение в гости): На предбудущее время милости просим (Охан. Перм.); и *предвешный* (предвечный?) с неясным значением: Хто эту пятницу будет постить, сохранен будет от лихорадки, злой, предвешной (Дмитр. Курск., Добровольский).[13]

Интересно привести несколько прилагательных различного образования, известных только в диалектах: *предвечный* 'естественный': У нас озер предвечных нема (Клетнян. Брян.); *представленный* 'умеющий представляться, потешный, забавный': Он такой шутной, представленный выпивши (Пск.); Я представленна была молода-то, все наряжалась да представлялась (Пинеж. Арх.); *представной* 'прикидывающийся': Вот черт представной (Холм. Пск.); *представидный* 'породистый': В совхозе коровы представидные, важные (Пск.).

Как видно, круг прилагательных с префиксом *пред-* ограничен единичными примерами ассимилированных говорами литературных слов (включая и видоизмененные *представидный* и *представной*) и не может идти в сравнение не только с подобными, широко употребительными и структурно разнотипными словами литературного языка, но и с прилагательными с приставкой *пре-* в говорах, обширными по составу и разнообразными по строению и смысловому наполнению (о чем подробно говорилось в предыдущей нашей статье [14]).

Для полноты картины надо назвать наречия *предпоследку* 'в последнее время': Летось умерла, а предпоследку лежала, восемь дней спала (Пск.); и *предвеку* 'издавна, извечно': Я предвеку по хозяйству был (Брян.), более употребительное в сочетании с предлогом — *с предвеку*: С предвеку это и ведется (Чулым. Новосиб.); Там с предвеку лапти не носют — вобуви много (Брян.).

---

[13] В Смоленском областном словаре В. Н. Добровольского приводятся прилагательные *предлестный* 'лукавый, обманчивый' (О свет мой предлестный, как скоро меня свел) и *предлукавый* в субстантивированном употреблении 'лукавый, бес' (За им ходит предлукавый, он мысли носит на блуд, на сором, на разбойство). Как кажется, здесь мы имеем дело не с приставкой *пред-*, а с префиксом *пре-* и *д* фонетического происхождения.

[14] См.: *Павленко П. И.* К вопросу о взаимодействии лексики русского литературного языка и народных говоров. . . В дополнение стоит привести еще один достаточно убедительный пример (запись самого последнего времени): Во время революции он прекрасный был, так вот и говорим, что прекрасный (о большевике, Пинеж. Арх.).

Из всех диалектных слов с префиксом *пред-* только существительные представлены в диалектах разнообразными и относительно немалочисленными в своем ряду типами приставочных образований.

Среди них в говорах, как и в литературном языке, выделяются несколько групп.

а) Приставочные образования с суффиксом *-ник*, обозначающие предмет или помещение перед чем-либо: *предпечник* 1. Шесток: Весь предпечник щами залила. Предпечник неровный, ничо поставить нельзя (Забайк.); 2. Плита: На предпечнике и варили все (Ордын. Новосиб.); *предгуменник* ‘крыша, приделанная к риге’ (Яросл.); *предбайник* ‘предбанник’ (Пск.); *предмыльник* ‘предбанник’ (Дубров. Брян.). Важно отметить, что в говорах в отличие от литературного языка употребляются слова такого вида с другим смысловым наполнением (обозначение пространства перед чем-либо). Например, *предусадебник* ‘предусадебный участок’: У каждого предусадебник есть, хлеб да картохи содим (Брас. Брян.).

Со значением ‘предбанник’ в диалектах бытует ряд существительных с разными суффиксами: *предбайнок*: Предбайнок, раздевалися здесь (Пск.); *предбанок*: Летом в предбанке раздеемся (Жигал. Иркут.); Мойся, а я тебя в предбанке подожду (Усть-Баргузин. Бурят. АССР); *предбальня*: А предбальня что и предмыльник, одеваться там хорошо (Брян.); *предбанчик*: Предбанчик у бани (Кож. Том.); ср. также *предплечик* ‘возвышение, уступ в берлоге, место, где лежит медведь’: Добрый-то медведь делает себе предплечик, чтобы вода на него не бежала (Иркут.).

б) Образования с суффиксом *-ие*, *-ье*, значения которых определяются также пространственной связью обозначаемого, в диалектах представлены слабо: *предамбарье* 1. Пристройка к амбару для хранения инвентаря: Амбар стоит, а ты к нему пристроишь три стены, это и есть предамбарье, туда складывают всякую чепуху (Горно-Алт.); известно также в иркут., свердл., арх. говорах, в русских говорах Бурят. АССР; 2. Открытая терраса перед входом в амбар, пристройка вроде крыльца (Свердл.); В предамбарье хомуты летом весили и в ясную погоду отдыхали. На предамбарье чай пили (Забайк.). К нему примыкает по значению существительное *предамбарий* ‘крыльцо около амбара’: Пойдем сядем на предамбарий (Хакас. Краснояр.).

Достаточное разнообразие и употребительность существительных, видимо, можно объяснить тем, что они являются названиями обиходных предметов, помещений, расположенных перед чем-либо, так необходимых в условиях деревенской жизни. И такое положение имеет место, несмотря на то что существительным с *пред-* в диалектах противостоит значительно превосходящая их по количеству и активности употребления аналогичная лексика с полногласной приставкой *перед-*, образования с которой среди существительных были распространенными только в древнерусском языке.[15]

[15] См.: *Улуханов И. С.* Глаголы с приставкой *пред-* в древнерусском языке. . ., с. 123.

Приведем несколько примеров: *передбанье* (Вельск. Арх.) и *передбаенье* ‘предбанник’ (Онеж. КАССР); *переддворье* ‘место между двором и сенями’ (Арх., Беломор.); *передызбье* 1. Сени в избе (Пинеж., Лешуток Арх.); 2. Пол в сенях (Беломор.) и варианты этого слова: *передызье* 1. Коридор; сени в избе: Перед избой передызье. Выйди на передызье (Арх.); 2. Пол в сенях: Пол в сенях передызьями зовем (Каргоп. Арх.); *передыбзя* ‘сени’ (Заметчин. Пенз.). Особенно семантически емким оказывается существительное *передамбарье*: 1. Род сеней перед амбаром (Бурнашев, без указ. места); 2. Галерея, род балкона для входа в амбар (Енис.); Ищи топор на передамбарье (Ишим. Тобол.); Клали с оклада три бревна, чтоб повыше было, на бревна настилали доски, вот те и передамбарье (Нижне-илим. Иркут.); 3. Открытая терраса перед входом в амбар (Забайк.); 4. Настил из досок, бревен перед амбаром со стороны дверей (обычно под навесом): Посидел на передамбарье да и ушел (Качуг. Иркут.).

Еще более распространенными в диалектах являются существительные с *перед-*, по типу образования идентичные существительным литературного языка. Ср. устарелое в литературном употреблении *передбанник*, чрезвычайно распространенное в говорах Костром., Влад., Вят., Новосиб. областей, Урала, Сибири, Краснояр. края; *передбайник* (Новг., Пск., Твер.); В передбайнике увидишь свежий веник и ведро со щелоком. Щелок крепок, разбавляй (Волог.); *передбанок* (Пенз., Курган, Зауралье, Тобол., Том., Кемер.); *передоконник* ‘подоконник’ (Свердл.). Ср. также бессуффиксальные образования, известные только говорам: *передпечь* 1. ‘Место перед печью’ (Ср. Урал); 2. ‘Кухня’ (Свердл.); *передызба* ‘сени, холодный коридор’ (р. Карай Балаш. Сарат.); *передклеть* ‘длинный помост перед клетью или амбаром’ (Смол., Волог., Яросл.) и др. под.

Кроме рассмотренных выше употребляются и такие диалектные образования с *пред-*, как *предызбица* ‘сени’: Как в комнаты входить, так и предызбица сначала (Ордын. Новосиб.); *предбанка* ‘предбанник’: У меня седни курица из предбанки бежать (Кож. Том.); и *предохрана* ‘защита, охрана’: Колодец с обрудом, чтоб, как это предохрана, чтоб чистая-чистая вода была (Пустош. Пск.).

Весьма показательными в словообразовательном отношении (как продолжение ряда однокоренных, например, со словами *представлять—представить—представлятьоя—представиться — представленный* образований) являются существительные: *представленник* ‘выдумщик, шутник; притворщик’: Махонький детенок, а якеи штуки представляет — во представленник! (Смол.) и *представленница* ‘выдумщица, шутница; притворщица’: Махонькая девочка, а якая представленница — мы взялись за боки и поехали уси чисто там, глядючи на ее представленя (Смол.); Нинка у нас такая представленница, все представляется, что наелася (Остр. Пск.). Параллельно с просторечным словом *пред* общенародного языка в говорах бытует *предка* ‘председа-

тель': А наш предка приезжал. Вот их предка передал, чтоб работы не давали (Остр. Пск.). Ср. также: *предиха* 'жена преда': Предиха за то, что муж председатель был (Палк. Пск.); с таким же значением известно слово *председательница* (Опочк. Пск.); ср. *председателька* 'женщина-председатель' (Опочк. Пск., Казаки-некрасовцы).

В заключение приведем существительные с другими, чем в литературном языке, значениями: *предлог* 1. Предложение: Раньше всякие шабашники по деревням ходили, кто с каким предлогом — кто пошить, кто построить (Моск.); ср. употребление устойчивого выражения — *дать предлог* 'предложить': Моей сестры дали предлог, чтоб училась на сестру (Пск.); Мать, я тебе предлог даю: получай ты Юркина способия (Ряз.); 2. Просьба мужчины, обращенная к женщине, вступить с ним в брак: Мне в девушках предлогов много было (Пск.). И с этим значением употреблен устойчивый оборот — *дать предлог* 'сделать предложение' (Пск.); А я тогда Дуньке дам предлог (Ряз.); 3. *Делать (сделать) предлог* 'сделать что-либо для вида': Это они так, предлог сделали (Аннен. Ворон.); *представление* 1. В устойчивом сочетании: представление света. Светопредставление: Также оны у Фараона спрашивают: — Ти скоро будет представление света, Фараоня, Фараоня? (Смол.); 2. Внешний вид, внешность: Сашка у вас, как сын помещика, такое представление, такие дети были у помещика. Говоришь, давно встала, а представление у тебя, будто токо что проснулась (Моск.); Какое имеет представление эта птушка? (Дубров. Брян.); *предрассудки* 'обычай': он каких-то предрассудок старинных (Брян.); *представитель* 'выдумщик, шутник, насмешник': Он большой представитель (Смол.); *предвиденье* 'привидение': Видела предвиденье, маленькая когда была (Карач. Брян.).[16]

Следовательно, среди диалектных слов с префиксом *пред-* имена существительные ближе других стоят к литературным образованиям этого вида и, как было показано, частично соотносятся с ними в структурно-словообразовательном и смысловом отношении. Как и в литературном языке, в диалектах они образуют лексически определенные и структурно разнотипные группы слов.

Но если в литературном языке употребительными и словообразовательно активными (особенно в сфере географической терминологии) являются существительные с суффиксом *-ие*, *-ье*, обозначающие место, пространство (*предгорье*, *преддверие*) или промежуток времени перед чем-либо (*предзимье*, *предгрозье*), то в диалектах наибольшим числом образований представлены слова с суффиксом *-ник* (и другими однотипными), обозначающие предмет, или помещение, или даже пространство перед чем-либо. (Ср.

---

[16] И в этом случае возникает сомнение: действительно ли происходит мена приставок *пред-* и *при-* или *д* возникло чисто фонетически? Ср. также *предподаватель* 'преподаватель': Он предподавателем в школе работал. Предподавателем сын ейный работает, английскому учит (Холмог. Арх.).

в литературном языке — только два слова: *предбанник* и *предплужник*).

Таким образом, при общей оценке диалектных слов с префиксом *пред-* как определенного типа лексических единиц следует сказать, что они не представляют собой единого целого с особыми чертами, характерными для того или иного лексико-грамматического разряда, как это имеет место в литературном языке (ср. прозрачность морфемного строения и определенность выражения пространственно-временного предшествования с разной степенью четкости всеми разрядами таких слов), а в большей части образуют ряды единичных лексических фактов, либо общих с литературным языком, либо возникших на диалектной почве. И в этом отношении рассматриваемые образования существенно отличаются и от диалектных слов с приставкой *пре-*, которые обнаруживают в своем составе ясно выделяемые лексико-словообразовательные группировки не только в сфере прилагательных, но и среди глаголов.[17]

Это немаловажное обстоятельство нуждается в объяснении. Почему складываются такие отношения между литературным языком и диалектами в сфере книжных приставочных слов, когда глаголы с префиксом *пре-*, утрачивая в литературном языке морфемную членимость и семантическую соотносительность с производящими словами, в говорах в значительной своей части сохраняют их и приобретают достаточную употребительность, в то время как образования с *пред-*, оставаясь словообразовательно живыми и употребительными в литературном языке, утрачивают эти качества, бытуя в диалектах?

Что касается слов с многозначной приставкой *пре-* литературного языка, то, как было уже показано в исследованиях,[18] они не выдержали конкуренции многочисленных образований с полногласной приставкой *пере-*, потеснивших их при выражении прежде всего пространственных значений, начиная с древнейшего периода в истории русского языка, что, естественно, не могло не повести к преобразованиям и других значений этой приставки.

Вместе с тем известно, что образования с *пред-* не претерпели существенных изменений в литературном языке. Изначальное выражение приставкою *пред-* идеи непосредственного предшествования безотносительно к пространственному или временному характеру этого предшествования [19] облегчало вытеснение в процессе функционирования в литературном языке слов с пространственным значением и способствовало установлению в сущности одного значения у этой приставки.

---

[17] См. об этом более подробно: *Павленко П. И.* О взаимодействии лексики русского литературного языка и народных говоров. . .

[18] См. прежде всего: *Улуханов И. С.* Причины семантического преобразования славянизмов. . . и др. его работы.

[19] См.: *Улуханов И. С.* Глаголы с приставкой *пред-* в древнерусском языке. . .

Таким образом, специфической особенностью префикса *пред-* является его однозначность; степень спаянности префикса с основой до сих пор остается незначительной, поэтому значение приставочных образований в литературном языке легко выводится из значений их компонентов и определяется ими. Это лежит в основе длительного сохранения прозрачности структуры указанных слов и обеспечивает устойчивость сфер применения как слов, не утративших и в современном языке книжность стилистической окраски (поскольку ее носителем является прежде всего приставка).

Можно думать, что именно такой характер слов с префиксом *пред-* препятствует широкому проникновению их в народный тип языка, не способствуя полному освоению подобных слов в лексических системах диалектов.

Однако для более определенного установления причин такого положения потребуется и новый подход к уже выявленным фактам, и привлечение новых языковых данных не только в границах рассматриваемых типов слов, но и других книжных приставочных образований.

В. В. КОЛЕСОВ

Литературные слова в диалектной речи

(4. *Вещь*)

В древнерусском языке слово *вещь* появилось во второй половине XI в. из книжных текстов восточноболгарского происхождения, первоначально в литературной школе Киево-Печерского монастыря, и несомненно под авторитетным ее влиянием слово постепенно вошло в литературный обиход, причем первоначально только в ограниченном числе случаев и в определенных жанрах (прежде всего — в высоком ораторском). Все это хорошо известно [1] и не требует повторений, в том числе и в обоснование заимствования. **Vekt̆ь* в русском произношении дало бы *вечь*, однако во всю средневековую историю письменности мы имеем только *вещь* (иногда — и *вѣщь*), как *нощь* при русском *ночь*. Этимология слова также известна — корень тот же, что в лит. *vèĩkti* 'делать, производить' или в др.-инд. *vaç* 'говорить' (другая ступень чередования корня); этимологические словари указывают и родственные слова индоевропейских языков того же значения — 'существо', 'лицо', 'вещь', 'речь' и т. д.[2] Одновременная связь с предметом, вещью, речью и действием кажется странной, однако она отражена и в переводных древнеславянских, а позднее и древнерусских текстах. Здесь слово *вещь* служит эквивалентом для греч. πρᾶγμα 'дело, действие', 'предмет, вещь', 'существо, личность', 'хлопоты, затруднения' и т. д., для греч. ὕλη 'вещество, материя' (в исходном конкретном значении 'лес, дрова, сырой материал'), для греч. φύσις 'природа, характер', 'естество' или 'вещество', для греч. στοιχεῖον 'основа', 'основной принцип', 'первоначало' (*стихия* — в исходном конкретном значении 'тень от стрелки солнечных часов'), для греч. κατηγορία 'категория' (в исходном конкретном значении, которое, кстати, и

---

[1] См.: *Колесов В. В.* 1) Древнерусская *вещь*. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 260—264; 2) Лексичні південнорусизми у книжній мови Давньої Русі. — Мовознавство, 1977, № 1, с. 41—49.

[2] См.: *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914, т. 1, с. 82; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964, т. 1, с. 309—310; Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. М., 1968, т. 1, с. 83—84; здесь же изложены и другие точки зрения.

передается в древнерусском переводе «Книг законных» — ‘обвинение’ в каком-то проступке). В древнерусских переводах греческих текстов очень часто слово *вещь* заменяется другими, и чаще всего (по редакциям и версиям перевода) — словами *дѣло*, *вина* (‘причина’), *нравъ*, *образъ* и т. д. Все это и дало мне основание сказать, что в момент включения слова в восточнославянскую книжную традицию оно было не просто многозначным (многозначность нехарактерна как раз для нового заимствования), но синкретичным в своих значениях, отражая некий идеологический смысл соотношения между словом, делом и результатом этого дела — вещью, веществом: «В известном смысле — это философский термин, обозначающий враждебный чувственный мир, сотканный из событий и существ, которые можно покорить с л о в о м и д е л о м, воплощая их в в е щ и. Это и *вина*, и *дѣло*, и *естество* — и причина, и свершение, и результат».[3]

Подтверждение этому я нахожу в прекрасном истолковании «мифо-поэтической триады» м ы с л ь — с л о в о — д е л о, которое В. Н. Топоров дал на примере прусского слова *astin* ‘вещь’, ‘дело’, ‘действие’.[4] В языческой древности такое сочетание было связано с обрядами «положительного круга» действий и соотносится с др.-инд. su-asti (svastí ‘благое состояние’, ‘благополучие, здоровье, счастье’ и т. д.; буквально — ‘благое бытие’). Сам В. Н. Топоров склонен соотнести этот корень с русским диалектным *есть* ‘богатство, имущество, достаток’, *естьё* ‘богатство, изобилие’ (СРНГ, вып. 9, с. 42—44), *еслеть* ‘сила, мощь’ и производными, например, *естевный* ‘справедливый’, *естино*, *естно* и др. (СРНГ, вып. 9, с. 40—41), хотя во многих подобных образованиях можно видеть результат фонетического чередования *истó* / *естó*, возникшего на основе постоянной безударности первого слога. К сожалению, в современных этимологических и исторических исследованиях много подобных сближений, не учитывающих фонетические и акцентологические изменения словесной формы, что обесценивает результаты подобной работы. Зато типологическая связь прусского и санскритского слов со славянским словом *вещь* вполне вероятна, причем, как и в прусском примере, *вещь* оказывается как раз заключительным членом триады, в семантике которого сохраняется идея о значении двух предыдущих членов формулы ритуального круга. Отсюда и вероятная связь со словом *вече*, а семантическая зависимость от корня *вѣд-ати* ощущается, по-видимому, до сих пор.

Таким образом, синкретизм исходного значения слова является остатком далекого прошлого, а особая идеологическая важность слова способствовала его дальнейшим изменениям в русском языке.

Характерно, прежде всего, что конечным результатом развития значений этого слова стало значение ‘предмет, вещь’, т. е.

---

[3] *Колесов В. В.* Древнерусская *вещь*, с. 264.
[4] *Топоров В. Н.* Прусский язык, I. М., 1975, с. 175.

у восточных славян слово постепенно вычленяло значения в н е ш н е г о и с д е л а н н о г о в противоположности к в д о х н о в л е н н о м у р е ч е — м ы с л ь ю. Высокое ритуальное слово понижалось в ранге, причем семантически даже раньше, чем стилистически, потому что долго еще оно не было известно народной речи и в быту не употреблялось.

Прежнее представление о ритуальной важности *вещи* разрушается, рассыпается и функциональная целостность синкреты, которая поддерживалась не семантикой слова, а самим действием. Происходит постепенное выделение основных значений слова, облекаемых в самостоятельные лексемы. Если ограничиться только древнерусскими переводными текстами XII—XIII вв. (Пандекты Никона Черногорца, Пчела и т. д.), можно представить себе объем понятия, заложенного в слове *вещь*, а также те признаки различения, которые постепенно сужались уже на почве древнерусского литературного языка.

В этих переводах *вещь* — что́ бы это ни было: дело, действие или нрав — не деяние и не поведение, поэтому описание *вещи* всегда сопровождается уточняющим прилагательным: *плотяные*, *тленные*, *земные*, *мирские*, *мимотекущие*, *греховные*, *житийские*, *внѣшние*, *погыбающие*, *гнилые и мертвые*, *временные*, а не *вечные*, и т. д. Эти *вещи мятуть* (смущают) душу своим откровенным практицизмом (πρᾶγμα!), не связанным с душевным расположением; с *вещами* обычно имеют дело дьявол, бесы, разбойники, корчемники, лихоимцы, торговцы и прочие «недобродеи», и следовательно, *вещь* — порождение темное и подозрительное, это — грех, каким бы он ни являлся в мир. В этом изменившемся представлении о *вещи* она настолько конкретна, предметна, низменна, что всегда требует истолкования и изъяснения (*сказати*, *начахъ казати нам вещи*, и т. д.), потому что и сама *вещь* — не знак, не символ чего-то возвышенного и духовного, чем в этом мире является фактически любой предмет чувственного мира, а низменная материя, не имеющая «смысла нареченнаго», в которой «не обрящеши радости»: «Молю, отче, изъясни вещь сию, да исполнюся радости, отыду» (Пандекты, л. 300). Вдобавок *вещь* всегда случайна и не связана с сутью дела, а потому и «само естество вещи тяжко» (Пандекты, л. 206) — е с т е с т в о, а не с у щ е с т в о: форма, вид, а не содержание, не смысл.

По многим контекстам из русских источников XIV—XVI вв. можно было бы как будто заключить, что разложение «смысла» слова *вещь* на его «составные» (‘слово’—‘дело’—‘вещь’) уже завершено. Однако такое заключение было бы неверным. Даже по тем текстам, которые приведены в исторических словарях, можно вполне надежно говорить, что в среднерусский период *вещь* — либо ‘дело’, либо ‘событие’, обязательно связанные со словом, с речью. Значение ‘материальные ценности, имущество, товар’, а тем более ‘предмет’ или ‘произведение’ до самого конца XV в. неизвестно.

Особенность слова *вещь* как слова р у с с к о г о заключается в том, что с самого начала, пройдя семантические и стилистические фильтры отечественной литературы, оно получило неодобрительный смысл и постепенно сужало свое значение. Из назидательной литературы Измарагдов, Златых чепей и т. д. русские вынесли представление о *вещи*, которая не является делом — а всего лишь поступком, оно не деяние, а грех; только в связи с этим *предмет* поучения-беседы мог стать просто *предметом-вещью*, уже никак со *словом* не связанным. Понижение семантики слова и его стилистического ранга шло параллельно и завершилось, по-видимому, в XVII в., образовав русское слово. Для христианского писателя *вещь* — плохо.

Рассмотрим лексикографическую разработку слова в Сл. РЯ XI—XVII вв. Здесь оно подано исходя из представлений современного читателя и параллельно со значениями слова в современном языке — начиная со значения 'предмет, явление окружающей действительности'. *Вещь* как 'предмет' вторично, да и надежные примеры такого употребления приводятся только от XVI в. (Минеи Макария), а некоторые цитаты, приведенные здесь, сомнительны вообще. Так, *земьнии вещи* в цитате из Успенского сборника XII—XIII вв. толкуются как 'понятия, представления' ([Мария:] — *не дасть помысла своего въ печали земьныихъ вещий, нъ тъкмо въ любъвь божию*), т. е. слово *вещь* определяется исходя из противоположности другим именам в тексте и в связи со значением определения-прилагательного. Мария п о м ы с л и л а — следовательно 'представление'; на самом деле это место связано с противоположностью земной суеты и вечного блаженства на небе. Эта противоположность, действительно, может м ы с л и т ь с я Марией и всяким другим субъектом речи, но сама по себе не есть ни понятие, ни представление. *Земные вещи* — мирские поступки, действия греховные и противоположные божественной чистоте.

Столь же дробными, а потому надуманными являются и данные в Словаре значения 'случай, событие, несчастье, поступок, грех, вымысел, клевета' и т. д. Перед нами, конечно, «перевод» соответствующих текстов на современный язык, выражающий наши представления о том, что́ именно должно было быть в данном древнерусском контексте. Происходит это потому, что синкретизм значения в древнерусском слове не удовлетворяет современного лексикографа, и свою задачу он видит в необходимости «раскрыть» содержание неизвестного теперь понятия. На самом же деле во всех подобных случаях (в моем распоряжении около 500 цитат из древнерусских памятников) речь попросту идет о неблаговидном поступке или деле, причем значение порицающей оценки сопровождает основное значение слова и отдельной лексемой передано быть не может. Точнее этот смысл старого слова определен в Словаре «Моления» Даниила Заточника (Л., 1981, с. 32—33): *вещь* — 'занятие, дело, образ жизни'; *впадати в вещь* — совершать неблаговидные, преступные действия.

Стоило бы добавить, что подобные неблаговидные поступки совершаются по внушению с л о в о м со стороны: *князь не самъ впадаеть въ вещь, но думцы вводять*, — говорит и Даниил Заточник. В этом и заключается смысл христианского представления о греховности — посредством враждебного голоса, слова, внушения.

В Сл. РЯ XI—XVII вв. значение ‘предмет (тема, вопрос) обсуждения’ показано по переводным текстам Синайского патерика и Кормчей; следовательно, эти примеры никак не отражают древнерусского значения слова, тем более — значения разговорной речи.

С XV в. в русских текстах появляются значения ‘имущество’, ‘товар’, т. е. в известном смысле уже «вещи» (1480 г.), а также ‘козни, интриги’ (1499 г. — по-видимому, под влиянием греческого оригинала в новых переводах Геннадиевской Библии, что также не следует упускать из виду); с XVI в. известно значение ‘известия, новости’, а также ‘способ, образ’ какого-то действия. Эти последние значения образовались уже в русских текстах и представляют собою дальнейшее развитие книжного слова, связанного со значением ‘знать’, ‘говорить’, ‘делать’.

Таким образом, после рассмотрения всей словарной статьи *вещь* выясняется, что значение ‘дело, деяние, поступок’ оказывается все-таки единственно достоверным на протяжении всей истории древнерусской письменности, по крайней мере, до XVI в. Это значение определяется всеми древнерусскими памятниками уже с XII в., когда обозначился постепенный отход от исходного синкретизма значения слова *вещь* и началось сопряжение *вещи* с *дѣлом*. Летописные сообщения о *вещах земских* или *вещах церковных* (как в Никоновской летописи XVI в.) подтверждают, что речь и в данном случае идет о д е л а х светских и церковных, а свободное употребление слова *вещь* в форме множественного числа (*вещи*), конкретизируя семантику слова исчислением предметов, отражает значение ‘имущество, пожитки’.[5] В украинских и белорусских источниках это слово не известно до XVI в.; лишь у Ф. Скорины употребляется *вещь* в значении ‘рэч’ или ‘істота’.[6] На то, что значение ‘предмет, вещь’ вторично, указывают и производные — *вещелюбивый*, *вещелюбие*, *вещественный* отмечаются с XVII в., а *вещица* и подобные — только с XVIII в.[7] Это значение слова является крайним пределом выделения отдельных сем из прежней синкреты и вместе с тем — логическим завершением длительного процесса русификации заимствованного книжного слова. Понижение в стилистическом ранге сопровождало развитие оценочных значений слова (неодобрительно о деле или поступке), а постепенное вхождение в систему самого русского языка при-

---

[5] *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря Древней России. М.; Л., 1937, с. 45.

[6] Слоўнік мовы Скарыны, І. Мінск, 1977, с. 49.

[7] Сл. РЯ XI—XVII вв. М., 1975, вып. 2, с. 135.

водило к столкновению с семантикой близких по значению старых слов. Происходило последовательное «снятие» некоторых значений прежней синкреты путем переноса их на соответствующие русские слова, и прежде всего — на слово *дѣло*. Развитие семантики слова *вещь* в русском языке и последовательность постепенного «снятия» сем 'дело', а впоследствии и 'речь' можно проследить на типологически сходном материале русских народных говоров, доступных непосредственному наблюдению с 1820 г. (запись слова *вещети́нье* — общее название лекарств, снадобий в вологодском говоре [8]).

В народной речи обращает на себя внимание некое глубинное, не поддающееся точной лексикографической обработке соответствие между парами *дело—вещь* и *вещь—речь*. В частности, первое проявляется в постоянном соответствии между *делом* и *вещью* в неопределенных по смыслу высказываниях типа «вишь ты, како д е л о» — «значит, такая в е щ ь»; с ними в XVII в. совпадало по употреблению и слово *мѣсто* («ты, это м е с т о, как знашь»), в том числе и у протопопа Аввакума, широко отражавшего народную речь, «вяканье», в своих текстах. *Дело*, *вещь*, *место* — самые общие слова почти междометного значения, и в таком их использовании как бы всплывает исходный синкретизм слова *вещь*. *Вещь* в некоторых современных говорах напоминает такое употребление в средневековых текстах, особенно в сочетании с прилагательным в составе сказуемого, ср.: *гумно — апасная веши, ад жылья падальшы строилась*; *меня каг за лытку кусила собака, и полный гот лытка болела*; *собака-та — она веши страшная*.[9] В этих контекстах указание не неопределенное, безличное д е л о присутствует вполне явственно.

Однако ни среднерусские тексты после XVI в., ни современные русские говоры прямых соответствий значениям слова *дело* уже не имеют; следовательно, к началу национального периода в развитии русского языка выделение соответствующей семы из старой синкреты *вещь* уже завершилось. Напротив, *речь* и *вещь* по своим значениям отчасти связаны друг с другом, развитие семантики слова *вещь* в русских говорах определялось его столкновением со значениями корня *вед-ати*.

Это заметно и по сводкам диалектного словарного материала в СРНГ. Здесь *вещь* и *вещий* несомненно связаны общим отношением и воплощены в предметном мире, ср., например, *вещь* 'лекарство', связанное с *вещьбой* 'заговором' посредством слова. Старые и новые записи диалектной речи показывают, что в прошлом веке *вещь* воспринималась как нечто, связанное с речью, вещанием, а в XX в. (особенно в новых записях середины века, когда местные диалекты уже развились в просторечие) уже пол-

[8] СРНГ. Л., 1969, вып. 4, с. 228; эта запись 1820 г. попала во многие словари русского языка, а В. И. Даль на этой основе образовал и *веществословие врачебное*.

[9] Примеры извлечены из кн.: Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1976, вып. 3, с. 142.

ностью совпала со значением в литературном языке ('вещь, предмет'). Чтобы хотя бы в исследовательской процедуре разграничить эти два значения слова, я решился бы сказать, что *вещь* 'снадобье, зелье' — диалектное значение слова, а *вещь* 'предмет, вещица' — просторечное, уже отражающее значение слова в литературном языке. Сопряжение диалектных и просторечных значений слова в таком полном словаре, как СРНГ, неизбежно, поскольку этот словарь по необходимости становится и словарем историческим; следовало бы, однако, различать разные уровни «народности» в значениях слова.

В. И. Даль имел возможность более точно определить собственно диалектное значение слова и притом в той форме, которая была принята говором из литературного наречия: не *вещь*, а *вещá* — «*умал.* вещица, вещичка; нечто, предмет, отдельная единица, всякая неодушевленная особь; *в обширн. смысле* все, что доступно чувствам. // Пожитки, движимое имущество, *мн.* вещи. // *менее правильно*: дело, поступок, случай, происшествие».[10] Итак, исчисляемость неодушевленных конкретных предметов, доступных ощущению, — это и есть *веща*, причем одно из исходных значений слова ('дело') уже осуждается как неверное (еще было известно в его время?). Это является вполне убедительным свидетельством того, что 'дело' совершенно уже отделилось от 'вещи'.

Словарь русского языка Я. Грота во многом зависел от определений В. И. Даля (даже сочиненное последним *веществословие врачебное* вошло в словарь Грота в качестве самостоятельной словарной статьи); посмотрим, какие именно значения слова *вещь* фиксируются Гротом для литературного русского языка второй половины прошлого века: 1) всякий неодушевленный предмет (и в числе цитат: *Водевиль есть вещь, а прочее все гиль!*); 2) произведение ума или воображения, литературное или художественное; 3) предмет вообще, всё, что можно представить себе: обстоятельства, свойства, действия и проч. (в числе цитат: *Странная вещь сердце человеческое вообще, а женское в особенности*, Лермонтов); 4) дело, сущность (из иллюстраций: *в самой вещи* 'в самом деле' у Ломоносова); сверх того отдельно указана еще форма pl. *вещи* 'пожитки, имущество; багаж путешественника'.[11]

Водевиль как 'вещь' вполне может быть калькой с французского или английского (ср. англ. masterpiece или work), следовательно, и в данном случае быть всего лишь оживлением старого значения 'дело', но связанного с идеей говорения, речи. Постоянное упоминание о воображении, представлении, сущности дела и т. д. показывает, что конкретная предметность материальной вещи в прошлом веке еще не являлась основным смыслом нашего слова, и только форма множественного числа принесла с собою это значение (как это было, впрочем, и в донациональный период

[10] Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. СПб., 1880, т. 1, с. 189.

[11] Словарь русского языка / Под ред. Я. К. Грота. СПб., 1895, т. 1, с. 389.

развития литературного языка). Особая грамматическая форма множественного числа — исчисляемая множественность — позволила осознать одно из самых конкретных значений слова *вещь* и выделить его в качестве самостоятельного значения. *Вещь* же в форме единственного числа по-прежнему собирательна, и именно на это указывает диалектная форма слова — *вещá*: в говоре собирательность отвлеченного значения потребовала и соответствующей формы собирательности, и даже связанной с этим оттяжки ударения на флексию.

Слово *веща* не могло иметь формы множественного числа, потому что оно, это слово, одновременно выражает идею и с к а з а н н о г о и с д е л а н н о г о. Уже информация, полученная из полного словаря русского языка, составленного под редакцией Грота, показывает, что в значении слова *вещь* еще осознавалась связь с речью, словом, говорением; *вещь* не просто предмет внешнего мира, но нечто, связанное с интеллектуальной или психической деятельностью человека, *вещь* дается не сама по себе как явление объективного мира, а обязательно пропускается через сознание человека. Именно этим и объясняется, во-первых, связь с идеей «речи», во-вторых, отсутствие материальной конкретности «вещи» как таковой, и народная речь, воспринимая это слово, с самого начала имела дело со словом отвлеченного значения — собирательность *вещи* по отношению к любому конкретному проявлению вещности, *вещь* — родовое слово в классификационном определении вещного мира. Этим же объясняется и оценочная характеристика слова, постоянное присутствие среди значений слова представлений о том, хорошая или плохая вещь имеется в виду. Для средневекового христианского писателя *вещь* всегда отмечена как отрицательное по качеству явление; литературный язык XIX в. на основе вторичного сближения с соответствующими западноевропейскими языками выработал прямо противоположное отношение к *вещи* — это образцовое сочинение человеческого ума или духа. Какой из этих оценок последовал диалектный язык?

Воспользуемся записями по псковскому говору, поскольку словарь полного типа, естественно, учитывает и те лексемы, которые являются словами литературного языка. В данном случае нам помогает уже отмеченное свойство слова менять свою форму при заимствовании в диалект: *вещь* и (чаще) *вéщá* 1) ‘всякий предмет (чаще хозяйственного или бытового назначения)’, следовательно, нейтрально в отношении оценки; поэтому возникают уточнения, проявляющиеся в противопоставлениях и в определениях типа *купили б вешшу какую, а аны накупили ламйя* — ‘полезные, ценные вещи’, и т. д.; 2) ‘факт, случай’ // положение, требующее разрешения, вопрос (с типичным для современного просторечия примером: *согласуйте с ним вешш насчет тово. . .*); 3) ‘дело, занятие’ (в *ирон.* контексте: *лянивый три вешши знаить: ня хачю, ня магу, ня умею*); 4) то самое сочетание в составе сказуемого, которое уже указано в значении ‘дело’ (*гумно — опасная*

вещи, и т. д.). Хронологическая последовательность примеров, здесь приведенных, прямо противоположна той семантической переходности значений, которые даны в словарной статье: не 'вещи'—'имущество'—'дело', а, напротив, 'дело' (1469 г.)—'имущество' (1480 г.) — *драгие вещи поима* (1569 г.), что полностью соответствует линии семантического развития.[12]

Кроме того, форма единственного числа — *вéща* или *вещá*, но во множественном всегда *вещá*, *вящá*: важное для устной речи различие в ударении постоянно противопоставляет форму единственного числа форме числа множественного. Семантически эти квазиомонимы есть формы собирательности и множественности, и различие подчеркивается характером ударения. Значения 2, 3, 4 по существу совпадают в одном «родовом» — 'дело', связанном с изъяснением, высказыванием, вещанием. И согласование вопроса, и модальности в поведении ленивца, и безличные сообщения о гумне или собаке, приведенные в текстах, — все это не предмет и не указание предметности даже в ее самом общем (собирательном) виде, а информация о них, речь, а не вещь, подобно тому, как и в соседних с псковскими белорусских говорах *вещь* — это *рэч*. Аналогичные примеры и значения слова *вещь* находим на соседних территориях.[13] Таким образом, противоположность форм единственного и множественного чисел, связанных еще с разными значениями ('речь'—'вещи'), изменение грамматического класса слов (*веща*, а не *вещь*) и намеренное противопоставление литературной лексеме по ударению, — все это характерные для говора признаки нового слова. Это слово не имеет еще ни полной грамматической парадигмы, ни точной и определившейся в контекстах семантики, ни законченной формы устного воспроизведения (наряду с колебанием акцента в формах единственного числа также и колебание в фонемном составе словоформ).

С этим же связана и другая особенность употребления слова *вещь* в говорах: постоянное стремление по мере освоения слова в определенных контекстах расслаивать семантику многозначного слова, каждое новое значение воплощая в определенном словообразовательном варианте. В Сл. РЯ XI—XVII вв. подобных словообразовательных вариантов показано еще очень мало; в современных русских говорах они являются активной частью словаря, но словаря не «природного» говора, а той его части, которая активно устремлена к слиянию с просторечием — городской речью вторичного происхождения, обусловленного влиянием литературной «культурной» речи. Именно таким, вторичным по формации, предстает народный говор в записях собирателя-интеллигента, с которым деревенские жители уже не один десяток лет желали вести «умственную» беседу, не ударив в грязь лицом перед заез-

---

[12] Псковский областной словарь. . ., вып. 3, с. 141—142.
[13] Словарь брянских говоров. Л., 1980, вып. 2, с. 53—54.

жим человеком и не понимая толком смысла его работы. Каждому, кто работал в диалектологической экспедиции, знакомо это чувство неудовлетворенности проделанной работой, поскольку всегда ясно чувствуешь отстраненность от настоящего говора, которым пользуются между собою пожилые жители деревни, не подпуская к нему постороннего.

Вот значения слова *вещество*, отмеченные в псковских говорах: 1) 'предмет, вещь', 2) 'живое существо' (*кошки — самые дяшовые вешшества*), 3) 'сущность, понятие' (*бог ы грех, их два вешшества*), 4) 'дело, занятие' (*карзинки у нас ни пляли з бириста, у нас ни занимались таким вишшиством*). Я намеренно привожу в записи собирателя все цитаты, поскольку они указывают на вторичность формы выражения: никакой последовательности в выражении, например, безударного вокализма ни один пример не показывает, а наличие «иканья» вообще кажется странным, если не признать, что перед нами запись просторечия, а не говора. Добавлю к этому, что в качестве примера к 1-му значению дана следующая запись: *Кто в горади радифшы, и не знае, што рош, што вишаство такое*; разницы между значениями 1-м и 2-м по приведенным цитатам в сущности нет, а почему 3-е значение выделено из 4-го — также неясно, поскольку, во-первых, 'сущность' и 'понятие' — не одно и то же, а во-вторых, приведенная цитата (единственная для данного значения в словарной статье) скорее связана со значением 'дело', чем 'сущность' или 'понятие' о сущности. Перед нами, таким образом, простое желание составителей словаря пояснить значение слов в записанных контекстах, но не диалектное представление о значении слова. В других записях слово с данным суффиксом также всегда является совершенно новым, ср. в СРНГ в записях по Томской области (*вещество* — 'существо', речь идет о человеке или животном: ограниченность записей может вызвать представление об однозначности слова в данном варианте сельского просторечия), в записях по Брянской области (*вещество* — 'качественное проявление материи', в качестве примера приведено высказывание о том, что *тол — взрывчатое вещество*; 'живое существо' — *мухи вещество такое, что увядзе*), и т. д.

Впечатление случайности записей, а следовательно, и ненадежности или фрагментарности сведений о данном образовании в говоре усиливается благодаря отсутствию подобных записей по многим другим говорам, где они определенно должны быть, но не выявлены благодаря особому отношению собирателей к словам, которые имеются в литературном языке. Градации собственно диалектных (просторечных) значений заимствованного из литературной речи слова весьма широки: достаточно сказать, что тол как *вешшаство* понимается и в литературной речи, а мухи или клопы — с несомненностью не принимаются за *вещество*. В целом можно сказать, что *вещество* является образованием совершенно новым для говора, прежде ему соответствовали слова с другими суффиксами: *вещина* или *вещица*. Именно эти слова в современном говоре уже полностью совпали с тем значением

слова *вещь*, которое указывает на ‘предмет, вещь’, ср. в псковском говоре *вещинка*, *вещица*, *вещунка*, также *вещишечки* ‘вещи, пожитки’ (в форме множественного числа), *вещичка* ‘отдельный предмет из числа однородных, штука’ (только в форме единственного числа).[14]

Казалось бы, более ранние по распространенности в говоре суффиксальные образования от литературного слова *вещь* должны были бы и сохранить самые первые по времени значения, выделенные из общего корня в процессе усвоения заимствованной лексики; однако этого нет. До того, как в современных говорах появились образования с суффиксом *-ств(о)*, их роль как раз и исполняли слова с суффиксом *-ин(а)*, что, в частности, сохранилось в некоторых старых записях или в былинных текстах; ср. запись А. А. Шахматова в Кондопоге:

Не давай ты девицы за женщину,
Погледи-ко походки: частенька по-женскому,
Ёна стёгна о стёгна трёт, свою в е щ и н у берегёт,
Грудь у ней высокеных по-женскому,
Поговор у ней частенький по-женьскому.[15]

Это же слово употребляется и в других былинных текстах, которые повествуют о переодетой в мужское платье женщине (см. СРНГ, 4, с. 228 — без указания значения слова). *Вещина* в данном случае как раз и есть *вещество* современных записей — т. е. ‘существо’, ‘сущность’ женщины, в поэтическом тексте поданная предметно и вместе с тем описательно.

Сравним с этим примеры, записанные в русских говорах Карельской АССР (по картотеке Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей, которая хранится на кафедре русского языка ЛГУ).

Вещина: *пять вещин ему досталось* (количество вещей) Пудож, 1967 г.; *вещина — хорошая вещь*: *платье или што* Медвежьегорск, 1965 г. (это определение повторяется и по другим записям); *была кака-то вещина у них на сельнике, какой-то шкаф* Беломорск., 1972 г. (уже без оценочной характеристики); *лей как вылатано! хорошая вещина* Пудож, 1966; *есть у меня вещинка хорошая* Кереть, 1966; *вещинка-то какая, во—от вещинка хорошая* Медвежьегорск, 1965 и т. д.

Вещество: *вот Алик ваш собирает вещества, ну, эти камешки* Вытегра, 1972; *очень вкусное вещество морошка* Пудож, 1966; (на вопрос: А клопы-то есть?) — *так нет, мы вещества такого не держим* Пудож, 1967, и др.

Вещички и др.: *чордак там, веники развешаны, плохие вещички храним!* Вытегра, 1966 (в подобном контексте очень часто); ср. и совершенно новое слово, переводящее заимствованное и нехарактерное для говора слово *рюкзак*: *вещевик* (постоянно).

---

[14] Псковский областной словарь. . ., вып. 2, с. 141.

[15] *Шахматов А. А.* Фольклорные записи в Прионежье. Петрозаводск, 1948, с. 53—54.

Несмотря на некоторые разрывы во времени, на протяжении двадцати лет, что ведутся записи, особенных различий в контекстах не обнаружено, они довольно устойчивы. Понятие о вещи выражается здесь с помощью различных суффиксов при корне, причем *вещина* всегда хорошая и подлежит счету, *вещество* бессчетно, но оценочной характеристики не имеет (нейтрально и потому выясняется из контекста), *вещички* всегда в отрицательной оценке, но нейтрально в отношении к счету (собирательность общего типа). Таков приблизительно по своим основным признакам различения путь освоения заимствованного из литературной речи слова: наряду с семантическим развитием слова в народном говоре происходила, с одной стороны, конкретизация его слишком общего значения (дается через морфологические формы числа или определяется посредством характерного суффикса: единичности *-ин(а)*, собирательности *-ств(о)* или разными формами уменьшительности, принятой в русском языке), а с другой — развивалась оценочная характеристика, что совершенно необходимо в процессе усвоения новой лексемы (то же мы отмечали и в предшествующих очерках, посвященных усвоению говором литературных слов *жизнь*, *совесть*, *болезнь*). Таковы объективные характеристики диалектного или просторечного слова. Нейтральным по о ц е н к е и конкретным по ч и с л у слово становится уже в своем литературном варианте, который, впрочем, очень редко проявляется в записях народной речи и всегда может быть поставлен под сомнение: *вещь*.

Вещь, но не *веща* и не *вещи*, поскольку форма множественного числа связана с выражением чего-то, определенно известного, в е́ д о м о г о, например — колдовского зелья (СРНГ). Сюда же относится и употребление прилагательных и глаголов, в форме которых нейтрализуется противопоставление между *вещью* и *вещьбою*, ср. *Торокан вещеватое насекомое и клоп тоже: как нас згоняли з дому, вокурат перед этим тороканоф не стало, ушли* Печенга (Картотека ЛГУ) — *вещеватое* в значении ‘вещее’, а не вещественное, хотя по понятиям этой системы *клоп* или *торокан* — *вещество*. Записанные в Вологодской области выражения вроде *бабушка правду вещевала*; *никто не вещевал, што в ветхом ходили*; *их не надо вещевать* (Картотека ЛГУ) используют глагол *вещевать*, столь же многозначный, как и *веща*: это и ‘предсказывать’ (в первом случае), и ‘осуждать’ (во втором), и ‘сетовать’ (в третьем), однако всегда непосредственная связь с глаголом *вед-а-ти* осознается. Еще больше значений этого глагола выделяют составители СРНГ: ‘приветствовать, поздравлять’, ‘обвинять, осуждать’, ‘обижаться’, ‘предсказывать, предчувствовать, предвещать’; в псковском говоре этого слова нет, но оно записано как разговорное в начале XVII в. (с. 141).

Любопытно также постоянное, независимо от территории или времени записи, свойственное народному сознанию представление о внешнем проявлении свойства как о сущности: так и *вещина* или *вещество* как ‘сущность’ определяются по в н е ш н е м у

виду чего-то, раскрываются в процессе изъяснения *вещи*. Отсюда и связь с глаголами, выражающими идею знания и сообщения о своем знании. Можно только догадываться (определенных контекстов найти не удалось), что именно этим семантическим сближением сути и внешней формы ее проявления объясняется связь *вещания*, *вещьбы* с *вещью* (или, наоборот, — сближением корней вызвано семантическое сближение *вещьбы* с *вещью*).

Тут же можно отметить, что из двух вариантов оценочного отношения к вещи народная речь не предпочла ни одного: *вещь* в своих проявлениях может быть и плохой (как в книжности христианского толка), так и хорошей (как в некоторых жанрах современной литературы), и каждый раз находится возможность вполне определенно указывать качество вещи, не прибегая к описательным выражениям.

Наблюдения над историей слова *вещь* показали некоторые условия последовательного процесса включения слова в русский язык и конечный результат этого процесса.

Всякое вхождение в язык нового слова определяется семантической системой языка — это несомненно, и этим, в частности, определяется последовательность в семантическом сужении слова *вещь*: чем глубже и органичнее внедряется новое слово в систему, тем скорее и последовательнее оно утрачивает те значения (или «оттенки» значения), которые дублировали бы уже имеющиеся в системе лексемы.

Однако кроме того должна возникнуть и социальная необходимость в том, чтобы новое слово входило в систему языка, и применительно к слову *вещь* такая необходимость возникла не сразу и притом неодновременно в разных слоях общества.

Собирательность, или множественность, *вещи* как родового определения множества видовых проявлений предметного мира вообще возникает довольно поздно и на очень развитых этапах становления общественного сознания. Одновременно на индивидуальном уровне восприятия этого вещного мира возникает постоянная устремленность к оценочной характеристике всех таких слов; именно в противоречивости подобных характеристик и отражаются социальные противоположности в отношении к соответствующим явлениям жизни и быта.

Однако что удивительнее всего, так это постоянное и неустранимое стремление связать в своем сознании *вещь* с *речью*, т. е. одновременно и отразить свое отношение к веществу, и отличить это вещество от его сути, от существа. Существуют какие-то непонятные, непостигаемые на лингвистическом уровне свойства лексических смыслов, которые проявляют себя при каждом новом повороте социальной и духовной жизни народа, на этом языке говорящего. Ведь и сегодня, прекрасно понимая, что *вещь* и *вещи* — слова общей морфологической парадигмы, мы, тем не менее, различаем восторженное отношение к неповторимой вещи («Это — вещь!») и осуждение множественности вещей, которое порождает наше порицание вещизма вообще.

О. Г. ПОРОХОВА

К вопросу о дифференциации неполногласных и полногласных форм в русском языке

(ч. II. Слова с корнями *глав-/голов-*)

Общий анализ взаимоотношения слов с неполногласием и полногласием в русском литературном языке и говорах [1] следует дополнить изучением того, каково их соотношение в каждом отдельном корневом гнезде и какова история сложения этого соотношения. Такое исследование позволит показать все способы распределения анализируемых форм в современном русском языке в исчерпывающем виде, в том числе такие, которые встречаются только в каком-либо одном гнезде. Его результатом будет также инвентаризация слов с неполногласием и полногласием каждого гнезда в диалектах, что особенно интересно в части слов с неполногласием, из которых многие вообще еще не вошли в научный оборот.

Итогом рассмотрения полногласных и неполногласных образований всех корневых гнезд должно явиться не только исчерпывающее выявление типичного и единичного в способах их дифференциации в русском языке, но и определение в достаточно полной мере роли нормативных факторов в истории их использования — вопрос, представляющий значительный интерес при окончательном решении проблемы соотношения русского и старославянского начала в литературной форме русского языка на разных этапах его развития. Роль нормативных факторов в использовании анализируемых элементов в русском языке выявляется путем обращения к предшествующим этапам истории русской лексики и исходному для неполногласных образований старославянскому языку, которое дает возможность увидеть процесс сложения взаимоотношения форм с неполногласием и полногласием в русском языке.

Особый интерес представляет то, что в результате изучения истории неполногласных и полногласных образований, относящихся к определенному гнезду, удается выявить слова с неполно-

[1] См. об этом в серии статей автора о неполногласной и полногласной лексике в предшествующих выпусках данного сборника. См. также: *Порохова О. Г.* Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и говорах: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. М., 1978. 37 с.

гласием, образованные непосредственно в самом древнерусском языке и народных говорах. Для устных сфер русского языка выявление подобного рода лексем только начинается.[2] Для письменных — этот вопрос ставился уже в XIX в., но конкретное выделение этих лексем ограничивалось несколькими единицами. Последовательное изучение всех корневых гнезд с неполногласием и полногласием дает возможность выделить большинство из слов с неполногласием собственно русского происхождения.

В предлагаемой статье анализируются слова с неполногласием и полногласием из гнезда *глав-/голов-*.[3]

Семантическая специфика слов с корнями *глав-/голов-* состоит в сохранении на протяжении всей их истории близости многих производных значений к исходному, которые часто соотносятся с ним метафорически и метонимически.[4] Как известно, такими семантическими особенностями часто отличаются слова из гнезд, обозначающих части человеческого тела, которые обычно функционируют издревле и не теряют актуальности своего исходного значения. Несмотря на близость семантического наполнения гнезда в современном литературном языке и диалектах, в каждой из этих сфер имеются свои особенности взаимоотношения значений неполногласных и полногласных форм. Очень различаются и лексико-морфемные признаки производных образований.

В литературном языке способы дифференциации неполногласия и полногласия в гнезде очень разнообразны и дробны и имеют в большей части несемантический характер. Здесь есть как общие для неполногласных и полногласных образований, так и раздельные значения.

Одним из общих является основное значение гнезда 'верхняя часть тела'. Употребление слов с неполногласием и полногласием различается главным образом стилистически: стилистически нейтральное *голова* и стилистически маркированное неполногласное *глава* (Главу опустивши на грудь. Лермонтов). Только в сферах поэтической речи известно и слово *безглавый*. Стилистически нейтральное относительное прилагательное с полногласием *головной*, кроме свободного употребления, встречается в специальной терминологии — *головной мозг*. Ниже будет показано, что использование корня с неполногласием или полногласием в терминах закрепляется произвольно, но устойчиво сохраняется в каждом случае.

---

[2] См. об этом: *Порохова О. Г.* О лексике с неполногласием и полногласием, образованной в русских говорах. — ВЯ, 1980, № 5, с. 74—83.

[3] Об использованных в работе материалах см.: *Порохова О. Г.* К вопросу о дифференциации неполногласных и полногласных форм в русском языке. — В кн.: Диалектная лексика, 1977. Л., 1979, с. 40—53. Там же см. о принятых в статье сокращениях.

[4] В статье рассматриваются лишь те значения, которые считаются относящимися к этому гнезду всеми этимологами. Так, здесь не учитывается значение 'головешка' и его производные, которые не все этимологи признают относящимися к этому гнезду.

Есть слова, где неполногласная и полногласная формы с основным значением составляют морфонологические варианты единого корня, не имеющие стилистического разделения (*голова*, но *обезглавить*). Распределение этих форм в сложных словах также закреплено нормативно. Вторая часть сложных слов *-головый* (*многоголовый*, *белоголовый*) стилистически нейтральна, а часть с неполногласием *-главый* в таком же значении известна в лексемах, имеющих жанровое ограничение или являющихся терминами (*трехглавый зверь* — в сказках, *двухглавый орел* — термин). В первой части сложений известно только полногласие (*головокружение*, термин *головоногие*).

Вторым общим для слов с неполногласием и полногласием является производное значение, связанное с названием частей литературных произведений, статей. Оно стилистически нейтрально в обеих формах. Все слова с такими значениями имеют приставку *за-*, но лексических дублетов нет (*заглавие*, *заглавный* и *заголовок*, *заголовочный*).

Только с неполногласием — слова в значении ‘раздел, часть литературного произведения, отмечаемая нумерацией или заголовком’ (*глава*).

То же для слова в значении ‘перечень глав’ — *оглавление*. Как и в значении о названиях частей литературных произведений, употребляющаяся здесь приставка в словах с другими значениями в этом гнезде неизвестна.

Не полностью идентичными для неполногласных и полногласных образований являются значения семантического центра ‘передняя часть чего-либо’. Сочетание с неполногласным словом *во главе* семантически достаточно широко. Обычно оно используется с глаголами *идти*, *стоять* и т. п. Сочетание с полногласным *в голове* (а также вне сочетания — *голова колонны*) более метафорично. Ему соответствует прилагательное *головной* ‘идущий впереди, в голове чего-либо’ (Головной танк. Симонов). Как будет видно из дальнейшего изложения, наличие бóльшей обобщенности, отвлечения от основного наблюдается в гнезде и для других значений неполногласных образований.

Значения, особые для слов с неполногласием и полногласием, обычно стилистически нейтральны.

Ближайшее к основному значение у лексем с неполногласием — метафорическое, о куполах церквей. Оно представлено только в слове *глава* и второй части сложений *-главый* (*златоглавый*, *многоглавый*).

Также только с неполногласием известны слова в значении ‘о чем-либо господствующем, главном’: прилагательное *главный*, существительное *главное*, сочетание *главным образом*, слова *главенство*, *главенствовать*. Смыкающееся с ним значение ‘о начальнике, руководителе’ отмечается и в отдельных словах с полногласием. С неполногласием: ‘глава чёго-либо, главарь’ (неодобр.), приставочные *возглавлять*, *обезглавить* ‘лишить главы, руководства’. Сюда же относится первая часть сложных слов *главно-*

(*главнокомандующий*) и *глав-* в сложносокращенных (*главврач*) и сокращенных словах (*главк*). С полногласием: *голова* ‘авторитетное лицо, руководитель, старший в семье’ (Братья у него. . . ребята шустрые. ., а все-таки он им голова — почему же это так? — А потому — старший. Тургенев). МАС отмечает его как разговорное. См. также *городской* и т. д. *голова* — термины дореволюционного административного управления. В них — только полногласие. Если значение ‘о начальнике, руководителе’ в словах с неполногласием связывается с указанным для них значением ‘о чем-либо главном’, то у слов с полногласием такие значения метафорически сопоставляются с основным значением ‘верхняя часть тела’.

Метонимическое развитие имеется у слов с полногласием в значении ‘ум, разум, сознание’ (В голове все путалось. М. Горький) и ‘о человеке как носителе каких-либо качеств, свойств’ (горячая голова), а также ‘о человеке большого ума’ (Он, брат, голова!). Первому соответствует прилагательное *безголовый* ‘лишенный здравого смысла, глупый’.

Только с полногласием известны слова еще в двух значениях, где кроме того имеется избирательное употребление определенных аффиксов.

Значения слов с приставкой *из-* связаны с местом постели, где кладется подушка, или тем, что кладется на кровати под голову (*изголовье*, *изголовный*, *в изголовье* и др.). Приставка *из-* в гнезде в словах с другими значениями, в том числе с неполногласной формой корня, не употребляется. В малонормированных сферах этот порядок нарушается. См. просторечные слова в соответствующем значении с приставкой *под-*: *подголовье* ‘изголовье’.

Значения слов на *уголов-* достаточно отвлечены от основного. Общее их семантическое ядро — ‘состоящий в покушении на жизнь, имущество’ (*уголовный*, *уголовник*, *уголовщина*).

Есть еще три значения в полногласных образованиях, не повторяющиеся в неполногласных. Сочетание *разбить на голову*, *голова* как единица счета (обычно животных, но в XIX в. и людей: Дали обед Ростову, стоивший с головы по 15 рублей подписки. Л. Толстой) и *поголовно* ‘о чем-либо всеобщем, охватывающем всех, многих людей’. Последнему соответствует просторечное, устарелое сочетание с бесприставочным *с головы на голову* ‘все без исключения, поголовно’ (Я их всех накажу с головы на голову. Фонвизин). Устарело также терминологическое слово с полногласием *поголовщина* ‘всеобщее обложение податями’, ‘всеобщая воинская повинность’ и некоторые другие.

Рассмотренный материал показывает, что в литературном языке в гнезде *глав-/голов-* дробное нормативное разделение семантики, морфемного характера и сочетаемости имеется не только между лексемами с разными формами корня, но и с одной и той же.

Наличие стилистически разделенных дублетов с основным значением ‘глава’ и ‘голова’ и ближайших их производных является

единственным случаем лексико-семантического дублирования слов в гнезде. Употребление той или другой формы корня в сложных словах и терминах закреплено нормативно. Некоторые слова с семантическим дублированием корня с неполногласием и полногласием в основном значении могут превращаться в однокоренные стилистически нейтральные образования, где эти формы являются морфологическими вариантами единого корня (*голова*, но *обезглавить*). Такое же соотношение они имеют в значении о названии разделов литературных произведений (*заглавие*, но *заголовок*).

Относясь к значениям одной и той же производной семантической линии, слова с разными формами корня могут разделяться степенью ассоциации с основным значением, а следовательно, и степенью метафоричности (*глава чего-либо* и *голова колонны*).

Для образований с полногласием есть случаи, когда все слова одного семантического центра имеют одну и ту же приставку, не повторяющуюся в гнезде в лексемах с другими значениями, в том числе и с неполногласной формой корня (*изголовье* и под., *уголовный* и под.).

Семантический круг слов гнезда *глав-/голов-* в говорах в целом соответствует литературному языку. Однако в отличие от него все слова с обеими формами корня используются здесь в живой бытовой речи без стилистического разделения. В говорах отсутствуют и многие другие, в том числе семантические, способы деления этих образований, свойственные литературному языку. Вследствие этого здесь сосуществуют дублеты слов с неполногласием и полногласием в одинаковых значениях. Неполногласная и полногласная формы корня являются в диалектах, как правило, морфонологическими вариантами одного корня.

Основное значение гнезда ‘верхняя часть тела’ представлено в говорах многочисленными образованиями с полногласием, в том числе экспрессивными: *головешка*, *головизна* и др. (см. 6-й вып. СРНГ). Полногласное *головизна* ‘голова большой рыбы’ (см. 6-й вып.), возможно, имеет соответствие в неполногласном *главизна* (Астрах., 1840 — не полногласное). Обратим особое внимание на то, что в разговорной речи диалектов не записано слово с неполногласием *глава* в значении ‘голова’. Оно известно нам лишь в фольклорных текстах: С буйной главы до сырой земли. Ончуков. Печерские былины и под. (ср. наличие в разговорной речи говоров слов с неполногласием *древо*, *град* и др.).

В говорах существует большое количество слов с полногласием, обозначающих ‘что-либо, относящееся к голове или связанное с ней’. Например, в значении ‘платок на голову ребенка’ — *наголóвник* (Яросл., 1893), *подголóвничек* (ПОС), *прúголовок* (Покр. Влад., 1905—1921), ‘ремень для стягивания волос на голове’ — *нáголовень* (Твер., 1855), *наголóвыш* (Костром., 1911) и мн. под. Им соответствуют лишь отдельные слова с неполногласием: *безглáвить* ‘лишать головы’ (Перм., 1923), ср. лит. *обезглавить*. Возможно, корень с неполногласием имеют также слова *заглáвýю-*

шина и *заглаўшина* ‘удар кулаком по голове’ (Симб., 1852; Костром., Влад.), *заглавўшить* ‘ударить кулаком по голове’ (Влад., Слов. Акад., 1899).

Метафорическое значение ‘о верхней части чего-либо’ (ср. лит. *глава* ‘купол церкви’) присутствует в словах с двумя формами корня. С полногласием: *наголóвник* ‘верхняя перекладина на столбах ворот’ (Ряз., 1955—1957), *наголóвник* ‘чехол на спинку кровати’ (Перм., 1975) и др. С неполногласием: *вглавь* ‘открытая возвышенность, откуда хорошо видно вокруг’ (Арх., Даль с вопросом к слову), *взглав* ‘верх высокого берега’ (Арх., Слов. карт. ИРЯЗ). См. также *взглáвок* ‘быстрое течение у порога’ (Арх., 1961). Развитие значения ‘о верхней части чего-либо’ в слове с полногласием *головúться* ‘появляться, становиться видным; показываться на горизонте’ (Пск., 1952).

Интересно, что в говорах слова с полногласием имеют и противоположное значение — ‘нижняя часть чего-либо’, отсутствующее в литературном языке: *голова* ‘нижняя часть снопа, комель снопа’ (Волхов. Ленинград., 1933; Свердл., Том.), *головка* ‘комель снопа’ (см. 6-й вып. СРНГ).

Слова в значениях, связанных с головой как вместилищем ума, памяти, в отличие от литературного языка, могут иметь обе формы корня (в литературном языке — только полногласная). С неполногласием: *воглáвить* ‘заставить понять, втемяшить’ (Орл., Даль), *воглáвиться* ‘засесть в голове, укрепиться в памяти’ (Орл., Даль). С полногласием: сочетание *покопать в голове* ‘подумать’ (Смол., 1914). Лексемы семантического центра ‘умный’, как и в литературном языке, — только с полногласием: *головáн* ‘умный человек’ (Южн.-Сиб., 1847; Сиб., Енис., Забайк.), *головáтый* ‘умный’ (Сев. Кавказ, 1908), *головúстый* ‘умный’ (Верхнекет. Том., 1964), *головáстый* ‘умный’ (Брон. Моск., 1936; Параб. Том.), *безголóвье* ‘глупое поведение’ (Исет. Перм., 1923), *безголóвье* ‘глупое увлечение’ (Чужие жены — безголовье. Смол., 1914).

Значение, связанное с какими-либо другими качествами человека (в литературном языке, например, ‘горячая голова’), в диалектах также имеется в словах с полногласием, но не ограничивается какими-либо условиями употребления (в литературном языке — это всегда сочетания какого-либо прилагательного со словом *голова*). *Голóвка* ‘отчаянный, удалой человек’ (Ну уж и парень! Головка! Буйск. Костром., 1830—1840), *безголóвок* ‘смелый, отчаянный человек’ (Кадн. Волог., 1895—1896), *безголóвный* ‘смелый, отчаянный, бесстрашный’ (Буйск. Костром., 1897) и под.

Не полностью идентичны семантически литературным значения диалектных слов, относящихся к передней части чего-либо (см. выше лит. *голова колонны, войск*) или являющихся началом чего-либо. Первое из них более метафорично, чем в литературном языке, но значение ‘начало чего-либо’ может быть достаточно обобщено. Присутствуют они, в большей части, в словах с полно-

гласием: *голóвка* ‘о том, что предшествует чему-либо, является началом чего-либо’ (Тобол., 1920). О передней части чего-либо: *головá* ‘передняя изогнутая часть полоза саней’ (Дубен. Тул., 1933) и мн. под. (см. 6-й вып. СРНГ). В словах с неполногласием близко к этому семантическому центру значение слова *главлéвище* (Волог., 1902) ‘рукоятка граблей’.

Значение ‘передняя часть чего-либо’ в диалектах имеет семантическое развитие ‘край чего-либо’, отсутствующее в литературном языке. Оно есть в словах с обеими формами корня. С полногласием: *приголóвье* и *приголóвочек* (оба в Волог., 1902) ‘край стола’, *головá* ‘мыс, оконечность острова’ (Север., Барсов. Олон.) и мн. под. С неполногласием: *взглав* ‘оконечность острова или материка, мыс на берегу’ (Сиб., Беломор., 1959), *взглáвье* в том же значении (Арх., 1847; Беломор., Сиб.), *взглáвы* в том же значении (Арх., 1847; Беломор., Север., Сиб.).

Слова с обеими формами корня могут иметь значение ‘начальник, руководитель’. С неполногласием: *главúтель* ‘глава семейства’ (Волог., 1902), *главáрь* ‘начальник’ (Влад., Даль), *безглáвить* ‘лишать семью главы’ (Перм., 1923), *разглáвить* ‘лишить руководства’ (Гдов. ПОС). С полногласием: сочетание *большая головá* ‘глава семьи, хозяин’ (см. 6-й вып. СРНГ), *головúть* ‘главенствовать, верховодить’ (Шадр. Перм., Афанасьев), *головéшка* ‘ведущий в игре’ (Пск., Твер., 1855), *заголóвщик* ‘тот, кто руководит пением, запевает (в монастырях)’ (Олон., Слов. Акад., 1899), *безголóвье* ‘отсутствие руководителя, главы чего-либо’ (Пск., Смол., 1919—1934).

Значение ‘главный’ в соответствии с литературным языком имеется в словах преимущественно с неполногласием: *заглáвный* ‘главный’ (Вят., 1882; Пск., Тобол., Якут.), *наглáвный* ‘самый главный’ (ПОС), *заглáвие* ‘самое важное, главное, суть’ (За обедом капуста — самое первое заглавие в мужицтве. Смол., 1899), *заглáв* ‘первенство, преимущество’ (Допреж его никто не знал, а ноне он в славе да в заглаве. Нерч. Забайк., Ноневич). Последнее связывается не только с этим семантическим центром, но и предыдущим. Обратим внимание на то, что значения диалектных слов этой группы соответствуют наиболее отвлеченным из существующих в гнезде в литературном языке. Значение этого семантического центра может иметь конкретизированное семантическое развитие, отсутствующее в литературном языке: *заголóвок* ‘главная часть стана’ (ПОС) и сочетание *головáшечная полоса* ‘основная, большая часть поля, луга’ (при косьбе) (Прейл. Латв. ССР, 1963), где семантическим ядром делается количественное превосходство.

Терминология письменных текстов в говорах представлена в наших материалах одним диалектным словом с неполногласием — *заглавок* ‘заглавие’ (ПОС) (в литературном языке — слова с двумя формами корня).

Значения, представленные в литературном языке в словах только с полногласной формой корня и отличающиеся устойчивым употреблением в каждом лишь одной приставки, в говорах из-

www.ruslang.ru

вестны для слов с обеими формами корня. При этом они могут включать разные префиксы.

Значение ‘состоящий в покушении на жизнь и имущество’, присутствующее в литературном языке только в словах на *уголов-* (*уголо́вный* и под.), в говорах имеется в словах с той и другой формой корня с разными приставками и в бесприставочных. С полногласием: *головни́к* ‘уголовный преступник’ (Новоржев., Порх. Пск., 1855; Арх.), *головщи́к* в том же знач. (Пск., Осташк. Твер., 1855), *головщи́на* ‘уголовное преступление’ (ПОС), *головщи́на* ‘поножевщина’ (ПОС). С приставкой *у-*: *уголо́вство* ‘уголовное дело’ (Волог., Обнорский. Вят., 1915), *уголо́вье* в том же знач. (Дон., 1929). С другими приставками: *подголо́вный* ‘уголовный’ (ПОС), *поголо́вщина* ‘драка с поножевщиной’ (ПОС), *заголо́вник* ‘уголовник’ (ПОС), *поголо́вник* в том же знач. (ПОС). С неполногласием — одно слово *гла́вщина* ‘уголовное преступление’ (ПОС).

С приставкой *у-* и корнем с полногласием есть слова в близких к этому семантическому центру значениях: *уголо́вить* ‘обокрасть’ (ПОС), *уголови́ть* ‘обидеть’ (Пск., Осташк. Твер., 1855).

В двух формах выступают корни лексем в значении ‘изголовье’. Они имеют разные приставки. С полногласием: *взголо́вье*, *взголо́ва*, *взголо́вок* — все в значении ‘изголовье’ (см. их в 4-м вып. СРНГ). В том же значении *нагло́вье* (Пск., Осташк. Твер., 1855), *подголо́вье* (ПОС), *сголо́вница* (Пск., 1919—1934). В значении ‘в изголовье’ — *в голова́шки*, *в голова́шках* (6-й вып.), *взголовья́х* (4-й вып.). С неполногласием: *возгла́вок* ‘изголовье’ (Нижегор. (?), Даль), *подгла́вье* ‘изголовье’ (Онеж. КАССР, 1933), *взглава́х* ‘в изголовье’ (Юрьев. Влад., 1910; Амур. — в песне // не полногласное?).

Как и в литературном языке, в говорах только с полногласием есть слова в значении ‘поголовный’, но они имеют приставку не *по-*, а *на-*: *наголо́вно* ‘поголовно’ (Арх., 1957), *на́голову* ‘поголовно’ (Сиб., 1968), *наголо́в* ‘поголовно’ (Курск., 1858) и др. Сюда же относятся *наголо́вный* ‘сплошь одинаковый’ (Арх., 1963—1965), *наголо́в* ‘без исключений’ (Там живут наголов пьяницы. Обоян. Курск., 1858) и под.

Только в словах с полногласием есть также значение ‘о чем-либо лучшем’, которое в современном литературном языке вышло из употребления: *голо́вка* ‘что-либо лучшее, отборное’ (Даль — без указ. места; Симб., 1888; Волж., Челяб., Тобол.), *голо́вка* ‘лучшие кедровые орехи’, ‘лучшие фрукты и овощи’, ‘лучший сорт рыбы’ и под. (см. 6-й вып.), *голо́вный* ‘самый лучший’ (Арх., 1967—1968; Енис. Енис.), *головно́е зерно* ‘лучшее зерно’ (Холм. Арх., 1907; Сев.-Двин., КАССР, Перм.) и т. д.

Рассмотренный материал показывает, что семантический круг образований гнезда *глав-/голов-* в современном литературном языке и говорах во многом идентичен. Общим является основное значение ‘верхняя часть тела’. В той и другой сферах русского языка много общих производных, хотя они часто различаются возможностью использования неполногласной и полногласной форм.

Необходимо подчеркнуть, что в говорах употребляются и наиболее отвлеченные значения гнезда. Вместе с тем в анализируемом гнезде можно увидеть специфически диалектные семантические особенности. Характерная для говоров свобода развития семантики проявляется в том, что в гнезде присутствуют диалектные слова с противоположными значениями (ʻне только верхняя, но и нижняя часть чего-либоʼ). Частая в диалектах нечеткость семантического развития значений сказывается в гнезде в том, что некоторые диалектные слова трудно отнести к какому-либо из семантических центров. См., например, кроме приведенных выше, слово с неполногласием *вы́главить* ʻоткрыть тайну, секретʼ (5-й вып.).

Чрезвычайно различаются в литературном языке и говорах морфемно-лексические условия употребления слов. Все нормативные установки такого рода, существующие в литературном языке, в говорах отсутствуют. Причина этого не только в многосистемности диалектов. Здесь играют роль и другие факторы. Неограниченность морфонологической вариантности полногласных и неполногласных форм в корне, свойственная диалектам, приводит в появлению дублетных рядов: *главизна—головизна* (полногласное совпадает с литературным), *взглавах—взголовах*, *подглавье—подголовье*. Отсутствие нормативного распределения в использовании морфем имеет следствием появление групп разных слов в одинаковых значениях (см. их выше), а также лексем, совпадающих с литературными, но в других значениях: *поголовный* ʻуголовныйʼ (в литературном языке — только в слове с *у-*), *заголовок* ʻглавная часть станаʼ (знач. ʻглавныйʼ в литературном языке — только в слове с неполногласием), *заглавный* ʻглавныйʼ (приставка *за-* в литературном языке только в слове семантического центра ʻзаглавиеʼ), *изголовье* ʻмелкое место у бережаʼ (в литературном языке приставка *из-* — только в слове семантического центра ʻизголовьеʼ).

В древнерусской письменности и старославянском языке в гнезде *глав-/голов-* имеются значения, близкие к современным. Однако состав, семантический и морфемный характер слов современного русского языка далеко не всегда совпадает с древнерусским,[5] а в части неполногласных образований и старославянским.

С ранних эпох сосуществования неполногласной и полногласной форм на русской почве в гнезде *глав-/голов-* у слов с неполногласием начинает формироваться возможность использования, независимая от системы старославянского языка и свободная от ограничения их употребления рамками жанров высокого стиля.

Исторические материалы начнем рассматривать с семантиче-

[5] В связи с недостатком места в статье приводится лишь небольшой иллюстративный материал употребления слов в древнерусских памятниках и письменности XVIII в. В работе были использованы не только существующие словари, но также работы о старославянском языке: *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. М., 1977. 336 с.; *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966. 320 с.; и др.

ских центров, которые имеют соответствие в старославянском языке. Предваряя анализ материала, заметим, что для нас важнее выяснить общие черты слов, составляющих такие группы, чем семантические и стилистические нюансы отдельной лексемы.

Основное значение гнезда ‘верхняя часть тела’, известное и в старославянском (см. *глава* ‘голова’, *безглавьнъ* ‘без головы’ и под. — Сл. ст.-сл. яз.), в древнерусской письменности представлено словами в двух формах — *глава* и *голова*, разделенных разными жанрами письменности (ср. их в Сл. Срезневского). Вместе с тем неполногласное *глава* было известно и в культурном койне раннего древнерусского языка,[6] хотя В. Л. Виноградова замечает, что «слово *глава* ощущалось в древней Руси более книжным, чем, например, град».[7] В начале XVIII в. можно увидеть примеры параллельного употребления слов *глава* и *голова* без стилистического разделения.[8] Впрочем, в письменных памятниках этого времени утеря стилистических различий была свойственна многим парам подобного рода. В древнерусской письменности некоторые другие парные образования этого семантического центра могли иметь параллельное употребление без видимого жанрово-стилистического различия. Например, *головизна* и *главизна* ‘голова большой рыбы как пища’ отмечаются параллельно в памятниках деловой письменности (см. Сл. Срезневского и Сл. РЯ XI—XVII вв.). Подобные факты показывают широту и историческую устойчивость употребления на русской почве неполногласия в гнезде *глав-/голов-* и объясняют, почему неполногласные и полногласные формы могли преобразовываться в современном русском языке в морфонологические варианты единого корня, не имеющие стилистического различия. В древнерусских памятниках их варьирование существует почти для всех семантических центров, независимо от того, связаны они со старославянским языком или нет.

Соответствующее старославянскому значение ‘главный’ (ст.-сл. *головизна* ‘суть дела, главное’, *главьнъ* ‘важный’ — Сл. ст.-сл. яз.) в древнерусских памятниках свойственно обычно также словам с неполногласием, принадлежавшим высоким сферам письменности: *главизна* ‘начало’, ‘самое главное’ (Сл. РЯ XI—XVII вв.), *глава* ‘первопричина’ (П. Отреч. XIV в.—Сл. РЯ XI—XVII вв.), *главство* ‘первенство, главенство’ (Сл. РЯ XI—XVII вв.), *главный* ‘важный, значительный’ (Сл. РЯ XI—XVII вв.). См., однако, в древнерусских памятниках также высо-

---

[6] *Кандаурова Т. Н.* О случаях параллельного употребления неполногласных и полногласных слов-вариантов в памятниках XI—XIV вв. — В кн.: Русская историческая лексикология. М., 1968, с. 140—153.

[7] *Виноградова В. Л. Глава—голова* в древнерусском языке и в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Древнерусский язык: Лексикология и лексикография. М., 1980, с. 146.

[8] *Замкова В. В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л., 1975, с. 63—64.

кого стиля полногласный дублет к последнему — *головный*: О великих государственных головных дѣлех (Козм. 1670—Сл. РЯ XI—XVII вв.). Его наличие свидетельствует о том, что варьирование неполногласных и полногласных форм в древнерусскую пору появляется даже в памятниках высокого стиля. В говорах, благодаря свободе варьирования неполногласных и полногласных форм корня, это значение, видимо старославянского происхождения, также могло получать русскую полногласную огласовку и распространяться на специфически русские реалии (*заголовок* 'главная часть стана' и под.).

Значение 'начальник, руководитель' известно нам в церковнославянских памятниках сербского извода, что говорит о потенциальной возможности его существования и в старославянском языке: *Главар племенски* (Новакович), *главизна* 'высшая должность, первое место' (Мѵченикомъ начало и главизна. Даничич). В древнерусском языке древнейшей поры оно отмечается в словах с полногласием, которые стилистически разделяются с неполногласными. *Глава* 'главный, старший по положению': Саму главу идольскаго бѣсования и низложи и сокруши (ВМЧ — Сл. РЯ XI—XVII вв.). В. Л. Виноградова замечает, что *глава* 'начальник' было книжным, но не замыкалось в сугубо церковной сфере, что впоследствии позволило ему в русском литературном языке нейтрализоваться, хотя *голова* в живом русском языке употреблялось чаще. В XVI—XVII вв. *глава* приобрело более конкретный смысл — обозначало военную и административную должность.[9] Полногласное *головный* (*головьные князи* 'старшие по положению'. Ярл. Берд. 1357 — Сл. Срезневского) соответствует неполногласному *главный* (Кн. Степ. XVI—XVII вв.—Сл. РЯ XI—XVII вв.). См. также *оглавити* 'возглавить' (Востоков), сочетание *безглавные еретики* 'не имеющие начальства' (Алексеев). В начале XVIII в. слова с полногласием и неполногласием могли выступать без стилистического разграничения. Наличие двух форм для значения 'начальник, руководитель' (но в разных лексемах) сохраняется и в современном русском языке (в литературном в настоящее время — преимущественно неполногласные).

Значения, относящиеся к семантическому центру 'изголовье', которые в современном литературном языке отсутствуют только в словах с полногласием и приставкой *из-*, известны нам в старославянских образованиях с префиксом *воз-*: *възглавьница* 'подушка', *възглавиѥ* 'в головах' (оба в Сл. ст.-сл. яз.). В древнерусских памятниках в таком значении употребляются слова с обеими формами корня, но разными приставками. Их использование разделено жанрами. С неполногласием: бесприставочное *главие* 'изголовье' (Библ. Генн. 1499 г.—Сл. РЯ XI—XVII вв.), приставочные *възглавиѥ* '*изголовье*' (Сл. Срезневского, ДРС, Сл. РЯ XI—XVII вв.), *подглавие* 'изголовье' (Г. Фирсов. 1660—ДРС) и под. С полногласием: *взголовье* 'изголовье', 'подушка' (Повезут постелю

[9] Там же, с. 155.

в саняхъ зголовьемъ к облуку. Дм. (Свад.)—ДРС), *взголовашекъ* ‘изголовье на лавке, скамье’ (Заб. Дом. быт. 1692 г.—Сл. РЯ XI—XVII вв.), *вголовиѥ* ‘подушка в изголовье’ (Сл. Срезневского), *подголовье* ‘изголовье’ (Мат. Арх. сл.—ДРС). С той и другой формой корня есть также слова, обозначающие подушки определенного назначения. Полногласное *взголовье* ‘подушка для сидения’ (РИБ 1423 г.—ДРС); с неполногласием: *изглавиѥ* ‘подушка для изображения богов’ (Востоков) и др. Различие формы их корня соответствует характеру значений. Некоторые приставки, известные в словах с такими значениями, могут употребляться в лексемах гнезда с другими значениями. С *из- изголовь* ‘мыс на нижней или верхней оконечности острова’ (в дел. пам.—Сл. РЯ XI—XVII вв.) и под., с *воз-* в словах с неполногласием: *возглавие* ‘украшение в виде нимба вокруг головы святого на иконе’ (Сл. РЯ XI—XVII вв.). В XVIII в. значение ‘изголовье’ также присутствует в словах с разными приставками и обеими формами корня. С *воз-* и неполногласием — соответствующее старославянскому слово высокого слога *возглавие* ‘изголовье’ (Кург. Письмовн., Поэма др. бардов, Ист. о Тр.), *возглавница* ‘изголовье’ (САР). С полногласием и разными приставками в памятниках других стилей: *взголовье* (Капнист, Ябеда), *зголовье* (Лекс. Волч. 1755; Зуев, Опис. остяков и самоедов). В том числе с *из- изголовье* (Сельский житель. Экономическое издание, Московский журнал).

Что касается значений, связанных с обозначением разделов литературных сочинений и под., то в старославянском языке из них нам известно только терминологическое значение ‘глава книги’ в слове *глава* (Сл. ст.-сл. яз.). В древнерусских памятниках оно известно в некоторых бесприставочных словах с неполногласием: *глава* ‘глава, раздел книги или документа’ (Остр. ев.; [10] Ипат. лет. и др.—Сл. РЯ XI—XVII вв.), *главство* ‘глава, раздел книги’ (Патерик Синайск.—Сл. РЯ XI—XVII вв.), *главизна* ‘небольшой раздел текста, подраздел главы, стих’ (Изб. Св. 1076, Тип. лет. и др.—Сл. РЯ XI—XVII вв.). В. Л. Виноградова в этом значении отмечает полногласное *голова*.[11] В современном литературном языке сохраняются только слова с неполногласием.

Кроме значений, которые имеют прямые соответствия старославянским, в гнезде *глав-/голов-* существуют также семантические центры, в одних случаях вовсе не представленные в старославянском языке, в других — встречающиеся там в отдельных словах с конкретизированными или, наоборот, более общими, отвлеченными по сравнению с русскими значениями. Соответствие русским последние находят лишь в контекстах употребления. На русской почве развилась в целый семантический комплекс, связанный общим единым семантическим ядром, группа значений с общей идеей ‘верхняя часть чего-либо’, лексически развитая в настоящее время в диалектах (см. лит. *глава церкви*). В старославянском

[10] Там же, с. 159.
[11] Там же, с. 160.

близкое значение известно нам в конкретизированном *глава* ‘капитель’ (Садник). См. также в церковнославянском языке сербского извода *главичица* ‘небольшой холмик, пригорок’ (Даничич). В древнерусских памятниках такое значение имеется в лексемах с двумя формами корня. Употребление этих форм четко не разделено жанрами. С полногласием: *голова* ‘верх чего-либо’ (Дан. иг.—Сл. Срезневского), *заголовье* ‘верхняя часть чего-либо’ (Тафты на одѣяло. . . на заголовье. Заб. мат. XVII—XVIII вв.—ДРС). С неполногласием в памятниках высоких стилей: *глава* ‘верх’ (Да створиша главы требника (олтаря) на д≃хъ углѣхъ. Исх. по сп. XIV в.—Сл. РЯ XI—XVII вв.), *главица* ‘верхушка, вершина чего-либо’ (Библ. Генн. 1499 г.—Сл. РЯ XI—XVII вв.). В памятниках, выходящих за рамки высоких жанров: *заглавокъ* ‘верхушка порога’ (На том великомъ заглавкѣ дощаникъ одержался — Сафарий. Сибирь 1675 г.—Сл. РЯ XI—XVII вв.). В современных диалектах, в отличие от литературного языка, эти значения известны, как и в древнерусских памятниках, в словах с двумя формами корня.

Значение ‘передняя часть чего-либо’ представлено в древнерусских памятниках в словах с двумя формами корня,[12] но в старославянском языке нам неизвестно.

Русскому ‘уголовный’ в старославянском языке соответствует более общее, отвлеченное нетерминированное значение ‘важный, касающийся жизни’. Ближе всего к значению ‘уголовный’ семантика старославянского сочетания *главьное мѣсто* ‘лобное место’ (Сл. ст.-сл. яз.). Ср. у Даничича: *главьнъ* ‘смертельный, касающийся жизни’. В древнерусских памятниках слово *главный* также имеет лишь опосредствованное отношение к значению ‘уголовный’. В высоких стилях письменности отмечено: Бѣдоу главьноую прѣтьрпѣти (Ефр. Крм.—Сл. Срезневского); Главноую моукоу приѧти (Муч. Пап. Мин. Чет — там же) и наиболее семантически близкое — Достоинъ есмь главныя казни (Соф. вр. — там же). Здесь есть, как и в старославянском, сочетание *главьное мѣсто* ‘лобное место’ (Ев. 1307, Юр. ев. п. 1119 г., Ев. 1409 г. — там же). В словах с полногласием значение ‘уголовный’, наоборот, вполне определенно. В отличие от современного литературного языка его имеют терминологические слова с разными приставками и бесприставочные, часто употребляющиеся в правовых памятниках: *головьникъ* ‘убийца’ (Р. Прав. Яросл., Псков. судн. гр.—Сл. Срезневского), *голова* ‘убитый’ (Р. Прав. Яросл., Мир. гр. Новг. 1199 г. и др.—Сл. Срезневского), *головьщина* ‘убийство’ (Псков. суд. гр.—Сл. Срезневского), *головьщина* ‘убийство’ (Новг. судн. грам. 1471. Запис. о Ржевск. дан. п. 1479—Сл. Срезневского), *поголовьщина* ‘убийство’ (Новг. судн. гр.—Сл. Срезневского). Отличие подобных слов от современных литературных состоит в том, что среди них нет вовсе слов с приставкой *у-* (неизвестны такие слова нам и в старославянских памятниках). Необходимо заметить, что

[12] Там же, с. 158.

даже для слов такого обособленного употреблением одной полногласной формы значения, в древнерусских памятниках могут появляться слова-аналоги с неполногласием, которые используются параллельно с полногласными. См. к указанному выше *головникъ* ‘убийца’ (Р. Прав. XIV—XVII вв.) вариант с неполногласием *главникъ* (Сл. РЯ XI—XVII вв.).

В начале XVIII в. в значении ‘уголовный’ употреблялись также слова с полногласием, но среди них есть уже и образования с *у-*: Судья губных головных дел в Уголовное дело (Вейсм. Лекс. 1731). Употребление бесприставочных образований в таком значении продолжается до конца века. См., например, *головщина* ‘уголовное преступление’: Когда случится у них какой болящий человек, а придет кто из чуждого рода, кто не спросясь войдет в тое юрту. . . и причинится тому болящему смерть. . ., то весь тот убыток за умершего требуют с того пришлого: головщиною называют тот его приход, якобы он наступил на его здоровье и от того и умер (Опис. народов, 1770 г.). Однако в официальных юридических сочинениях как термины постоянно используются слова именно с приставкой *у-*: *уголовное преступление* (ПСЗ, 1785) и под. С неполногласием в эпоху XVIII в. нам известны некоторые бесприставочные образования, которые, как и в древности, имеют к значению ‘уголовный’ лишь опосредствованное отношение: *главная казнь* (Пуфендорф, Введ. в гист. европ. н. 1718). Эти слова значительно более редки, чем полногласные. Таким образом, терминологическое значение ‘уголовный’ исконно принадлежит только русским полногласным формам. В XVIII в. складывается его устойчивая связь со словами с приставкой *у-*. Однако в течение всего века в этом значении такие образования сосуществуют с бесприставочными. Морфемное обособление от других слов гнезда они получили лишь в XIX в. Что касается единственного известного нам в современных говорах слова с неполногласием *главщина* ‘убийство’, которое не встретилось нам ни в старославянских, ни древнерусских памятниках, то, видимо, оно является, как и слово древнерусских текстов *главник* ‘убийца’, аналогическим образованием к соответствующему дублету с полногласием *головщина*, которое в древнерусском языке было правовым термином, а в настоящее время сохранилось в диалектах. Появление в говорах слова *главщина* объясняется свободой морфонологического варьирования неполногласных и полногласных форм.

Некоторые значения, имеющиеся в гнезде *глав-/голов-* в современном русском языке, в старославянских памятниках нами не обнаружены. Однако и для таких значений на русской почве известны не только полногласные, но и неполногласные формы, в том числе в диалектах. Как известно, лексика старославянских памятников в существующих словарях и работах представлена недостаточно, но поскольку нами рассматриваются все слова гнезда в целом, что обеспечивает выявление большинства из существующих в гнезде семантических центров, можно говорить с достаточной определенностью о русском происхождении многих

производных семантических линий гнезда и, следовательно, всех относящихся к ним слов, в том числе с неполногласием.

Среди наиболее близких к основному метонимических значений, неизвестных нам в старославянском языке, — семантическая линия ‘о человеке как носителе определенных качеств характера и ума’, которая представлена в современном литературном языке и говорах только в словах с полногласием. Видимо, это — специфически русское значение. Однако в древнерусских памятниках оно встречается в лексемах с двумя формами корня. Они разделены в своем употреблении жанрами письменности. *Голова*: А вы, милая голова, нарочитъ бывалъ и бѣсовъ молитвою прогонялъ (Ав. Кн. бес. 1675 г. — ДРС). *Глава*: Злая глава, лжи наполнена (ВЧМ XVI в.—Сл. РЯ XI—XVII вв.). Неполногласное *глава* в этом специфически русском значении — результат образования семантически соответственных русским полногласным неполногласных лексем в жанрах высокой письменности. Видимо, иронически оно могло употребляться и в текстах народно-разговорного языка: Кривая главо пиши право.[13] В Слов. XVIII в. отмечаются *пустая*, *тупая*, *упрямая*. . ., *умная*, *быстрая голова*, которым соответствует *не смирная глава* (Ведомости), *шумная*, *удалая глава* (Ломоносов). В начале века они, видимо, не различались стилистически.

Отсутствуют в старославянских памятниках значения ‘о человеке как единице счета’ и ‘поголовно’, представленные в современном русском языке только в словах с полногласием. В древнерусских памятниках слова, относящиеся к значению ‘о счете по головам’, включают ту и другую формы корня, обычно разделенные жанрами. См. *голова*: Десять головъ людей служныхъ и дѣловыхъ (АЮ, 1542—Сл. РЯ XI—XVII вв.); *глава*: Нищии же вземше сребреникы (милостыню), дѣляху на главы (Пролог XV в.—Сл. РЯ XI—XVII вв.). Оба эти слова употреблялись и при счете пленных: Живот и головы воиною великою пограбивъ (Псков. лет.—Сл. РЯ XI—XVII вв.). Тоже лѣта нѣмци прислаша съ поклономъ: что есмя зашли мечемъ, того ся отъступаемъ. И главами размѣнишася (Рог. лет.—Сл. РЯ XI—XVII вв.). Слова с полногласием и приставкой *по-*: *поголовиѥ*: Городъ взяли, ины высѣкли 20 тысячь поголовія мужескаго и женьскаго. Афан. Никит. (Сл. Срезневского). Оно может относиться также к животным: Коней всего поголовья осмьсотъ. Посольств. д. Мен. Гир. (Сл. Срезневского). Неполногласное в сочетании *по поглавию*: По поглавію ихъ. Чис. по сп. XIV в. (Сл. Срезневского) и *поглавьно* ‘по числу людей’: Соберите ѡт негѡ кіиждо на домашнія, гоморъ поглавнѡ по числѣ душъ вашихъ. Исх. XVI в. (Сл. Срезневского). Жанровое отличие этих слов от полногласных очевидно. Слова с неполногласием здесь — книжные аналоги к полногласным. В памятниках XVIII в. в соответствующих значениях используются

[13] *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей. — В кн.: Исследования источников по литературному языку и письменности. Л., 1953, с. 16.

только образования с полногласием и приставкой *по-* или бесприставочные. *Голова*: Считать по головам (Мур. сторн.); *поголовный — поголовная перепись* (Радищев. Зап. о податях); *поголовно — поголовно на всякого* (Вейсман. 1731). Употребление, соответствующее современному: Прислал указ. . ., чтоб выслать с Брянского и Трубчевского уездов с 9-ти дворов работника в Питербурх, а ныне они на линии работают поголовно, также земляная работа починается и по линии караул надобно (Зап. Птр. I—ДРС), т. е. 'все без исключения'. В сочетании с местоимением *все*: Деревень Михалева и Парфенки крестьяне все поголовно скудны и бедны (Докл. в Сенате 1712—ДРС).

Образованными на русской почве неполногласные лексемы могли являться и в тех семантических центрах русского происхождения, в которых полногласных форм не было вовсе. Появление здесь именно неполногласных форм объясняется семантическими причинами — книжным характером их значения. По традиции такие значения связывались с книжными неполногласными формами. Стойкая вариативность полногласных и неполногласных форм в русской письменности позволяла использовать неполногласие для значений русского происхождения, при этом как единственную форму.

В памятниках высоких жанров древнерусской письменности, а не старославянском языке обнаруживаются также наиболее древние примеры слов в значениях, приближающихся к современному значению 'оглавление'. Они далеки от современного терминологического значения. *Возглавить* 'вкратце заключить' и *возглавление* 'краткое слов содержание' (Алексеев), *оглавити* 'обозначить, рассказать вкратце' (Панд. Ант.—Сл. Срезневского), а также более близкое к современному *изглавление* (*изъоглавление*) 'озаглавливание' (ВМЧ—Сл. РЯ XI—XVII вв.). Ср. в церковнославянском языке сербского извода *оглавлєниє* 'рассказ, изложение' (Даничич), а в старославянском — *оглавление* 'сумма' (Сл. ст.-сл. яз.). В древнерусских деловых памятниках есть значения, более близкие к описываемому. *Главникъ* 'оглавление, список, перечень чего-либо' (Торг. кн. XVII в.—Сл. РЯ XI—XVII вв.). Оно имеет дублет с полногласием *головникъ* в том же значении (Кн. расх. Кир. м. 1567 и др.—Сл. РЯ XI—XVII вв.). Видимо, уже близко к терминологическому значение древнерусского слова *оглавление*: *оглавление книги* (Кн. землед. Арс. Сух., Стп. XVI—XVII вв.—ДРС); ср. в древних памятниках высокого стиля *оглавление* 'название' (Изб. 1073 г.—Сл. Срезневского). Вместе с тем слова с приставкой *о-* и корнем с неполногласием в древнерусских памятниках во многих случаях имеют значения, относящиеся к другим семантическим центрам. См. выше *оглавлять* 'возглавлять', а также *оглавъ* 'намордник', *оглавный* 'путеводительный'. Последнее имеет отдаленную семантическую связь с анализируемым семантическим центром. Слово *оглавить* могло обозначать 'сделать главное', 'изложить, рассказать' (Мы приказали дохтуру Вилису о томъ о всемъ извістить вашему вел-ву и того всего

в нашей грамоте оглавити много. Пам. дипл. снош. МГ с Англией, 1599—ДРС). Ср. старославянское *оглавити* ‘объединить’ (Сл. ст.-сл. яз.). И в XVIII в. продолжают употребляться слова с приставкой *о-* в разных значениях. *Оглавлять* ‘называть’, ‘давать название’ (Тредьяковский), ‘кратко излагать’ (Устав. о воин. Людовика XIV, 1725) и ‘утверждать’ (Паки же те, которые оглавляют, что ту лозу никакому честному и смирному употребляти не подабает. Кн. о горн. д. 1725—ДРС). *Оглавленный* ‘названный, упомянутый’ (О всех прибывших в колегиях делех, либо оглавленные (названные или просто упомянутые. — *О. П.*) надлежит число написано. Зап. Птр. I, 1718—ДРС).

Значение ‘заглавие’, также неизвестное нам в этом гнезде в старославянских памятниках, в древнерусской письменности выражается бесприставочным словом *главизна* ‘заглавие’ (Алексеев) (ср. в старославянском *главизна* ‘самое главное, суть’. Сл. ст.-сл. яз.); слово с приставкой *за-* в значении, близком к нему: *заглавие* ‘начало грамоты или документа’ (АЮБ, 1671.—Сл. РЯ XI—XVII вв.). В памятниках XVIII в. слово *заглавие* имеет значение ‘титульный лист’ и ‘начало какого-либо сочинения’ (картотека XVIII в.). *Заглавный* в памятниках XVIII в. встречается в сочетаниях *заглавный листок в книгах* и *заглавная буква*, *литера*. В таких же сочетаниях и значении оно используется и в современном литературном языке. Позднее в соответствующем значении стало употребляться и слово *заглавие*. Можно предположить, что значение ‘заглавие’, связанное своей семантикой и традицией использования с книжными сферами языка, лишь в результате морфонологического варьирования двух форм корня получает в современном литературном языке лексему с полногласием *заголовок*. Интересно, что даже в говорах в этом значении известно только слово с неполногласием (*заглавок*), возможно, обратно вариантное к литературному *заголовок*.

Появление аналогичных полногласных и неполногласных образований, естественно, не было обязательным для русского языка. Некоторые значения гнезда *глав-/голов-*, не имеющие соответствия в старославянском языке, в древнерусских памятниках и современном русском языке всегда были представлены лишь в словах с полногласием. Например, устаревшее в современном литературном языке значение ‘отборный, лучший’, примеры употребления слов с полногласием в котором из древнерусских памятников и письменности XVIII в., за неимением места, в статье приводиться не будут.

Значения гнезда, представленные в народных говорах, а в современном литературном языке неизвестные, в исторических материалах обнаруживаются далеко не всегда. В старославянском языке они соответствия обычно не находят. Видимо, эти значения, даже при наличии для них слов в неполногласной огласовке, также являются специфически русскими. Русским значением, имеющим слова с неполногласием, является диалектное ‘край чего-либо’. Оно представлено здесь в словах с обеими формами

корня и достаточно определенно соотносится с соответствующим значением слов древнерусских памятников, где они известны также в двух формах. Слово с приставкой *вы- выголовь* ‘залив’ (А. Гражд. распр. 1562—Сл. РЯ XI—XVII вв.). В отличие от говоров в древнерусской письменности с приставкой *вз-* известны слова в полногласной форме. Они употребляются в деловых памятниках. *Взголовь—верхняя взголовь, нижняя взголовь* ‘верхний (нижний) по течению конец острова’: А рубежь Рознежским водам верхней по луговой стороне верхняя възголовь Бармина острова (А. Феод. землевлад. XVII в. ∽ 1510—Сл. РЯ XI—XVII вв.). И которого острова (Гостина) от верхней взголови от песку по нижнюю взголовь по смете в длину 3 версты (Кн. п. Казани XVII в. ∽ 1568—Сл. РЯ XI—XVII вв.) (ср. диалектные неполногласные *взглав, взглавы, взглавье*).

Слова с приставкой *при-* в значении этого семантического центра имеют, наоборот, корень с неполногласием (ср. диалектное полногласное *приголовок, приголовочек* ‘край стола’): *приглавьница* ‘мозжечек, малый мозг’: Соуть ж и корени тріе ѡт коего же ѡчью в мозги градоут: велики единь, середніи, сею конець ходит до приглавници (Рум. сб. XV в.—Сл. Срезневского). Обращает на себя внимание перебой неполногласной и полногласной форм в словах рассматриваемой группы в древнерусских памятниках и диалектах, что подтверждает предположение о русском происхождении относящихся сюда неполногласных форм.

Изучение слов гнезда *глав-/голов-* дает интересный материал для понимания истории неполногласных форм в русском языке.

С одной стороны, здесь видна преемственность в использовании старославянских неполногласных форм. Она выражается в прямом совпадении со старославянскими ряда слов, бытующих на русской почве. См. в литературном языке *глава* ‘голова’, *главный* ‘важный’, *глава* ‘раздел сочинения’. Прямо соотносятся со старославянскими также некоторые семантические центры гнезда (‘главный’, ‘глава книги’). В русском языке предшествующих веков и настоящего времени они известны, как правило, только в словах с неполногласием. Иногда русским семантическим центрам в старославянском языке соответствовали лишь отдельные конкретные или, наоборот, более общие значения (‘верх чего-либо’, ‘уголовный’).

В тех случаях, когда на русской почве соединялись русские и старославянские слова одного семантического центра, в русском литературном языке возобладание могли получить как русские полногласные (‘изголовье’), так и старославянские — неполногласные (‘начальник, руководитель’). В первом случае старославянские формы в литературном русском языке позднее были утрачены.

Эти и другие лексико-семантические процессы в истории гнезда сопровождались уже на начальных этапах истории сосуществования неполногласных и полногласных форм многообразным лексико-семантическим и лексико-морфемным их варьированием,

в том числе в части собственно неполногласных лексем. Такое варьирование предшествовало нормативному закреплению лексико-семантических и морфемных отличий в употреблении неполногласных образований в современном русском литературном языке и в старославянском. Одним из следствий лексико-семантического варьирования неполногласных форм явилось употребление одной лексемы с неполногласием в значениях разных семантических центров не только в отдельных функциональных сферах древнерусской письменности, но и одной и той же. При этом ни одно значение слова могло не совпадать со старославянским, в чем наглядно отражается семантическая трансформация неполногласных форм на русской почве. Например, лексема *главизна* выражала следующие значения разных семантических центров: в древнерусских памятниках высокого стиля — 'главное' (ср. в старославянском *главизна* 'суть дела, главное'), 'заглавие', 'глава книги', 'раздел текста'. В деловой письменности имелись дублеты *главизна* и *головизна* в значении 'голова крупной рыбы как пища'. Последний сохраняется в современном русском литературном языке, а первый, возможно, в диалектах. Слово *оглавить* в древнерусских памятниках значило 'обозначать', 'вкратце рассказать, изложить', 'сделать главное', 'возглавить' (ср. ст.-сл. *оглавити* 'объединить' — Сл. ст.-сл. яз.). В памятниках XVIII в. — *оглавить* 'кратко изложить', 'назвать' и 'утвердить', из которых *оглавить* 'назвать' сохраняется в современных диалектах.

Лишь в современном односистемном литературном языке такие слова получили нормативно закрепленное однозначное употребление. Диалекты же хранят ряд «осколков» этого варьирования.

Следствием варьирования неполногласных и полногласных форм в русском языке явилось и то, что неполногласие могло появляться в дублетных словах-аналогах к полногласным в значениях, которых не было в старославянском языке. Русские неполногласные формы такого рода образовывались, в частности, в высоких жанрах древнерусской письменности и высоком слоге XVIII в., где было нежелательно употребление слов с полногласием (древнерусское слово высоких жанров *глава* 'о человеке как носителе каких-либо качеств', *глава* 'как единица счета', *поглавье* 'человек при счете' — им соответствовали русские *голова* и *поголовье*). В диалектах неполногласные образования этого рода появлялись вследствие свободного морфонологического варьирования неполногласных и полногласных форм одного корня (диал. *главщина* — аналог к соответствующему *головщина* 'убийство', которое известно в древнерусской письменности и современных диалектах; диал. *заглавок*, соответствующее литературному *заголовок* и под.).

В словах с двумя формами корня дублировались не только отдельные лексемы, но и целые семантические центры, для которых наряду с исконными восточнославянскими полногласными появлялись слова с неполногласием, по составу аффиксов не совпадающие с полногласными. См. такие собственно русские непол-

ногласные образования в значении ‘верх чего-либо’: древнерусское *заглавок* ‘верх порога’, диалектные *взглав* ‘верх высокого берега’, *взглавок* ‘быстрое течение у порога’, а также слово книжной письменности XVIII в. в семантическом центре ‘край чего-либо’ *приглавница* ‘мозжечок’.

Перечислим слова с неполногласием, известные в диалектах, которые, относясь к семантическим центрам, соответствующим старославянским, неизвестны нам, однако, не только в старославянском, но и в каких-либо сферах древнерусской письменности разных эпох, а также в современном литературном языке. Это могут быть специфически устные слова или собственно диалектные лексемы: *наглавный* ‘самый главный’, *главитель* ‘глава чего-либо’, *безглавить* ‘лишить главы, руководства’, *заглавие* ‘самое главное, важное’, *заглав* ‘первенство, преимущество’.

Следствием морфонологического варьирования неполногласных и полногласных форм могли явиться, наоборот, полногласные образования там, где исконными были одни неполногласные. Такие полногласные формы обнаруживаются даже в древнерусских памятниках высоких жанров: *головный* ‘главный’. Видимо, образованием этого же рода является современное литературное *заголовок* ‘заглавие’.

Материалы современных говоров, которым, как и лексике древнерусской поры, свойственно отсутствие лексико-морфемной упорядоченности достаточной степени, подчеркивают решающую роль литературной нормы в создании целесообразно отработанной системы употребления неполногласных и полногласных форм, существующей в современном русском литературном языке. Они подтверждают то, что такая упорядоченность возможна лишь в единой системе нормативно организованной лексики, наличием которой литературный язык настоящего времени отличается не только от говоров, но и языка древнерусской письменности, где употребление многих лексем не было совместным, а замыкалось в системах церковнославянской и русской.

Материал говоров показывает также возможность разнообразного морфемного и семантического использования форм с неполногласием в малонормированных сферах русского языка и в настоящее время. Эти корни освоены в говорах в такой степени, что употребляются здесь хотя и менее разнообразно, но столь же свободно, как и исконно русские полногласные.

А. А. ДАНИЛОВ

Лексико-морфолого-синтаксическая дифференцирующая функция словесного ударения в современном русском литературном языке и некоторых русских народных говорах

Словесное ударение в русском литературном языке и русских народных говорах может выполнять, наряду с прочими, лексико-морфолого-синтаксическую дифференцирующую функцию, если с его помощью одновременно различаются лексические и морфологические значения словоформ и их синтаксическое использование.[1]

Первая часть термина «лексико-морфолого-синтаксическая дифференцирующая функция словесного ударения», разумеется, условна. Возможно, точнее было бы говорить о его «семантико-морфолого-синтаксической дифференцирующей функции», поскольку во всех случаях, где ударение выполняет смыслоразличительную функцию в широком значении этого термина, учитываются различия в лексическом значении словоформ или иных языковых единиц, т. е. в их семантике. Однако, как известно, с некоторых пор и термины «семантика», «семантический», к сожалению, утратили однозначность,[2] поэтому мы говорим о лексической дифференцирующей функции ударения или ее комбинациях с другими функциями ударения во всех случаях, где с помощью ударения разграничиваются лексические значения языковых единиц.

Вполне естественно, что рассматриваемую дифференцирующую функцию ударение выполняет прежде всего у словоформ, принадлежащих к разным частям речи (*доро́га — дорога́*, *пи́щи* —

[1] О нашем понимании дифференцирующей функции русского словесного ударения и ее применении см., напр.: *Данилов А. А.* 1) Об особенностях словесного ударения в русских народных говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968. 22 с.; 2) Русское словесное ударение как средство дифференциации лексико-грамматических значений и стилистического использования словоформ. — В кн.: Семантика языковых единиц. Л., 1975, с. 33—36.

Ниже во всех случаях, когда речь идет только о русском и только о словесном ударении, для краткости изложения используется термин «ударение» в значении «русское словесное ударение»; точно так же, когда речь идет о русских народных говорах (территориальных, местных диалектах, местных говорах), используются термины «русские говоры», «русские диалекты».

[2] Ср., напр., словари лингвистических терминов Ж. Марузо, О. С. Ахмановой, Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой.

пищи́ и т. п.). Однако оно может выполнять данную дифференцирующую функцию и у словоформ одной и той же части речи (*коробо́к — коро́бок*, *носка́ — но́ска* и т. п.) и даже одного и того же слова (*интересы вели́ки — ботинки купил велики́* и т. п.). В настоящей статье анализируются только словоформы, принадлежащие к одной и той же части речи или к одной лексеме.[3] Диалектные материалы приводятся после литературных.

Объектом исследования послужили все факты, содержащиеся в орфоэпическом словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С .И. Ожегова (М., 1959; ниже — ОС), частично дополненные материалами, извлеченными из «Обратного словаря русского языка» (М., 1974; ниже — Обр. С) и некоторых работ по русской акцентологии. Из диалектных материалов привлекаются, главным образом, данные говора д. Дулово Белевского района Тульской области, акцентуация которого рассмотрена в ряде наших опубликованных и неопубликованных работ.

Различия в семантике словоформ устанавливаются с помощью толковых словарей и в целом являются более наглядными и конкретными, чем различия грамматические. О последних необходимо сделать некоторые пояснения.

Известно, что на различных уровнях обобщения или дифференциации в любых явлениях могут быть обнаружены разные сходные и несходные признаки. Например, неодинаковыми окажутся общие и различные признаки словоформ на уровне частей речи, с одной стороны, и на уровне грамматических категорий — с другой (*стол* и *парта* — существительные, но разного рода, *стол* и *бык* — существительные одного и того же рода, но отличающиеся категорией одушевленности и неодушевленности, и т. п.). Можно считать, что общими признаками обладают главные члены предложения в противопоставлении второстепенным, и наоборот; одноименные члены предложения — в противопоставлении разноименным, и наоборот, и т. п. Но можно считать, что отличаются синтаксически случаи типа *прислушался к тре́ску* (косвенное дополнение) — *ел треску́* (прямое дополнение), *ехал ве́рхом* (*овра́гом* — обстоятельство места)—*ехал верхо́м* (обстоятельство образа действия) и т. п.

При рассмотрении дифференцирующей функции ударения учитываются л ю б ы е различия в морфологических признаках лексем, в том числе и отсутствие каких-либо признаков у одних лексем, имеющихся у других. Так, словоформы *мука́—му́ка* отличаются не только лексически, но и морфологически: слово *мука́* не имеет форм множественного числа, которые есть у слова *му́ка*, следовательно, ударение здесь выполняет не чисто лексическую, а лексико-морфологическую дифференцирующую функцию.

---

[3] Под лексемой здесь и ниже традиционно понимается совокупность всех форм (словоформ) и лексических значений одного и того же слова.

Точно так же и при рассмотрении синтаксической дифференцирующей функции ударения (в чистом виде или в комбинации с другими функциями) учитываются л ю б ы е различия в синтаксическом использовании слогоформ, в том числе невозможность одних словоформ выполнять синтаксические функции, которые выполняют или способны выполнять другие словоформы.

Нельзя обойти молчанием известные случаи, когда синтаксические функции словоформ могут получить различную оценку. Если такую оценку могут в принципе получить синтаксические функции той и другой словоформы с разным местом ударения (реже — тех и других словоформ), полагаем целесообразным считать данные функции одинаковыми. Ударение здесь, следовательно, не выполняет синтаксической дифференцирующей функции; ср. *повесил на суку́* (на чем? где?)—*повесил на су́ку* (на кого? куда?). Но если синтаксическая роль одной из подобных словоформ может получить лишь однозначную оценку, другой (других) — неоднозначную, то такие функции считаем разными, а ударение — выполняющим синтаксическую дифференцирующую функцию; ср. *повесил на суку́* (на чем? где?)—*привязал к суку́* (к чему? куда?)—*поймал су́ку* (только кого?).[4]

Среди приводимых ниже словоформ немало и таких, которые в существующих нормативных словарях имеют неодинаковую стилистическую оценку. Ударение в подобных случаях выполняет лексико-стилистико-морфолого-синтаксическую дифференцирующую функцию. Однако по многим соображениям, о которых здесь из-за недостатка места нет возможности говорить, и данные факты включаются в настоящую статью. Отдельно рассматриваются лишь диалектные материалы, из которых нелокализованные привлекаются во всех случаях, когда хотя бы в одном из нормативных словарей современного русского литературного языка при словах или их значениях есть помета «*обл.*». В связи с последним обстоятельством заметим, что лексико-морфолого-синтаксическую дифференцирующую функцию ударение выполняет только с позиций народных говоров. С позиции же литературного языка оно выполняет лексико-стилистико-морфолого-синтаксическую дифференцирующую функцию, которая должна быть предметом специального рассмотрения. Если разные значения лексем имеют неодинаковые стилистические пометы, в том числе «*обл.*», то словоформы с последней пометой приводятся среди фактов диалектных, а словоформы с другими пометами или стилистически

---

[4] Здесь, разумеется, не место касаться одной из сложнейших лингвистических проблем разграничения членов предложения, учитывать предпочтительность отнесения в каждом конкретном случае той или иной словоформы к тому или иному члену предложения и т. д.: несмотря на обилие самых разнообразных работ, посвященных данной проблеме, она, как известно, еще очень далека от своего идеального решения.

нейтральные — среди фактов литературного языка (ср. ниже *курóк—кýрок*, *чугунóк—чугýнок* и т. п.).[5]

Полагаем нужным дать некоторые пояснения к порядку описания конкретных случаев применения лексико-морфолого-синтаксической дифференцирующей функции ударения. В принципе, при описании дифференцирующей функции ударения каждая из языковых единиц должна упоминаться столько раз, сколько раз ударение применительно к данной языковой единице выполняет дифференцирующую функцию, т. е. минимум два раза. Например, с помощью ударения дифференцируется не только лексическое значение слова *зáмок* по отношению к слову *замóк*, но и в равной степени — лексическое значение слова *замóк* по отношению к слову *зáмок*; лексико-морфологические значения словоформы *мукá* — по отношению к словоформе *мýка*, как и лексико-морфологические значения словоформы *мýка* — по отношению к словоформе *мукá* и т. п. Но такое описание привело бы к увеличению его объема минимум вдвое и, разумеется, нерационально. Принятый нами порядок описания принципиального значения не имеет. Сначала рассматриваются словоформы, принадлежащие к одной и той же части речи, затем — к одной лексеме.

Почти все словоформы, лексико-морфолого-синтаксическая дифференциация которых с помощью словесного ударения осуществляется в пределах одной и той же части речи, относятся к именам существительным. Рассмотрение конкретного материала начинается с именительного падежа единственного числа существительных мужского рода, потом рассматриваются словоформы женского рода 1-го склонения, общего рода, женского рода 3-го склонения, среднего рода, pluralia tantum.

Самую многочисленную группу имен существительных составляют существительные мужского рода с суффиксами *-ок-*, *-эк-* (*-к-*) (из *—ък-*, *-ьк-*), падежные формы которых дифференцируются с помощью ударения с соответствующими падежными формами имен существительных женского рода 1-го склонения с суффиксом *-к-* (из *-ък-*, *-ьк-*).[6] Приводимый далее перечень словоформ исчерпывающим считать никак нельзя, потому что многие имена существительные мужского рода с суффиксами субъективной оценки *-ок-*, *-эк-* (*-к-*) в существующих словарях, как известно, не помещаются, что не позволяет безошибочно разграничить реальные и потенциальные слова с данными суффиксами. То же касается ряда существительных женского рода с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-к-*. В отношении существительных

---

[5] По техническим причинам при подаче диалектного материала пользуемся упрощенной транскрипцией. Нелокализованные диалектные факты даются в орфографической записи. Омонимы, имеющие одинаковые схемы ударения, в расчет не принимаются, т. е. приводятся один раз: *полóк — пóлок*, *полкá — пóлка* и т. п.

[6] У некоторых слов, переживших процесс опрощения, указанные суффиксы выделяются лишь с точки зрения диахронии.

женского рода с суффиксом *-к-*, кроме того, нередко трудно с достоверностью установить, имеют ли они или не имеют формы множественного числа.

а) Именительный—винительный падежи единственного числа существительных мужского рода—родительный падеж множественного числа существительных женского рода:

барóк—бáрок, басóк—бáсок, бачóк—бóчек, беднячóк—беднячек, белóк—бéлок, белóчек—бéлочек, бобóк—бáбок, борóк—бáрок, босячóк—босячек, бочóк—бóчек, валёк—Вáлек, Валёк—Вáлек, валóк—вáлок, вахлачóк—вахлáчек, венóк—вéнок, ввнóчек—вéночек, весóк—вéсок, внучóк—внýчек, возóк—вóзок, воронóк—воронок, вязóк—вязок, глотóк—глóток, глотóчек—глóточек, голубóк—голýбок, голубóчек—голýбочек, гонóк—гóнок, движóк—двúжек, дудóчек—дýдочек, дурачóк—дýрочек, душóк—дýшек, душóк—Дýшек (производное от *Евдокúя*), *дымóк—дымок, ездóк—éздок, жучóк—жýчек, запашóк—запáшек, замлячóк—землячек, змеёк—змéек, казачóк—казáчек, катóк—кáток, квасóк—квáсок, колонóк—колóнок, коробóк—корóбок, коробóчек—корóбочек, кругляшóк—кругляшек, кружóк—крýжек, кружóчек—крýжечек, кулачóк—кулáчек, курóк—кýрок,* (действие по глаголу *курúть*), *лачóк—лáчек, ленóк—Лéнок, лесóк—лéсок, летóк—лёток, линёк—лúнек, ложóк—лóжек, ломóк—лóмок, маклачóк—маклáчек, малышóк—малышек, милóк—мúлок, милóчек—мúлочек, морячóк—морячек, мужичóк—мужúчек, низóк—нúзок, низóчек—нúзочек, носóк—нóсок, острячóк—острячек, остячóк—остячек, пáводок—повáдок, паёк—пáек, пáрубок—порýбок, пастушóк—пастýшек, пермячóк—пермячек, пирожóк—пирóжек, пирожóчек—пирóжечек, поводóк—повáдок, полóк—пáлок, полóк—пóлок, потóк—пáток, прúработок—приработóк, простачóк—простáчек, пучóк—пýчек, пушóк—пýшек, пятóк—пяток, раёк—Рáек, роёк—Рáек, резачóк—резáчек, русачóк—русáчек, рыбачóк—рыбáчек, садóк—сáдок, садóчек—сáдочек, саёк—сáек, середнячóк—середнячек, сибирячóк—сибирячек, силóк—сúлок, скачóк—скáчек, скорнячóк—скорнячек, смычóк—смычек, совóк—сóвок, совóчек—сóвочек, соплячóк—соплячек, сорочóк—сорóчек, сосóк—сóсок, сосóчек—сóсочек, стежóк—стёжек, стежóчек—стёжечек, степнячóк—степнячек, сторожóк—сторóжек, стрелóк—стрéлок, стрелóчек—стрéлочек, стрижóк—стрúжек, строчóк—строчек, стружóк—стружек, сучóк—сýчек, таганóк—тагáнок, телóк—тёлок, телóчек—тёлочек, толстячóк—толстячек, точóк—тáчек, трепачóк—трепáчек, утóк—ýток, утóчек—ýточек, утюжóк—утюжек, хитрячóк—хитрячек, ходóк—хóдок, холостячóк—холостячек, чаёк—чáек, чарóк—чáрок, четвертóк—четвёрток, чугунóк—чугýнок* (от *чугýнка* «железная дорога»), *чудачóк—чудáчек, ярóк—ярок*; в русских говорах — *бачóк—бáчек, битóк—бúток, битóчек—бúточек, боёк—бáек, бочóк—бáчек, вилóк—вúлок, вилóчек—вúлочек, голичóк—голúчек, дружóк—дрýжек, дружóчек—дрýжечек, казанóк—казáнок, клочóк—клóчек, кубанóк* (уменьшительно-ласкательное от *кубáн* «кувшин»)—*кубáнок, курóк—кýрок* (куриц), *мелóк—мялок, порошóк—порóшек, скребóк—скрябок, ставóк—стáвок, ставóчек—стáвочек, тычóк—*

ты́чек (тычин), *хряпо́к—хря́пок* (кочерыжек), *чугуно́к—чугу́нок* (от *чугу́нка* «чугун»).

б) Родительный падеж единственного числа почти всех тех же существительных мужского рода—именительный падеж единственного числа тех же и некоторых других существительных женского рода:[7]

барка́—ба́рка, баска́—ба́ска, бачка́—бо́чка и т. д., а также *дедка́—де́тка, дубка́—ду́бка, душка́—ду́жка, жарка́—жа́рка, клейка́—кле́йка, лотка́—ло́дка, мазка́—ма́зка, мазка́—ма́ска, манка́—ма́нка, медка́—ме́тка, молотка́—моло́дка, мотка́—мо́тка, парка́—па́рка*; в русских говорах — *бачка́—ба́чка* и т. д., а также *стариччка́—стари́чка* («вешняя овечья шерсть»), *стоячка́—стоя́чка* (стоячее положение).

в) Дательный, творительный падежи единственного числа, именительный—винительный падежи множественного числа почти всех тех же существительных мужского рода и соответственно — винительный падеж единственного числа, дательный падеж множественного числа, родительный падеж единственного числа почти всех тех же существительных женского рода, что и в предыдущем разделе:[8]

барку́, баркóм, барки́—ба́рку, ба́ркам, ба́рки; баску́, баскóм, баски́—ба́ску, ба́скам, ба́ски; беднячку́, беднячкóм, беднячки́—беднячку, беднячкам, беднячки и т. д.; *бачку́, бачкóм, бачки́—ба́чку, ба́чкам, ба́чки* и т. д.

г) Родительный и предложный падежи единственного числа с окончанием *-у* некоторых приводившихся выше существительных мужского рода—винительный падеж единственного числа соответствующих существительных женского рода:

кваску́—ква́ску, клейку́—кле́йку, лачку́—ла́чку, ленку́—Ле́нку, леску́—ле́ску, медку́—ме́тку, парку́—па́рку, пушку́—пу́шку, чайку́—ча́йку; в русских говорах — *мелку́—мя́лку, порошку́—порóшку*.

Сходно осуществляется с помощью ударения лексико-морфолого-синтаксическая дифференциация словоформ имен существительных иных морфологических структур. Именительный—винительный, родительный, дательный, творительный падежи един-

---

[7] Исключение составляют существительные мужского рода *ездóк* и *ходóк* без беглых *о* (*ездока́, ходока́* и т. д.), дифференциация которых с существительными женского рода *е́здка, хóдка*, имеющими беглые *о*, осуществляется только в указанных случаях: *ездóк—е́здок, ходóк—хóдок*.

[8] Исключение здесь и в других группах, рассматриваемых ниже, составляют формы творительного падежа единственного числа существительных мужского рода и дательного падежа множественного числа существительных женского рода с неодинаковым звуковым составом, который не станет одинаковым хотя бы при одном искусственном взаимоперемещении ударения потому, что гласные звуки, на которые падает фактическое или искусственно перемещенное ударение, различны, а также формы с односложными основами, несущие ударение на основе в обеих сопоставляемых словоформах, из-за омонимичности последних: *бачкóм—бóчкам, бобкóм—бóбкам, поводкóм—повóдкам* и т. п., но *пóводком—повóдкам* и т. п. в литературном языке; *бойкóм—бóйкам, бочкóм—бóчкам, мелкóм—мя́лкам, скребкóм—скря́бкам* — в русских говорах. Ср. *бачкóм—бóчкам*. При перемещении

ственного числа, именительный—винительный падежи множественного числа с флексиями *-и*, *-ы*[9] существительных мужского рода и соответственно — родительный падеж множественного числа, именительный, винительный падежи единственного числа, дательный падеж множественного числа, родительный падеж единственного числа существительных женского рода 1-го склонения:

ва́рвар, ва́рвара, ва́рвару, ва́рваром, ва́рвары—Варва́р, Варва́ра, Варва́ру, Варва́рам, Варва́ры; вро́н, вро́на, вро́ну, вро́ном, вро́ны—ворО́н, ворО́на, ворО́ну, ворО́нам, ворО́ны; гво́здик, гво́здика, гво́здику, гво́здиком, гво́здики—гвозди́к, гвозди́ка, гвозди́ку, гвозди́кам, гвозди́ки; Макси́м, Макси́ма, Макси́му, Макси́мом, Макси́мы—ма́ксим, ма́ксима, ма́ксиму, ма́ксимам, ма́ксимы; о́круг, о́круга, о́кругу, о́кругом—окру́г, окру́га, окру́гу, окру́гам; ро́бот, ро́бота, ро́боту, ро́ботом, ро́боты—рабо́т, рабо́та, рабо́ту, рабо́там, рабо́ты; са́ван, са́вана, са́вану, са́ваном, са́ваны—сава́нн, сава́нна, сава́нну, сава́ннам, сава́нны; в говоре д. Дулово — *ко́лышак, ко́лышка, ко́лышку, ко́лышки—кальшак* (пазух), *кальшка, кальшку, кальшки.*

Более многочисленную группу составляют имена существительные мужского рода и женского рода 1-го склонения (реже — общего рода), у которых с помощью ударения дифференцируются формы родительного, дательного, творительного падежей единственного числа и именительного—винительного падежей множественного числа с окончаниями *-и*, *-ы* существительных мужского рода и соответственно — формы именительного, винительного падежей единственного числа, дательного падежа множественного числа, родительного падежа единственного числа существительных женского (реже общего) рода при наличии неомонимичных указанных соотносительных форм:

барО́на, барО́ну, барО́ном, барО́ны—борона́, бо́рону, борона́м, бороны́;[10] *ба́рда, ба́рду, ба́рдом, ба́рды—барда́, барду́, барда́м, барды́; боба́, бобу́, бобы́—ба́ба, ба́бу, ба́бы; бу́ра, бу́ру, бу́ром,*

ударения имели бы: *ба́чкъм—бо́чкъм, бачкО́м—бачка́м* и т. п., но *па́въткъм—па́въткъм* и т. п. См. ниже также *полкО́м—пО́лкам, зме́ем—зме́ям, ту́ром—ту́рам* и т. п.

[9] В связи с распространением у существительных мужского рода в именительном падеже множественного числа ударяемой флексии *-а́* уменьшается число случаев дифференциации с помощью ударения форм именительного падежа множественного числа существительных мужского рода и форм родительного падежа единственного числа существительных женского рода, ср. более ранние *бо́круги—окру́ги* и т. п.

Дифференциация указанных форм возможна при безударности окончаний *-и*, *-ы* у существительных мужского рода и ударяемости окончаний *-и*, *-ы* у существительных женского рода и наоборот; ср. ниже: *барО́ны—бороны́* и т. п., но *пироги́—пирО́ги* и т. п., но *поли́—полы́* и т. п. омонимичны. Исключение составляют формы множественного числа существительного *чёрт*, основа которого в этих формах оканчивается на мягкий согласный, в отличие от основы существительного *черта́*, оканчивающейся во всех падежах, кроме дательного—предложного единственного числа, на твердый согласный.

[10] То же и при диалектном ударении *борону́*.

бу́ры—бура́, бору́, бура́м, буры́; гра́фа, гра́фу, гра́фом, гра́фы—графа́, графу́, графа́м, графы́; ду́ша, ду́ши—душа́, души́; жа́ра, жа́ру—жара́, жару́; зме́я, зме́ю, зме́и—змея́, змею́, змеи́; зми́я, зми́ю, зми́и—змея́, змею́, змеи́; калы́ма, калы́му—Колыма́, Колыму́; ко́рма, ко́рму, ко́рмом—корма́, корму́, корма́м; кру́па, кру́пу, кру́пы—крупа́, крупу́, крупы́; ку́ма, ку́му—кума́, куму́; ла́за, ла́зу, ла́зы—лоза́, лозу́, лозы́; ле́са, ле́су—леса́, лесу́; ли́тия, ли́тию, ли́тием, ли́тии—лития́, литию́, лития́м, литии́; лу́ка, лу́ку—лука́, луку́; остро́га, остро́гу, остро́гом, остро́ги—острога́, остроги́, острога́м, остроги́; па́ра, па́ру, па́ром—пора́, пору́, пора́м; пирога́, пирогу́, пирого́м, пироги́—пиро́га, пиро́гу, пиро́гам, пиро́ги; по́ла, по́лу (настил)*—пола́, полу́; по́ла, по́лу, по́лы* (разряд живых существ)*—пола́, полу́, полы́; поста́, посту́, посты́—па́ста, па́сту, па́сты; прима́та, прима́ту, прима́ты—прямота́, прямоту́, прямоты́; сука́, суку́, суко́м, суки́—су́ка, су́ку, су́кам, су́ки; тре́ска, тре́ску, тре́ском, тре́ски—треска́, треску́, трескам, трески́; тре́ста, тре́сту, тре́сты—треста́, тресту́, тресты́; ту́ра, ту́ру, ту́ры—тура́, туру́, туры́; че́ка, че́ку, че́ком, че́ки—чека́, чеку́, чека́м, чеки́; чёрта, чёрту, чёртом—черта́, черту́, черта́м; чёта, чёту, чётом, чёты — чета́, чету́, четам, четы́; чу́ма, чу́му, чу́мы—чума́, чуму́, чумы́;* в русских говорах — *базы́—ба́зы; ду́ша, ду́шу, ду́ши—душа́, душу́, души́; канюка́, канюку́, канюко́м, канюки́—каню́ка, каню́ку, каню́кам, каню́ки* (общего рода, тот, кто канючит); *старика́, старику́, старики́—стари́ка, стари́ку, стари́ки* («вешняя овечья шерсть»).[11]

У некоторых из приведенных выше имен существительных мужского рода, имеющих в родительном и предложном падежах единственного числа флексию *-у*, данные падежные формы (обе или только одна) наряду с формами дательного падежа единственного числа дифференцируются с помощью ударения с фор-

---

[11] У большинства рассмотренных выше словоформ мужского и женского рода с помощью ударения дифференцируется и ряд других одноименных падежных форм с омонимичными флексиями, но в подобных случаях ударение выполняет лишь лексико-морфологическую либо лексико-стилистико-морфологическую дифференцирующую функцию (последнюю там, где словоформы с суффиксами субъективной оценки имеют неодинаковую стилистическую характеристику: (о) *белке́—(о) бе́лке, белки́—бе́лки, белка́м—бе́лкам, белка́ми—бе́лками,* (о) *белка́х—*(о) *бе́лках* и т. п.; (о) *ва́рваре—*(о) *Варва́ре, ва́рвары—Варва́ры, ва́рварам—Варва́рам, ва́рварами—Варва́рами,* (о) *ва́рварах—*(о) *Варва́рах* и т. п.; (о) *барбне—*(о) *бороне́, барбны—бороны́, барбнам—борона́м, барбнами—борона́ми,* (о) *барбнах—*(о) *борона́х,* (о) *бобе́—*(о) *ба́бе, бобы́—ба́бы, боба́м—ба́бам, боба́ми—ба́бами,* (о) *боба́х—*(о) *ба́бах* и т. п. Таким образом, у таких существительных с помощью ударения дифференцируются различные значения и функции всех словоформ, кроме словоформ творительного падежа единственного числа и родительного падежа множественного числа, имеющих разные окончания у всех существительных мужского и женского рода, а у существительных с односложными основами с ударением на основе в сопоставляемых формах единственного и множественного числа — и остальных падежных форм множественного числа, которые оказываются омонимичными: *змее́м—змея́м, зме́и—зме́и, змея́м—зме́ям, зме́ями—змея́ми,* (о) *зме́ях—*(о) *змея́х, кру́пом—кру́пам, кру́пы—кру́пы, кру́пам—кру́пам, кру́пами—кру́пами,* (о) *кру́пах—*(о) *кру́пах* и т. п.

мами винительного падежа единственного числа существительных женского рода 1-го склонения:

жа́ру—жару́, ко́рму—кормý, ле́су—лесу́, лу́ку—луку́, в пару́—в па́ру, на пару́—на па́ру, в пару́—в по́ру, на пару́—на по́ру, по́лу—полу́; в русских говорах: *на базу́—на ба́зу, ду́шу—душу́, па́ру—пору́.*

Формы именительного падежа единственного числа существительных мужского рода *баро́к* и *еле́й* различаются ударением с формами родительного падежа множественного числа существительных женского рода *ба́рка* и *е́ль*: *баро́к—ба́рок, еле́й—е́лей.*

Формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода *лад* 'образец, способ' и *лад* (в музыке) дифференцируются ударением с формой родительного падежа единственного числа существительного женского рода *ла́да*: *лады́—ла́ды.*

Формы именительного падежа единственного числа существительных мужского рода с суффиксом *-эц* (из *-ьц*) различаются ударением с формами родительного падежа множественного числа существительных среднего рода с суффиксом *-ц* (из *-ьц*): *деле́ц—де́лец, доне́ц—до́нец, пои́лец—по́илец, теле́ц—те́лец*, а формы родительного падежа единственного числа тех же существительных мужского рода — с формами именительного падежа тех же существительных среднего рода: *дельца́—де́льце, донца́—до́нце, пои́льца—по́ильце, тельца́—те́льце.*

Осуществляется дифференциация ударением форм именительного—винительного падежей множественного числа и предложного падежа единственного числа существительного *век* и родительного и дательного падежей существительного *ве́ко*: *века́—ве́ка*, (*на*) *веку́—ве́ку*; в русских говорах, в которых *ве́ко* употребляется как существительное женского рода, вместо дательного падежа единственного числа дифференцируется форма винительного падежа единственного числа, если ударение в нем падает на основу: *на веку́—на ве́ку*, а при ударяемости окончаний в формах единственного числа (ср. в говоре д. Дулово: *вяка́, вики́, вике́, вяку́, вяко́й*, (*а*) *вике́*) дифференцируются формы родительного падежа существительного *век* и именительный падеж единственного числа существительного *ве́ко*: *ве́ка—вяка́.*

Форма дательного падежа единственного числа существительного *па́спорт* ударением различается с формой неизменяемого существительного среднего рода *паспарту́*: *па́спорту—паспарту́.*

Формы именительного, родительного, творительного падежей единственного числа существительного мужского рода *во́рот* дифференцируются ударением соответственно с формами родительного, именительного—винительного, дательного падежей множественного числа существительного pluralia tantum *воро́та*: *во́рот—воро́т, во́рота—воро́та* (разг. *воротá*), *во́ротом—воро́там* (разг. *воротáм*), а форма именительного—винительного падежей множественного числа существительного мужского рода *судо́к* —

с формой именительного—винительного падежей множественного числа существительного pluralia tantum *сýтки*: *судки́—сýтки*.

Формы именительного—винительного падежей единственного числа существительных женского рода *рýна*, *уха́* дифференцируются ударением с формами именительного, родительного и дательного падежей единственного числа существительных среднего рода *руно́*, *ýхо*: *рýна—руно́*, *уха́—ýхо*, *рýна—руна́*, *уха́—ýха*, *рýну—руну́*, *уху́—ýху*. В русских говорах, в которых существительное *ýхо* употребляется как существительное женского рода и без чередований *х—ш* в формах множественного числа, дифференцируются также формы родительного падежа единственного числа существительного *уха́* и именительного—винительного падежей существительного *ýхо*: *ухи́—ýхи*.

Формы именительного—винительного падежей единственного числа существительного женского рода *железа́* различаются ударением соответственно с формами родительного, дательного падежей единственного числа существительного среднего рода *желе́зо*: *железа́—же́леза*, *железу́—желе́зу*, а форма дательного падежа единственного числа существительного женского рода *тýша* — с формой неизменяемого существительного среднего рода *тушé*: *тýше—тушé*.

Форма родительного падежа единственного числа существительного среднего рода *ле́то* дифференцируется ударением с формой именительного—винительного падежей множественного числа существительного pluralia tantum *лета́*: *ле́та—лета́*.

В русских говорах именительный—винительный падежи существительного pluralia tantum *Соловки́* дифференцируются ударением с формой родительного падежа существительного женского рода *соло́вка* (самки соловья): *Соловки́—соло́вки*.

Наблюдаются редкие случаи лексико-морфолого-синтаксической дифференциации словоформ имен существительных, принадлежащих к одному и тому же (женскому) роду, но к разным типам склонения, а также к одному и тому же роду и к одному и тому же типу склонения.

В пределах имен существительных женского рода разных типов склонения с помощью ударения дифференцируются формы родительного падежа множественного числа существительных 1-го склонения и формы именительного—винительного падежей единственного числа существительных 3-го склонения с нулевыми окончаниями. Таковы: *ка́пель—капе́ль*, *пусты́нь—пу́стынь*.

В рамках имен существительных мужского рода дифференцируются ударением: а) формы родительного, дательного падежей единственного числа существительных *бак*, *мех* (кузнечный и т. п.) и соответственно формы именительного—винительного падежей множественного числа, предложного падежа единственного числа существительных *бок*, *мех* ‘волосяной покров’: *ба́ка—бока́*, *ба́ку—на) боку́*, *ме́ха—меха́*, *ме́ху—(на) меху́*; б) формы именительного и винительного падежей единственного числа существительного *ве́нец* и соответственно — винительного и родительного падежей

единственного числа существительного *венéц*; ср.: *стоит вéнец—вижу венéц, вижу вéнца* (прямое дополнение)—*нет венцá* (косвенное дополнение); в) форма родительного падежа единственного числа существительного *госпóдь* и именительного падежа множественного числа существительного *господúн*: *гóспода—господá*.

В пределах имен существительных женского рода различаются ударением формы родительного падежа единственного числа существительных *икрá* (рыбья и т. п.), *порá* и формы именительного—винительного падежей множественного числа существительных *икрá* 'мышца ноги', *пóра*: *икры́—úкры, поры́—пóры*.

Среди имен существительных среднего рода ударение дифференцирует форму именительного падежа единственного числа существительного *вёдро* и родительного падежа единственного числа существительного *ведрó*: *вёдро—ведрá*.

Нами отмечен лишь один случай лексико-морфолого-синтаксической дифференциации с помощью ударения имен прилагательных. Это качественное прилагательное *стрáстный, -ая, -ое, -ые*, имеющее краткие формы, функционирующие в роли сказуемого, и относительное прилагательное *страстнóй, -áя, -óе, -ы́е* 'предпасхальный', лишенное кратких форм.

Лексико-морфолого-синтаксическая дифференциация словоформ, принадлежащих к одной лексеме, осуществляется довольно редко, и случаи такой дифференциации могут быть иногда интерпретированы неоднозначно как в плане оценки лексических значений подобных словоформ, так и особенно в плане отнесения данных словоформ к одной лексеме или к разным. Здесь имеются в виду известные случаи образования форм множественного числа от абстрактных существительных, приобретающих конкретные значения, и от вещественных существительных для обозначения сортов данного вещества.

Прежде всего возникает вопрос: всегда ли различны или одинаковы лексические значения форм единственного и множественного числа в рассматриваемых случаях или же в одних случаях они различны, а в других одинаковы?

Применительно к формам множественного числа, соотносимым с формами единственного числа абстрактных существительных (*бег—бегá, высотá—высóты, красотá—красóты* и т. п.), в практике русской лексикографии вопрос единообразно решается в пользу признания лексических значений форм единственного и множественного числа разными, а применительно к формам множественного числа имен существительных, обозначающих сорта (виды) различных веществ, как правило, — одинаковыми с лексическими значениями словоформ единственного числа, обозначающими те же вещества, хотя оценка сферы употребления форм множественного числа, образуемых для обозначения сортов (видов) веществ, в разных словарях нередко неодинакова (ср., например, словарные статьи *винó, мáсло, табáк* в ТСУ, СО, МАС). Однако во всех современных толковых словарях у вещественных имен существительных можно обнаружить такие лексические

значения, расцениваемые как самостоятельные, отличные от основного, которые если и отличаются от случаев обозначения сортов (видов) веществ, то весьма несущественно; ср. *вино́*, *сухое вино́*, *сухи́е ви́на*, с одной стороны, и *вода́*, *минера́льная вода́*, *минера́льные во́ды* — с другой. Но в первом случае *вино́—ви́на* рассматриваются как одно значение, а во втором *вода́—во́ды* — как два, хотя *вино́*, какого бы оно сорта ни было, и есть *вино́*, а *вода́*, какого бы вида она ни была (газированная, минеральная и т. п.), и есть *вода́*. Возможно, для облегчения составления толковых словарей значения форм множественного числа существительных, называющих сорта (виды) веществ, также следует считать разными лексическими значениями в сопоставлении с лексическими значениями словоформ единственного числа, обозначающими те же вещества, тем более что тенденцию к лексическому обособлению и дифференциации форм единственного и форм множественного числа, образуемых у существительных, относимых по законам русского языка к singularia tantum, в целом можно считать общей и для абстрактных, и для вещественных имен существительных.

Не указывая всех значений, даваемых в толковых словарях, ниже мы все значения словоформ множественного числа, соотнесенных с формами единственного числа абстрактных и вещественных существительных, причисляемых обычно к singularia tantum, рассматриваем как разные лексические значения и считаем, что ударение во всех подобных случаях выполняет лексическую дифференцирующую функцию.

Вопрос об отнесении любых словоформ к одной и той же лексеме или разным еще более сложен, чем вопрос о тождестве—нетождестве лексических значений словоформ, так как представляет не что иное, как проблему разграничения полисемии и омонимии, шире — проблему тождества слова, которая, как известно, относится к числу одной из вечных проблем общего и частного языкознания. Не вдаваясь в детали, заметим, что ниже все значения словоформ множественного числа, соотносимых со словоформами единственного числа существительных абстрактных и вещественных, относятся к одной и той же лексеме.[12] В других случаях анализируемые словоформы относим к одной и той же лексеме, руководствуясь одинаковыми в этом отношении показаниями ТСУ, СО и МАС, хотя в некоторых случаях можно было бы и не согласиться с объединением в этих словарях некоторых лексических значений словоформ в одной словарной статье (ср. *ко́жаный по́яс* и *тари́фный по́яс* и т. п.).

Лексико-морфолого-синтаксическую дифференцирующую функцию в рамках одной лексемы наше ударение выполняет при разграничении форм родительного падежа единственного числа и име-

[12] Ср., однако, выделение в СО *бегá*, *-ов* в отдельную словарную статью и рассмотрение всех словоформ множественного числа в ТСУ и МАС в одной словарной статье *бег*.

нительного падежа множественного числа некоторых существительных мужского, женского (1-го склонения) и среднего рода. В мужском роде так дифференцируются: *бе́га—бега́*, *ла́геря—лагеря́*, *ме́ха—меха́*, *по́яса—пояса́*; в женском роде: *высоты́—высо́ты*, *глубины́—глуби́ны*, *красоты́—краса́ты*, *пустоты́—пусто́ты*; в среднем роде: *вина́—ви́на*, *ма́сла—масла́*, *мя́са—мяса́*, *про́са—проса́*, *се́на—сена́*.

В приведенных в начале статьи примерах *интересы вели́ки—ботинки купил велики́* краткие формы прилагательных лексически отличаются тем, что последняя обозначает бо́льшую, чем следовало (излишнюю, чрезмерную), степень качества, морфологически — тем, что она не имеет соотносительной полной формы, синтаксически — тем, что выступает в роли определения.

В некоторых русских говорах краткие формы имен прилагательных могут иметь своеобразные элятивные значения (значения безотносительно большой или максимальной степени качества) и употребляться в таких случаях, как правило, с наконечным ударением, используемым для дифференциации различных словоформ, в том числе и для их лексико-морфолого-синтаксической дифференциации. Однако рассмотрение подобных случаев — предмет особого разговора.[13]

---

[13] См. тезисы наших докладов: Особенности ударения кратких форм прилагательных русских народных говоров (Программа и тезисы докладов к VII научно-методической конференции Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Л., 1965, с. 92—93); Об ударении наречий в русских народных говорах (Программа и тезисы докладов к VIII научно-методической конференции Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Л., 1966, с. 119—122).

И. А. ПОПОВ

К вопросу о семантическом развитии наречий в русских народных говорах

В русской диалектологии большое внимание уделяется изучению изменений в словарном составе говоров в советскую эпоху (Ф. П. Филин, Н. М. Каринский, Л. И. Баранникова, В. В. Палагина, О. И. Блинова, В. Е. Гольдин, Л. И. Горева, В. В. Симонов и др.). При этом в центре внимания оказывается прежде всего тот круг лексики, который непосредственно связан с изменениями в экономической и общественной жизни, т. е. с выходом из употребления определенных реалий, понятий и появлением новых.

Изменения в области наречий как слов абстрактной категории связаны опосредовано с изменениями в окружающей жизни, они связаны «с изменением речевого сознания носителей говора, с появлением сознательного стремления к замене привычных диалектных слов новыми, прежде всего литературными».[1] Этот процесс особенно активно протекает в нашу эпоху, однако изменения в диалектной лексике происходили всегда, хотя и не столь интенсивно. Н. М. Каринский, например, по этому поводу писал: «Изучение языкового процесса в деревне Ванилово приводит нас к выводу о чрезвычайной интенсивности этого процесса в сравнении с тем, как шло изменение того же говора до революции. Наблюдения над изменениями языка до революции показывали, что язык взрослых мало изменяется, что изменения языка происходят почти исключительно со сменой генераций».[2] Исследователи и собиратели диалектной лексики в прошлом отмечали эти изменения и в области наречий. Например, в Материалах «Русского архива» за 1866 г. о наречии *голымя* (Елецк. Орл.) говорится: «Теперь много старых слов молодежь не понимает, например, вместо „давно ли было“ — говорили „голымя было“».[3]

Актуальная задача изучения истории диалектных наречий в широких хронологических рамках, в особенности на протяжении XIX—XX столетий — времени активного противостояния и вза-

[1] *Баранникова Л. И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967, с. 83.

[2] *Каринский Н. М.* Из наблюдений над языком современной деревни. — Литературный критик, 1935, № 5, с. 167.

[3] СРНГ. Л., 1970, вып. 6, с. 322.

имодействия литературного языка и говоров, встречается с серьезными объективными трудностями, обусловленными недостаточной обеспеченностью собранными материалами разных хронологических срезов. При всем обилии материалов по наречиям, собранных в прошлом, они характеризуются случайностью записи во времени и в пространстве, представляют собой сумму разрозненных фактов. Исключение составляют сведения о некоторых группах наречий, собранных при работе над картой МДК, в последние десятилетия — над Диалектологическим атласом русского языка и Общеславянским лингвистическим атласом. Эти сведения пополнились в последнее время материалами современных областных словарей и отдельных статей и диссертационных исследований (В. В. Симонов, А. П. Шварц, В. П. Санжарова и др.).

Исторические изменения в категории наречий отражают картину вечной динамики языка и общие процессы изменений в лексике русских говоров в разные периоды их истории. Результатом этих процессов явились уход многих наречий из употребления, изменения в семантике наречий (семантическая эволюция слова), появление новых слов. Все эти изменения, происходившие и происходящие в обширном море русских диалектических наречий, в деталях еще мало изучены, в особенности семантические изменения, поскольку даже собирание сведений об этих глубинных процессах представляет значительные трудности из-за многих пробелов в материалах. Тем не менее современные данные (новые областные, исторические словари, картотеки) дают возможность рассмотреть некоторые аспекты этой проблемы. Вопрос о семантическом развитии некоторых наречий, об изменениях их семантики в разные периоды истории русского языка и составляет содержание данной статьи.

Отправным материалом для исследования послужили сведения из некоторых региональных словарей: Словаря современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области), отражающего наиболее полно, хотя и не исчерпывающе лексику одного говора; Псковского областного словаря (вып. 1—4), Словаря смоленских говоров (вып. 1—2), Архангельского областного словаря (вып. 1), в каждом из которых представлена лексика генетически близких говоров. Привлекается также ряд других источников — Словарь русских народных говоров, Словарь современного русского литературного языка, исторические, этимологические словари.

Исторические изменения в области семантики наречий привели к двум взаимосвязанным, но противоположным результатам — утрате у наречий одних значений и появлению других. При этом одни из этих изменений происходили давно, они прослеживаются по памятникам письменности, другие — в более близкое к нам время — в XIX—XX вв., когда особенно усилилось влияние общерусской литературной нормы и неизменно нарастало, особенно в последние десятилетия.

Объективным свидетельством утраты прежнего значения слова может быть отсутствие его в современных говорах при наличии его в памятниках письменности или диалектных источниках более раннего периода — XIX—начала XX в. в рамках соответствующего региона. Однако сложность задачи состоит в том, что материалы современных областных словарей, являющихся самыми достоверными на данный момент собраниями диалектной лексики, не всегда в достаточной мере полно отражают результаты этих изменений. Имеется немало фактов, которые приходится отводить при исследовании как недостаточно убедительные. Принимая во внимание эти оговорки, рассмотрим небольшую группу наречий, встречающихся в псковских говорах, семантика которых претерпела в прошлом изменения (*безданно*, *безденежно*, *беспременно*, *бридко* и нек. др.).

Наречие *безданно* в псковских памятниках имело значение ‘не платя пошлины или оброка’. За вожомъ за Иванкомъ за Чижвою деревня Савино. . . а владѣетъ тою деревнею по государевѣ грамотѣ за подписью дьяка Дружины Петелина, безданна. Кн. писц. I, 162, 1585—1587 гг. На пустоши на Вышие Горки, да на пустоши на Котове пашня пахат и сѣно косити на монастырь и тѣми со всѣми угоди владѣти по писцовой выписи безданно. Гр. льготн., 118, 1598 г. (ПОС). Аналогично: И прислаша с Москвы гостей тамгу уставливати нова, занеже во Пскове тамга не бывала, безданно торговали. Пск. лет. II, 258. 1510 г. То есть ‘не облагаясь податью, какими-либо сборами’ (Сл. РЯ XI—XVII вв.).

Однако ареал этого слова был значительно шире, поэтому оно встречалось не только в псковских памятниках: А отдали есми ту пожню безданно, никакого тягла не тянути с нея. А. Уст. 1, 150, 1554 г. (Сл. РЯ XI—XVII вв.).

Отсюда в литературном языке образовалось сочетание безданно-беспошлинно ‘без всяких пошлин, налогов, свободно’. Твоим братьям велю от сего же дня По царству русскому широкому Торговать безданно, беспошлинно. Лерм., Песня про купца Калашникова, (БАС).

В современных псковских говорах наречие *безданно*, судя по материалам ПОС, свое прежнее значение не сохранило и употребляется сейчас иногда в другом, возникшем на основе старого, значении — ‘не получая вознаграждения, даром’. Безданно, беспошлинно отдавали своих телят. Дн. Гривки, 1960 г.

Сходная судьба в псковских говорах у наречия *безденежно*. В псковских памятниках это наречие имело значение ‘не платя, безвозмездно’. Да онѣ жъ, государь, воеводы, емлютъ у насъ посадцкихъ людишокъ, товары всякие насилством безденежно. Кн. писц. II, 86, 1638 г. А буде впредъ, чьи люди и крестьяне у ково купятъ тяглые дворы и лавки и погребы . . . взять на государя безденежно. Кн. Поганкина, 16, 1644—1678 гг. И с того верхнего строения далъ я, Ааронъ, имъ всего града Пскова попомъ и диакономъ въ вѣчное поминовение по своей души и по

своихъ родителехъ одное палату большую. . . безденежно. Сп. письма Аарона, 132, 1709 г. (ПОС). Однако в то время это было не только псковское слово: И у меня, Игнатья, та кабала утерялася, а денги меня те тритцать рублевъ отъ князя Петра дошли. А где та кабала выляжеть, и мнѣ Игнатью Григорьевичу, та кабала князю Петру отдать безденежно. Арх. Стр. I, 435, 1560 г. А кто безъ государева вѣдома въ который монастырь вотчину свою дастъ по душѣ, и та вотчина у монастыря безденежно же имати на государя. Стоглав, 202. XVII в. ∽ 1551 г. (Сл. РЯ XI—XVII вв.). След этого старого значения слова сохранился в русском литературном языке XIX в.: «Для путешественников он (ботанический сад) открыт во всякое время безденежно». Гонч., Фр. Паллада, т. 1, гл. 4, — но с явной тенденцией к устранению его из речи литературной как слова архаичного (БАС сопроводил его пометой «устар.»). Очевидно, эту же судьбу оно разделило и в современной речи псковского региона. Но в псковских говорах появилось другое значение и иное употребление слова как категории состояния, опирающееся на семантику производящего его прилагательного *безденежный* ‘связанный с отсутствием денег’: Обеднела я, время у меня безденежное. Пуст. Козодои, 1965 г. Отсюда предикативное *безденежно*: Нет ничево, коза молока мало даёт, дочка не работает, безденежно. Стр. Страшево, 1965 г. Словари современного русского литературного языка это значение не отмечают.

Беспременно. В псковской письменности это наречие употреблялось в значении ‘без изменения, в том же составе’. А они де соборные попы ходятъ въ соборъ къ живоначальной троицѣ всѣ безпремѣнно во вся годы. Гр. Арсения, 123, 1675 г. (ПОС). Близкий семантический вариант этого наречия ‘неизменно, не подвергаясь перемене’ сохранялся в русском языке XVIII (Слов. Акад. 1789 г.), XIX вв., однако с явной тенденцией к устареванию (БАС). Этот общий процесс отразился на судьбе слова и в пределах псковского региона, где слово в данном значении перестало употребляться (ПОС). Здесь оно употребляется, как впрочем, и в других говорах, и в просторечии (БАС) в ином, не известном в памятниках значении: ‘обязательно, непременно’ (ср. в БАС ‘непременно; неизбежно, неминуемо’). Надо тебе беспременно поесть, а то замодеешь. Кар. Бобыли, 1960 г. Ета уш беспременно она туды пойдё, а не домой. Копаневич, Частушки, 48. Коли будешь один жать, весь век снопа оннова не свяжешь, а беспременно надо вдвоем. Козырев, 302. Отмечалось также в Невельском р-не, д. Мисники, 1962 (ПОС).

Факт фиксации данного слова в этом значении в разное время разными авторами (современные записи, Копаневич, Козырев) свидетельствует о том, что оно типично для псковских говоров. Однако в то же время никак не проявилось старое, известное по памятникам значение.

Вневедоме. В псковской письменности это слово употреблялось в значении ‘тайно, скрывая от людей’. Поднялися всякие

люди, большие и меньшие и тѣ же, кои прикликивали вневѣдоме на своих же, корыстовалися и посулы имали. Лет. III, 1609 г., л. 215. Ср. иную интерпретацию этого примера в Сл. РЯ, XI—XVII вв. — 'по неведению'. Но ни то, ни другое объяснения этого наречия не подтверждаются современными псковскими говорами, в которых оно употребляется предикативно и имеет отличное, хотя и опирающееся на старое значение — 'неизвестно, неведомо': Вневедоме мне то, што спрашиваете, стар я, не помню. Дн. Вневедоме мне было, што с тюрмы он. Стр. (ПОС).

Об утрате значений некоторыми наречиями в псковских говорах свидетельствуют также и разновременные диалектные записи этих слов в XIX—XX столетиях.

В «Опыте областного великорусского словаря» 1852 г. приводится наречие *бридко* 'холодно' (Великолукск.). В начале XX в. это слово в псковских говорах записал Копаневич. В «Русской диалектологии», опирающейся на материалы Диалектологического атласа русского языка, говорится, что «в таком значении наречие *бридко* отмечено в единичных населенных пунктах» [4] (т. е. «преимущественно в районах вдоль западной границы РСФСР» [5]). Отсюда в СРНГ: «вдоль западной границы РСФСР». Таким образом, здесь нет еще полного исчезновения данного значения, однако отдельные всплески его употребления в единичных пунктах говорят о том, что оно находится на стадии исчезновения.

Не подтверждается современными материалами одно из значений наречия *взглезь* (*взглязь*) 'ребром, боком', отмеченное Копаневичем (1902—1904 гг.). См. также ПОС и СРНГ: Стекло упало взглязь, т. е. ребром. В современных говорах известны два значения: 1) слегка, едва задев. Дн. Юрково, Беж. Аксеново (ПОС). Ср. в СРНГ: взглезь 'вскользь'. Порх. Пск., 1855. Ему взглезь попало, дак уцелел. Славк. Пск. 2) мимо. Оны взглезь проехафшы. Пл. Заполье (ПОС).

Нет полного семантического соответствия в семантической характеристике наречия *внечивелях* в Опыте областного великорусского словаря и в Словаре Даля, с одной стороны, и в Псковском областном словаре — с другой. В Опыте и у Даля эта характеристика шире и многостороннее: «в беспамятстве, в сумасшествии, в бреду, в обмороке, обомлев, в бесчувствии». Он внечивелях бросился в воду. Великолукск. Пск. Ср. в СРНГ — 'в беспамятстве'. Современные материалы иллюстрируют лишь одну сторону этого психического состояния: 'растерявшись, обомлев от страха'. Усих фрицы силком гонють, а я стою середь двора внячивилях и плачу. Нев. При этом составители ПОС отделили как семантический оттенок современное, живое употребление от того, которое было отмечено в старых источниках и, возможно, теперь уже не встречается.

---

[4] Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, с. 214.

[5] Там же, с. 214.

В рассмотренных примерах отражаются некоторые общие закономерности одной из сторон эволюции семантической системы наречий — утраты их устаревших значений. При этом, как показывает материал, причины, приводящие к такой перестройке, бывают разные. Одной из них, наиболее очевидной, но не доминирующей, является утрата соответствующего понятия — правило, общее не только для говоров, но и для всей лексико-семантической системы русского языка. Например, наречие *безданно* утрачивает свое прямое значение ‘не платя пошлин или оброка’ в связи с неактуальностью данного понятия.

Однако основные изменения происходят в сфере самой лексико-семантической системы, в частности, передача одного из старых значений другому слову, которое оказывается доминирующим. Таким словом может быть, и чаще бывает, общерусское слово. Так, в тех же псковских говорах функции старого, известного по памятникам наречия *безденежно* ‘не платя, безвозмездно’ приняло общерусское *бесплатно* ‘без оплаты’: Подвести бревна помогали друг другу. Навос вывозили у одного, у другого, толока была, бесплатно, севонни у меня толока, зафтра у тебя. Пушк. Баслаки, 1947. Супрятки — прясть собирають бесплатно, хозяин кормить их. Вл. Демидово, 1952 г. Впрочем, в данном случае такой же результат наблюдается и в системе литературного языка.

Как видно из рассмотренных материалов, утрата старого значения не приводит к забвению слова. Иногда она сопровождается появлением нового значения или оттенка значения, более необходимого в новых условиях. Например, упомянутое *безданно* приобрело значение ‘не получая вознаграждения, даром’; наречие *безденежно* стало употребляться со значением ‘не имея денег’; ларечие *вневедоме*, утратив старое значение ‘тайно, скрывая от нюдей’, стало функционировать в значении ‘неизвестно, неведомо’ и др. Как видим, это касается и слов узкого ареала, и слов более широкого ареала. По отношению к ряду слов эта проблема становится проблемой взаимодействия общерусской и диалектной лексики, взаимодействия литературного языка и говоров.

Развитие новых значений у наречий всегда играло важную роль в процессе эволюции и формирования их семантической структуры, и диалектные многозначные наречия являются результатом этой эволюции. Было бы интересно установить время и причины появления в каждом отдельном случае нового значения, с одной стороны, и проследить развитие всей семантической структуры слова — с другой. Однако на пути этих поисков встают очень серьезные трудности. Если появление сведений о новом (производном) значении диалектного слова можно установить хронологически точно (по времени публикации источника или собирания материалов), то время реального появления значения (или его оттенка) в речи установить практически невозможно (в этом специфика диалектного материала), однако, последовательность и закономерности развития значения во многих случаях

прослеживаются достаточно определенно. Поэтому изучение проблемы появления нового значения в диалектном слове, как, впрочем, и появления нового диалектного слова, адекватно в силу объективных причин, т. е. отсутствия многократно и последовательно фиксируемых фактов на хронологической оси, проблеме выявления ранней фиксации соответствующего значения. Следовательно, эти сведения с точки зрения хронологии появления нового значения условны и показывают лишь, как постепенно обогащаются наши знания о семантике диалектного слова. Отсутствие надежной лексикографической базы, относящейся к прошлому состоянию диалектной лексики, почти всегда порождает сомнение в новизне значения, когда оно вдруг появляется в новых источниках. В самом деле, в смоленских говорах имеется наречие *враз*, которое с начала XX в. устойчиво употребляется в трех значениях: 1. Сразу, сейчас же. Это мы враз сделаем. Смол. Тягловщина. Перестань баловаться, а то враз кнутом секану. Росл. Старое Васино. Я им враз спонравилась. Хисл. Печерск. (ССГ). Более ранняя фиксация у В. Н. Добровольского: враз — ‘вдруг’. Враз прискачу. 2. За один раз. Неси белье на речку. Усё врас. Росл. Старое Васино. (ССГ). Более ранняя фиксация у В. Н. Добровольского: враз — ‘за один раз’. Ураз привез уси снапы. В БАС это значение квалифицируется как просторечное — ‘сразу, в один прием’. 3. Как раз; впору, по мерке. Росл. Буда (ССГ). Более ранняя фиксация — Копаневичем (СРНГ).

Помимо названных наречий Словарь смоленских говоров, самый поздний из источников смоленской областной лексики (1980), приводит еще одно ранее не отмеченное значение — ‘одновременно’. Враз оба умерли, в один день. САФ. Николо-Погорелое. И Шурка, и Валька враз летось приехали, у Рославле на автобусной станцыи встретились. Росл. Старое Васино. (ССГ). Сопоставление старых и новых материалов порождает закономерный вопрос, на который трудно ответить однозначно, — существовало наречие *враз* в значении ‘одновременно’ раньше в смоленских говорах или оно развилось в них в последние десятилетия под влиянием просторечия. Ср. в БАС: враз — ‘одновременно, разом’.

Еще один пример из смоленских говоров. *Бедно*, употребляемое как безличное сказуемое, известно в смоленских говорах в двух значениях: 1. Трудно, тяжело. Трудно мне, бедно мне да рыбе-щуке без воды. Трудней же, бедней же да молодой вдове без мужа. Смол. Добров. 1914. Было немцам очень бедно, бурь степных не тише, по тылам врага победно проводил нас Гришин. Фолькл. СОМ, № 312 (ССГ). 2. Обидно, горько. Сказали не так, не бедно ей стало. Ина не такая наша Марья. Дем. Мочары. А мне бедно так стало, аж заплакала. Ярц. Шахолово; Дем. Пржевальское, Дух. Козмичино, Х.-Ж. Верховье (ССГ). Нужно обратить внимание на то, что второе значение — новое для смоленских источников, хотя в других русских говорах оно довольно широко распространено, в том числе в соседних псковских говорах (СРНГ).

И естественно снова возникает вопрос: является это значение для смоленских говоров старым, но не записанным ранее, или оно появилось в них из соседних псковских говоров в последние десятилетия, годы?

В Архангельском областном словаре (вып. 1, 1980) под ред. О. Г. Гецовой приводится очень обстоятельная, подкрепленная большими материалами разработка наречия *баско*. Оно имеет в современных говорах 3 основных значения и ряд оттенков: 1. Красиво, приятно для глаза. Ой, ты нонь баско набасиласе, а ты еще баще. Сейгот посадили в президиум, я баско средила. Оттенок: Благозвучно, складно, приятно на слух. Я на голосах баско росказываю. Баско говорила речь, длинно. 2. Хорошо, приятно, удобно. Длинной такой баток, им баско полоскать. Жыть-то бы баско, дак што моготы нету. Оттенок: Доброжелательно. Вижу, мать не баско глядит на меня, ко мне идет со сковородником. 3. Очень. Трава-то здесь баско грудная. Плес. Ржк. А веть не баско-то хремковата. Глуха баско-ти. Пин. Кшк. Матка говорит красно баско. Кон. Влц. Баско хорошо не хаживала. Леш. Ол.

Сравнение этой разработки с материалами «Словаря областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» (СПб., 1885) А. О. Подвысоцкого показывает, что первые два основных значения устойчиво сохраняются. Ср. у А. О. Подвысоцкого: *баско, басисто красиво, нарядно, прекрасно.* Родитель-то твой живет поди баско. Жонки у их во как баско ходят. Коли б нам да шняку этаку-то, баско бы было.

Что касается семантических оттенков, то они скорее всего являются результатом более обстоятельной разработки этого наречия в словаре под ред. О. Г. Гецовой. 3-е значение ‘очень’, которое значительно по семантике отличается от предшествующих и ранее не отмечалось в архангельских областных источниках, можно, казалось бы, отнести к семантическим новообразованиям нашего столетия в архангельских говорах, но сомнения в правильности такого утверждения вызваны следующими обстоятельствами. Значение ‘очень’ отмечалось в прошлом в отдаленных от архангельских вятских говорах (Слобод. Вят., 1896, СРНГ); кроме того, территория, где встречается это значение, достаточно велика — четыре района Архангельской области.

Закономерно возникает вопрос: не является ли это значение ‘очень’ у наречия *баско* старым для архангельских говоров, но ранее не записанным?

Таким образом, выявление новых значений у наречий, употребляющихся в современных говорах, установление времени появления этих значений наталкиваются на большие трудности ввиду ограниченности, зыбкости предшествующей лексикографической базы.

При всем том более точные сведения о семантической эволюции наречий может дать анализ семантической структуры многозначного слова, правда, в этом случае отступает на второй план,

а то и снимается вовсе вопрос о времени появления производного значения. Такое изучение дает возможность проследить семантическое развитие наречий в более или менее отдаленном прошлом — проследить закономерности формирования многозначной структуры, не связывая такое изучение с необходимостью выявления точного хронологического момента появления производного значения.

Основными закономерностями, приводящими к семантической эволюции наречий в говорах, являются следующие.

1. Наиболее распространенным является перенос значения на основе сходства признаков, аналогии. Особенно рельефно это выражается в переносе пространственных значений на временные. Здесь проявляется универсальная закономерность, о которой еще Г. Пауль писал: «Аналогия между протяжением в пространстве и протяжением во времени делает возможным перенос слов, выражающих пространственные отношения в каком-либо одном измерении, на временные отношения. . .».[6]

Эта закономерность хорошо прослеживается на примере наречий *наперед*, *сзади*, *передом*, употребляющихся в деулинском говоре.

Наречие *наперед* имеет основное значение места ‘впереди’: Попы идуть наперед, а за ними граждани. Ани мене вывчили косить, а теперь-то я любому мужику пятки порежу: иди наперёд. Пустють её наперёд и пихают. . . увалиста идеть (ССРНГ) — на основе которого развилось временное значение — ‘раньше, прежде кого-, чего-либо’. Галька наперед замыкалась. Коб дожжик был недели две наперед. . . Ани наперед всё побрали (ССРНГ).

Аналогично в деулинском говоре наречие *сзади* имеет основное значение ‘позади’. Вот дом напереди, а сзади прилита кухня. Человек нас шесть сзади побачи. На его основе сформировалось временно́е — ‘спустя некоторое время, потом, после’. Картошки ей посодишь да если сзади, будить кричать на всю деревню. (— Как сзади?). — Ну себе перёд, а ей посли. А ей чтоб перёд всех. Отец впирёт помир, мать — сзади. Мать впирёт пашла ф Картаносаво, а я сзади пришел (ССРНГ).

Наречие *передом* на основе прямого своего значения ‘будучи первым, впереди’ — Ана сзади, а передом шла эта девка — развило значение ‘раньше других, опережая всех’. А мы перядом давай сдавать (о хлебе). А если попа нету, то ето уш я передом зачинаю (петь). Учиться не хочеть, а в клуб летать — это передом (ССРНГ).

Менее рельефно выражается перенос в других случаях, в частности, значения образа действия, связанного с непродолжительностью действия, на временное, как, например, в наречии *вкратцах*. Это наречие в псковских говорах помимо основного значения ‘коротко, в немногих словах (сказать что-либо)’: Нам вкратцах всё говорили на курсах. Сл. Ключиха. Книжку-то я хочу немножко

---

[6] *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960, с. 116.

(рассказать), вкратцах. Стр. Лудони. Также Чернышев, Пск. Шишманово, — стало выражать значение ‘в течение короткого времени, недолго’: Кита всё показывают (по телевизору) вкратцах. Вл. Карцево. Основное значение имеет опору в общерусском наречии *вкратце* ‘в немногих словах, в сжатом виде; кратко’ (БАС), поскольку в данном случае *вкратцах* — словообразовательный диалектизм; второе значение у этого слова появилось в говорах.

Ощущение пространственной противоположности могло, видимо, стать основой для выражения противоположности, неприязненности в отношениях. Так, в деулинском говоре наречие *впроть* выражает значение ‘на противоположной стороне, напротив’: Мы к Клашке ходим, она впроть живёт, мы вчастуху ходим. Она впроть Нюшки живёт-та, — из которого развилось второе значение — ‘наперекор, вопреки’ (употребляется с глаголами говорения). Терпишь, терпишь, терпенье лопаится все, возмёшь и скажешь вроть. Кады ты армию отбудишь, тада приведи (жену), я фпроть не скажу. Я с любым сынам прожыву и нагрубять не буду. . . И не иднаму сыну слова впроть не скажу. Ей мать-то впроть ничего не говорить. Отсюда фразеологизм *впроть идить* (*или пойдить*) — ‘поступить каким-либо образом вопреки желанию кого-либо’. Ну, отец впроть не пошел, запрягли — поехали. Он даст, а жена впроть идёть. А хотел жениться — я бы впроть не пошла. Мам, я нашел девчонку, деревенскую, ты впроть не пайдёшь? Я не пойду тахта, езли мать впроть идёть (ССРНГ).

2. Уточнение в том или ином отношении какого-либо понятия, что сопровождается употреблением слова иногда в ином лексическом окружении. Конкретизация более общего понятия — наиболее распространенный способ развития значений у диалектных наречий. Например, в псковских говорах имеется наречие *возло* ‘до предела, совершенно’. Смучилась я возло. Кар. Гора Бобыли. Намокли возло ребяты. Остр. Бобыли. Надоел ты мне возло. Печ. Паниковичи. В меня задумано, девчонка, тебя возло разорить (песня). Кар. Подсевы. Трактир открыл, а только через год возла прожился. Козырев, 299. На основе этого обобщенного значения меры образовался семантический оттенок — ‘очень крепко, непробудно (о сне)’. Сплю возло, сильно. Остр. Кахново. Также: Палк. Наумово; Печ. Городище.

В наречии *вовсё* в тех же говорах на основе обобщенного значения ‘всегда, постоянно’ образовался пучок семантических оттенков ‘с давних пор, искони’, ‘все время, непрерывно; очень часто’, ‘всякий раз’, уточняющих в том или ином отношении исходное общее значение: вовсё ‘всегда, постоянно’. В нас кот такой леной, вовсё лежыть. Аш. Федорцево. Надя сипатая, она вовсё так. Остр. Семехино. Яна вовсё носи молоко. Н.-Рж. Вехно.

Уточняющий оттенок ‘с давних пор, искони’. Вовсё лозой называли. Оп. Макушкино. Вовсё так говорили мне. Локн. Избоево. Название наше Поташово. Вовсё это было. Остр. Поташово.

Уточняющий оттенок ‘все время, непрерывно; очень часто’. Картошку варю, так вовсё надо подкладывать, уйти нельзя.

Остр. Свеклино. Летася многа творогу была, и я вовсё пекла творожники. Дед. Городно. Их вовсё кормить надо. Порх. Слобода.

Уточняющий оттенок ‘всякий раз’. Увофсё их (коров) пусти, вот они и пойдут. Пуст. Галузино.

В деулинском говоре имеется наречие *насши́бок* ‘в надежде на случайную удачу’. В карты играем, у энтай хорошие, а у меня плохие. . . грить, я насшыбок пойду. Другие не женятся. А чего ему жениться? Он и так насшыбок сшибаеть. У нас? Нет! Так де-нить насшибок.

На основе этого значения развился частный семантический оттенок ‘на свой риск’. Нарежуть (луг для покоса), не нарежуть, черти с нею, так где-нить насшыбок скосим.

Другое наречие *телешо́м* употребляется в значении ‘без одежды, нагишом’. Штой-то он побёг наружу телешом, смотрю на снегу валяется. На травку ляжеть телешом — загораеть. . . а то речку перебредёть, на песке валяется. Телешом пока, пока батюшка перекрестить, тада рубашку наденеть (о крещении новорожденного). Я без них (штанов), как телешом. На основе этого значения сформировались семантические оттенки: ‘в полуодетом виде (в купальном костюме)’ и ‘в рваной одежде’, «рваный, оборванный» (ССРНГ).

Оттенок ‘в полуодетом виде (в купальном костюме)’. Сё голый телешом ходить, в одной майке, толстый, здоровый, как абряутак. Едуть телешом, в трусиках, всё у них наголе. Витька рубаху снял, ушел дей-ка телешом.

Оттенок ‘в рваной, оборванной одежде’. А то с ними телешом будешь ходить (с ребятами). А лежли свою копейкю пропивать, эта вить телешом пойдешь.

В псковских говорах имеется безлично-предикативное наречие *води́во* с общим значением ‘сыро, мокро’: Ягод много, но водиво так водиво. Вл. Синие Ворота, — на основе которого сформировался оттенок ‘слякотно’: На улице водиво, только в сапогах пройдёшь. Дн. Щиленка. Ср. прилагательное *води́вый*, от которого образовалось рассмотренное наречие с исходным значением ‘сыро, мокро’: ‘предназначенный для воды; наполненный водой’ — с оттенками ‘покрытый водой’, ‘дождливый’, ‘водянистый’ (ПОС).

Употребление диалектного наречия в народной речи, не связанной жесткими правилами нормы, приводит и к противоположным результатам в развитии семантики диалектных наречий, т. е. к развитию на основе конкретного значения более обобщенного или широкого смысла. Так, наречие *силкой* в деулинском говоре имеет прямое значение ‘применяя силу’, связанное непосредственно со значением производящего существительного *сила*. Двух мальчиков мертвых вытащили из неё. . . Силкой вытащили (не могла родить). Силкой укачиваю, по жопе нахлупаю, гдей-то, гдей-то уснёт. Загоню её силкой, она покормить и бежить как малоумная (о свинье с поросятами).

На основе этого прямого значения сформировалось более общее, широкое значение ‘против воли, желания; насильно’.

Я вот и желаю блак вот взять вот у Нотьки девчонку (в жены сыну). . . хорошая, поглядеть хорошая. . . А он, кто его знаеть. . . там, можеть де найдеть. . . А вмешиваться нельзя силкой там сказать, што бери, бери. Ели девка не хочеть идить, почему он её силкой хочеть? Силкой-та не заставишь, галдишь, а ему всё некада (о сыне). Силкой-то как ведь: невольник — не работник. Они мене зовуть силкой: Пайдём, бабушка, за рыбой. Мы ей силкой рюмачку винца поднесли (ССРНГ).

Принимая во внимание логическую (и, видимо, этимологическую) иерархию значений или семантических оттенков, следовало бы в указанном словаре оттенок ‘применяя силу’ дать в качестве основного, а оттенок ‘против воли, желания; насильно’ выделить как производный.

Наречие *вчасту́ю* в том же говоре имеет в соответствии с семантикой производящей основы значение ‘нередко, часто’. Он работаеть в городе, а ездить вчастую в Москву. — Попадаеть ей вчастую. — Да што вчастую, чуть не каждый день бьёть. У меня голова болить, она у миня вчастую так-та. Когда ветчина-та была, он ко мне вчастую бегал. На основе этого значения появился семантический оттенок ‘все время’. Жара, нигде спасу не найдешь, вся душа спекаиться, пить хочешь вчастую, вчастую (ССРНГ).

Такие семантические «переливы» приводят к последовательному развитию значений в виде цепочек или пучков значений (или их оттенков). Однако специфика семантического развития наречий состоит в том, что они не всегда развивают производные значения за счет внутренних семантических ресурсов слова, образуя цепочки или пучки значений. Значения в слове могут развиваться и независимо одно от другого, автономно, за счет реализации разных значений (сем) производящего слова.

Так, наречие *хру́шко* в деулинском говоре имеет основное значение ‘твердо, жестко на ощупь’: Ой, вам так на стулочке хрушко сидеть! Ой, хрушко спать, надо тюфяк сее набить сенцом свеженьким. На тюфяке поспи — оно и хрушко, на перине — помякше. Мягко стелить, хрушко спать. . . лихосной, ненависной. К нему семантический оттенок — ‘крупно, не мелко (о помоле)’: Если веретено выше подымишь, будеть молоть хрушко (жернов). Рожь возьмешь, прорушаешь хрушко, похруще — и кашу варили. Свекрови смели (на жернове), да чтоб мягко, а хрушко принесёшь — неудельная, смолола хрушко (ССРНГ).

Оба эти значения несмотря на их близость образовались независимо одно от другого, но на основе общего источника — прилагательного *хру́шкий*, в котором соответствующие семы присутствуют: ‘твердый, жесткий на ощупь’. Я его послабже набила, а то он больно хрушкай. И семантический оттенок: ‘крупный, грубый (о помоле)’. Возьмёшь рожь, прорушишь в жернова, тах-та хрушкаю её сделаешь (ССРНГ).

В псковских говорах имеется наречие *вверху́*, выражающее два основных значений: 1. В верхней части чего-либо (как и в литера-

турном языке). Под — где ставют чигуны, а вверьху нёбо. Н.-Рж. Вехно. 2. Вдали от берегов, в открытом озере. Кузнецов, Надозерье, Сыренец (ПОС).

Здесь оба значения наречия образовались также независимо одно от другого, поскольку в основе первого лежит существительное *верх* 'самая верхняя оконечность, верхняя часть чего-либо' (БАС), а в основе второго — диалектное значение существительного *верх* — 'глубокое место (в реке)'. Глубокая места назывался верх реки. Вл. Смыки (ПОС).

Наречие *внаклóнку* имеет в тех же говорах два значения: 1. Наклонившись, нагнувшись (общерусское). То внаклонку, то прямо, так и обираем. Дн. Всё назахват жнёшь, внаклонку. Гд. Внаклонку тяжело ягоды брать. Остр. Весь день внаклонку работали, ни расклонилась. Палк. 2. Наклонно (диалектное). К стены прибивают внаклонку. Остр. Жавры (ПОС). В основе первого значения лежит глагольная сема 'наклониться (наклонившись)', в основе второго — 'наклонить (наклоня, с наклоном)'.

Наречие *ввы́тяжку* имеет в псковских говорах также два значения: 1. Выпрямившись, не сгибаясь. А теперь что ж, ходят ввытяжку, какая работа! Палк. Наумково. 2. Расположившись по одной линии. А немцы-та, гляди, лежать ввытяжку за рекой, смотря. Остр. Трушки (ПОС).

Очевидно, первое значение соотносится со значением глагола *вытягиваться, вытянуться* — 'вытягивать свое тело, растянуться; выпрямиться', а второе — с другим значением того же глагола — 'протянуться в длину' (БАС).

Наречие *вовсё* в псковских говорах, в силу большой семантической емкости исходного местоимения *всё*, выражает три основных, развившихся независимо друг от друга значения: 1. Всегда, постоянно. У нас кот такой леной, вовсё лежыть. Аш. Федорцево. Надя сипатая, она вовсё так. Остр. Семехино. Она вофсё носи молоко. Н.-Ржев. Кудяево. Ён вофсё так чудил. Н.-Рж. Вехно. 2. Везде, повсюду. Леса были вофсё. Остр. Бланты. Куда ни посмотришь, вовсё народ. Оп. Духново. Как беременная, так пятна вовсё. Беж. Турово. 3. Интенсивно, в полную силу. А как допью последки, разойдусь вовсё. Дед. Заходы. Свет вовсё включена. Печ. Кулье. Вовсё на гвалт крычит. Остр. Пунино (ПОС).

Для наречий, в особенности употребляющихся в одном говоре, более типична простая семантическая структура, т. е. в говоре употребляются наречия по преимуществу однозначные, реже имеющие два или три значения, редко — более трех значений. См., например, ССРНГ. Однако чем шире ареал слова, тем сложнее становится его семантическая структура, складывающаяся из суммы по преимуществу простых семантических структур слова в отдельных говорах. При этом общие закономерности семантического развития слова могут приводить к разным результатам. Это могут быть цепи или пучки взаимосвязанных значений или семантических оттенков, возникших вследствие переноса, суже-

ния или расширения исходных значений, или семантические структуры с автономно возникшими элементами, когда на основе развившихся независимо друг от друга значений появляются дополнительно семантические оттенки, уточняющие исходные для них значения в каких-либо отношениях. В целом это приводит к созданию сложных семантических структур.

Покажем это на некоторых примерах.

В псковских говорах имеется наречие *во́льно*, которое выражает общее значение ‘свободно, независимо’. Ср. общерусское *свободно*, *беспрепятственно* (БАС): Цыгане жыли вольно. Остр. Шитики.

Эта общая идея в говорах конкретизировалась, в результате чего появился пучок производных значений. 1. Без ограничений, запретов. Дали бы ловить так, вольно. Печ. Зимний Борок. Но раньше было вольно. Печ. Лисьё. 2. Открыто, не таясь. Кратком рыбу к празднику у нас продают, а в Старой Русе вольно продают. Дн. Крутец. 3. Много, обильно. Риса нет так вольна. Оп. Мышино (т. е. есть ограничения вследствие этого в свободе расходования). 4. Легко, без излишних усилий, забот. В городе трудней жить, в деревни вольней жить. Оп. Лобово. Не, теперь много вольней работать. Остр. Ждани. Жили мы вольно, сильно хорошо жыли. Остр. Меленка. 5. Спокойно, не торопясь. Я вольно шла, не спеша, помаленьку. Остр. Козлы. 6. Без специального помещения. Корову во хлев, а лошадь так, вольно стояла, а то были конюшни. ЭССР, Нина. Одежда вольно висела. Гд. Самолва. 7. Не в обтяжку. Платья с двух полок, вольно сшита. Остр. Каношино. С оттенком: ‘Не заправляя, не затягивая’. Купляли кушаки, опояхивались им, и вольна кофточку носили, наверёх юбки. Остр. Пашково. 8. Не укладывая, не убирая (о волосах). Волосы, у кого большие, были просто вольно брошен сзади. Остр. Сазоны. 9. При умеренной температуре, без пара. Жарко не поддашь на каменья, можешь вольно мыться, без пару. Вл. Залучье (ПОС).

В приведенной системе значений может быть иначе объяснено появление значения ‘без ограничений, запретов’ — как результат влияния одного из значений прилагательного *вольный* в псковских говорах — ‘разрешенный, дозволенный всем’: Раньше торговля была вольная, частная. Сер. Заходы, Аксентьево (ПОС). Влиянием исходного прилагательного можно объяснить также появление еще одного из значений наречия *вольно* — ‘в раскрытом, распахнутом виде’: Когда дверь оставят вольно, комары и наберутся. Остр. Заходы 2 — которое соотносительно с одним из значений прилагательного *вольный* в тех же говорах — ‘открытый, распахнутый’: Тепло окно-та вольная. Сер. Боровик. (ПОС).

Таким образом, в целом сложившаяся система значений наречия *вольно* в псковских говорах представляет собой, с одной стороны, результат развития общерусского значения ‘свободно, независимо’, с другой — результат влияния семантики производящего прилагательного *во́льный* в псковских говорах.

Развитие всех этих значений обусловлено необходимостью обозначить какой-либо конкретный признак действия или качества наречием, т. е. необходимостью конкретизации общей идеи, общего понятия. Отсюда и дробность частных значений, рассеянных по территории региона. Разумеется, в одном говоре все эти значения не употребляются. Это сумма значений, отмеченных в словаре, как, впрочем, об этом свидетельствуют и территориальные пометы.

Примером другой семантической структуры может быть и рассмотренное выше наречие *вовсё*, в котором на основании трех независимых главных значений развился ряд оттенков. 1. Всегда, постоянно. К нему дифференцирующие оттенки: а) с давних пор, искони, б) все время; непрерывно, очень часто, в) всякий раз. 2. Везде, повсюду. К нему дифференцирующий оттенок: на всем протяжении. 3. Интенсивно, в полную силу (ПОС).

Представляет интерес как результат действия разных семантических закономерностей и наречие *вкруговýю* в псковских говорах.

На основе самого общего значения этого наречия ‘образуя круг, кругом’ (ср. ‘кругом, в круговом направлении’ — БАС): Десять снопков ставим вкруговуя — бабка. Холм. Залесье. Колышки вкруговую вобьють. Кр. Ломы — в результате конкретизации общего значения слова образовался ряд частных значений. а) Со всех сторон. Палати, полки вкруговую, на их и спать можно. Оп. Духново. б) Описывая круги. Много было голубей круговых, вкруговую летають. Пушк. Поташово. Вкруговую када барона идёт — круговая борона. Оп. Глубокое. Я их скоро окружу, буду вкруговую ходить. Остр. Кахново. в) В обход, кружным путем. Двои вкруговую пошли берегом. Гд. Островцы. Также: Гд. Замогилье, Локн. Пузево. г) По окружности. Карман — это мешок, которым ловится рыба, длиной метр, вкруговую тоже метр. Вл. Хмелево. д) Взад и вперед (идея замкнутого движения). Я хожу вкруговую то туды, то сюды. Кр. Блины.

В результате переноса первоначального значения на временной и отвлеченный признаки развились еще два значения: а) Одно за другим, образуя цикл. В осени соймут рожь, потом пашуть и сеють яровую, так и шло вкруговую. Беж. Задорожье. Отсюда семантический оттенок: Постоянно (с регулярной заменой). Схожу в божий храм, принесу просвиру, лежыт вкруговую. Кр. Зубавы. б) Во всех отношениях, во всем. Мальчик у них хороший и уважительный, и вкруговую из себя хорошый. Оп. Духново (ПОС).

Таким образом, и в этом случае многозначность наречия вызвана необходимостью обозначить многие конкретные признаки действия. В этой связи уместно вспомнить слова В. В. Симонова, который по поводу семантических изменений некоторых наречий в кировских говорах писал, что семантика их идет в говоре обычно по пути развития «каких-либо конкретных, реально-практических значений. Чаще всего это связывается с переосмыслением

внутренней формы слова, с воскрешением в нем чувственно-конкретного смыслового ядра. . .».[7]

Подводя итоги, отметим, что семантическое развитие наречий в говорах имело сложный и разнонаправленный характер. При этом в одних случаях оно находит объяснение в истории языка, однако примеры такие сравнительно редки, в других оно вытекает из логики развития явления. Последнее не исключает возможных уточнений при обнаружении соответствующих исторических фактов.

Следует отметить, что рассмотренные выше примеры семантической эволюции наречий на материале относительно прозрачных семантических структур не решают всех вопросов о семантическом развитии наречий в русских народных говорах, так как в языке существует очень много противоречивых или трудно-объяснимых фактов. Здесь с полным правом можно вспомнить слова Г. Пауля о том, что «смысловые изменения различных видов могут, конечно, произойти в слове последовательно одно за другим и так переплестись между собой, что от первоначального смысла слова ничего не останется».[8]

Каждый такой сложный случай может быть предметом специального исследования, ибо, как верно заметил Ф. П. Филин, «нас прежде всего интересуют не логические возможности, заложенные в языковой системе, а действительные реализации языковых изменений».[9]

---

[7] *Симонов В. В.* К вопросу о лексическом составе и способах образования наречий в русских говорах. — Учен. зап. Кировского пед. ин-та, факультет историко-филологический, 1957, вып. 11, с. 117.

[8] *Пауль Г.* Принципы истории языка, с. 124.

[9] *Филин Ф. П.* Некоторые проблемы реконструкции древнерусских диалектов. — В кн.: Славянское языкознание: VI Международный съезд славистов. Прага, авг. 1968, докл. сов. делегации. М., 1968, с. 391.

А. Т. ХРОЛЕНКО

Репрезентативные пары слов в диалектном и устно-поэтическом аспектах

Стало уже общим местом утверждение, что наиболее плодотворны исследовательские усилия на стыке наук. Видимо, это справедливо и для исследований в пределах одной науки.

В современной отечественной филологии весьма активно изучаются диалектная и устно-поэтическая речь. На перекрестке этих двух направлений возникла проблема статуса языка фольклора. Не вдаваясь в рассмотрение ее, что само по себе является предметом специального исследования, отметим, что из двух противоположных мнений, сформулированных А. П. Евгеньевой (язык фольклора — функция диалекта) и А. В. Десницкой (язык фольклора — явление наддиалектное), до сих пор ни одно не возобладало.[1]

Несмотря на очевидное органическое взаимотяготение обоих направлений, диалектологи[2] не особенно активно использовали материалы народнопесенной речи. При этом язык фольклора либо представлялся специфической заповедной зоной, где можно отыскать реликтовые явления народного языка, либо совершенно отождествлялся с диалектной речью.[3] «Изучение языка народной словесности в XIX в. было одной из наименее разработанных областей русского языкознания. Оно сводилось, главным образом, к толкованию значений отдельных слов и повторяющихся постоянных формул, к общей характеристике языка произведений устного народного творчества, без учета особенностей того диалекта, на котором эти произведения создавались».[4]

---

[1] По нашему мнению, это не только свидетельство сложности вопроса, но и показатель того, что проблему следует сформулировать иначе и рассмотреть ее в различных ракурсах.

[2] Именно они были ударной силой филологии на этом фронте исследовательского наступления, в то время как изучающих язык фольклора было не в пример меньше, да и сама лингвофольклористика складывается в последние десятилетия.

[3] Известный сборник обрядовых и необрядовых песен, составленный М. Г. Халанским, именуется сугубо лингвистически — «Народные говоры Курской губернии» (СПб., 1904).

[4] Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год. М., 1955, вып. 3, с. 7.

В XX в. связь диалектологических и лингвофольклористических исследований стала теснее, однако диалектологические словари, как правило, игнорируют фольклорную лексику и поэтическую фразеологию устного народного творчества. Фольклорные устойчивые конструкции выведены за пределы описания диалектной фразеологии. «Пословицы, поговорки, фольклорные формулы и другие типы устойчивых оборотов, принадлежащих системе стилистико-речевых средств говоров, в состав словаря не включаются», — отмечает составитель диалектологического фразеологического словаря.[5]

В самое последнее время отношение к фольклорной лексике и фразеологии в диалектной лексикографии меняется. Знаменательно появление проблемных статей редактора «Словаря русских народных говоров» Ф. П. Сороколетова о месте языка фольклора в диалектных словарях.[6] Чрезвычайно полезны для лингвофольклористики глубокие и содержательные работы диалектологов Г. П. Князьковой,[7] А. Ф. Марецкой,[8] П. И. Павленко [9] и др.

В случае отсутствия исследовательского контакта между диалектологией и лингвофольклористикой в проигрыше оба направления. Диалектологи искусственно сужают пространство своих поисков, пренебрегают функциональным своеобразием, шире — многообразием явлений диалектной речи, обедняют свои выводы. Лингвофольклористы рискуют сделать неверные выводы о степени специфичности того или иного явления в устно-поэтической речи, «выявить» надуманные «закономерности». Например, семантика многих фольклорных слов и словосочетаний существенно отличается от семантики их литературно-языковых эквивалентов.[10]

---

[5] *Шестакова Е. Н.* Материалы к диалектному фразеологическому словарю Воронежской области. — Труды Самаркандского гос. ун-та. 1972. Нов. сер., вып. 237. Вопросы фразеологии, 6, с. 261. Не фиксируется фольклорная лексика и фразеология в «Словаре фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири» (Новосибирск, 1972), «Словаре русских донских говоров» (Ростов н/Д, 1975, т. 1), «Словаре смоленских говоров» (Смоленск, 1974, вып. 1).

[6] См.: *Сороколетов Ф. П.* 1) Произведения фольклора и диалектные словари. — В кн.: Диалектная лексика. 1973. Л., 1974, с. 193—204; 2) Народные песни как источник диалектных словарей. — В кн.: Диалектная лексика. 1974. Л., 1976, с. 5—12; 3) Диалектная лексика в языке народных песен: (На материале песен Дмитровского уезда Орловской губернии, собранных В. Н. Добровольским). — В кн.: Диалектная лексика. 1977. Л., 1979, с. 54—61.

[7] См.: *Князькова Г. П.* Памятники фольклора как источники изучения разговорной речи. — В кн.: Проблемы исторической лексикографии. М., 1977, с. 107—120.

[8] См.: *Марецкая А. Ф.* Из истории слова *виноград*. — В кн.: Диалектная лексика. 1977. Л., 1979, с. 90—100.

[9] См.: *Павленко П. И.* К вопросу о взаимодействии лексики русского литературного языка и народных говоров. — В кн.: Диалектная лексика. 1973. Л., 1974, с. 150—160.

[10] См.: *Хроленко А. Т.* Семантическая структура фольклорного слова. — В кн.: Вопросы теории фольклора: Русский фольклор, XIX. Л., 1979, с. 101—114.

Если пренебречь исследованиями диалектной семасиологии, всю специфику можно отнести за счет фольклорного текста. Однако конкретные диалектологические разыскания [11] вносят необходимые коррективы. Само по себе сопоставление лингвофольклористических и диалектологических наблюдений — мощный эвристический импульс. В изучении языка фольклора трудно преувеличитьзначение таких обобщающих работ диалектологов, как книга И. А. Оссовецкого «Лексика современных русских народных говоров» (М., 1982).

В творческом взаимодействии диалектологии и лингвофольклористики важны не только обмен конкретной исследовательской информацией и возможность более глубокой интерпретации собственных фактов, но и взаимообмен методологическими арсеналами, а также выработка надежных общих приемов анализа явлений народного языка.[12]

В чем причина все еще достаточно прохладного отношения диалектологов к материалу устного народного творчества? Во-первых, эта сфера использования народного языка весьма специфична. Отпугивает и многослойность языка фольклора,[13] и его диахроническая спрессованность. Фольклорное произведение способно мигрировать и при этом вбирать элементы различных диалектов. Во-вторых, — что является следствием «во-первых» — в фольклорных текстах сравнительно немного диалектизмов, и привлечение их к корпусу исследуемых фактов диалектологу практически ничего нового не дает.

Тезис о необходимости и эффективности более тесных исследовательских усилий диалектологов и лингвофольклористов попытаемся доказать на материале одной конструкции, которая традиционно звалась «двандва», а теперь чаще именуется репрезентативной парой. Имеем в виду «сближения грамматически самостоятельных слов» (А. А. Потебня) типа *отец—мать*, *гуси—лебеди*, *атлас—бархат* и т. п.

Статус этих конструкций в достаточной мере не определен. Устойчиво стремление ряда исследователей отнести рассматривае-

---

[11] См., напр.: *Андреева-Васина Н. И.* Прилагательное *красный* в русских народных говорах: (материалы к характеристике функционирования слова). — В кн.: Диалектная лексика. 1975. Л., 1978, с. 115—120; *Демидова Г. И.* О подаче сравнительной степени прилагательных и наречий в областном словаре: (на материале картотеки брянских говоров). — В кн.: Брянские говоры. Л., 1975, вып. 3, с. 40—46; и др.

[12] Например, все шире входят в практику лингвофольклористики методы картографирования, тем более, что есть, по мнению этнографов, «фольклорные диалекты» (см.: *Чистов К. В.* Фольклор и культура этноса. — Советская этнография, 1979, № 4, с. 7).

[13] Крестьянское искусство в силу своей традиционности ничего не выпускает и не теряет, и накапливаемое им богатство навеки сохраняется в единой сокровищнице, а потому «мертвый древний символ и живой образ действительности сочетаются в художественном творчестве в едином декоративном образе, в котором сквозит двойственное содержание, . . . однородная обработка старых корней и новых побегов сообщает рассматриваемому искусству совершенно своеобразный художественный склад» (*Воронов В. С.* О крестьянском искусстве. М., 1972, с. 44, 110, 312).

мое явление к разряду сложных слов,[14] поддерживаемое составителями словарей современного русского языка, включающих некоторые пары в качестве единых лексем. Однако преобладающим является взгляд на это явление как на факт синтаксиса.[15] Впрочем, представители обеих точек зрения допускают мысль о наличии значительного числа переходных случаев.[16] Неопределенность статуса «двандва» отразилась и в самой последней академической «Русской грамматике» (М., 1980).[17]

Полагаем, что двоякий, не считая компромиссного, подход к определению статуса нашей структуры обусловлен, во-первых, фразеологической природой рассматриваемого явления, а ведь известно, что синтаксическая структура, фразеологизуясь, неизбежно приближается к слову, отсюда непрекращающийся спор фразеологов о соотношении слова и фразеологизма; во-вторых, в поле зрения лингвистов попадают конструкции различного функционирования: те, что перешли в литературный язык, и те, что живут исключительно в ткани фольклорного произведения. Можно предположить, что статус конкретного словесного сочетания зависит от речевой среды: в фольклоре это живая синтаксическая структура в функции поэтического фразеологизма, а в нефольклорном использовании (литературный язык) — это сложное слово, что и позволяет включать его в словарь литературного языка на правах лексемы. Впрочем, механизм перехода из фольклорной в нефольклорную сферу и связанные с этим семантические преобразования в структуре слова требуют специального изучения.

Сопряженные конструкции, составленные из формально взаимонезависимых слов одной части речи, — характерная примета фольклорной речи, а потому общепринятым стало мнение о народно-поэтическом генезисе рассматриваемого явления.

Поскольку детальному описанию эта конструкция в русском литературном языке и диалектной речи не подвергалась, если не считать попутных замечаний в грамматиках и немногочисленных работ, не претендующих на полноту описания интересующего нас явления, мы в свое время провели специальное исследование.[18]

---

[14] См.: *Шанский Н. М.* Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, с. 271; *Ткаченко О. Б.* Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979, с. 176.

[15] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1949, с. 457.

[16] Ср.: «. . .оно (рассматриваемое сочетание. — *А. Х.*) стоит на границе между сложным словом. . . и двумя словами, соединенными союзом или соединительною паузой» (*Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, с. 457). См. также: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 641.

[17] В § 1820 «Приложения» есть примечание: «К приложению не относятся соединения двух слов, называющие сложно-составной предмет и по своему строению, функциям, а иногда и по сочетаемости приближающиеся к слову. . .» (с. 58).

[18] См.: *Хроленко А. Т.* 1) Сеялки—веялки. — Русская речь, 1972, № 4, с. 31—35; 2) Ассоциативные сочетания в русском языке. — Русский язык в школе, 1975, № 6, с. 79—81.

Собранный и систематизированный фактический материал показал, что это явление в языке художественной литературы и публицистики весьма продуктивно (*печенки—селезенки, подковы—гвозди, юбки—кофточки, мини—миди, апельсины—мандарины, барометры—термометры, физики—химики, синусы—косинусы, закрепители—проявители, протон—электрон* и т. п.). О продуктивности модели свидетельствует то, что в пары могут объединяться даже те слова, которые едва-едва вошли в речевой обиход.[19] У всех зафиксированных нами пар весьма отчетливый устно-речевой колорит.

Было бы весьма убедительно подкрепить сделанные выводы об устно-речевом характере модели наблюдениями над разговорной речью, в том числе диалектной.

Изучение русской разговорной речи началось сравнительно недавно. И хотя здесь уже есть несомненные успехи,[20] многие стороны разговорной речи остаются пока в тени, в том числе устно-речевая фразеология и семантика устного слова. Не сомневаясь, что репрезентативные пары присущи этой сфере речи (иначе откуда они в речи персонажей художественной литературы и публицистики), мы тем не менее пока не имеем достаточного материала для сопоставительного анализа.

Пока еще не стала предметом специального изучения интересующая нас конструкция в диалектной речи, хотя в научной литературе мы найдем замечания о наличии репрезентативных пар в говорах,[21] а в обобщающей работе Т. С. Коготковой содержатся выводы о парности слов как универсальном свойстве диалектной речи, стремящейся к экспрессии.[22] Даже беглый просмотр материалов картотеки Словарного сектора Института русского языка (Ленинград) позволяет увидеть значительное число примеров репрезентативных пар. Основательное изучение словесных пар в диалектной речи, видимо, подтвердит наше предположение, что явления фольклорной речи всегда имеют соответствия в нефольклорной (разговорно-бытовой) сфере языка, а рассматриваемая модель не является специфичной для устно-поэтического синтаксиса.

Специфика языка фольклора не в наличии тех или иных особых элементов, а в отборе, частоте и использовании тех языковых

---

[19] Наши выводы полярны мнению О. Б. Ткаченко. См.: *Ткаченко О. Б.* Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков, с. 175.

[20] Например: Русская разговорная речь. М., 1973. 350 с.

[21] См.: *Шапиро А. Б.* Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, с. 219—220.

[22] Ср.: «Это движение (речь идет о развитии ПК — парных конструкций. — *А. Х.*) идет, во-первых, по линии семантического упрощения одного из компонентов ПК — от объединения в ПК двух семантически близких и полноценных компонентов, через ПК, где один компонент уже десемантизируется, к ПК, где семантически значимым является лишь один компонент, другой же — морфологический формант; во-вторых, по линии нарастания фразеологической спаянности — от объединения в ПК лексически независимых друг от друга компонентов с более или менее свободным размещением

явлений, которые структурно, семантически и функционально гармонически соответствуют фундаментальным принципам народной эстетики и требованиям поэтики.

Исследуя репрезентативные пары в русской народной лирической песне,[23] мы обратили внимание на то, что они четко распадаются на две неравные группы. Самые частотные биномы немногочисленны. Соотнеся пары с лексико-семантическими полями (в фольклорно-песенном тексте их десять), обнаружили, что их количество соответствует числу полей и микрополей. Каждая пара представляет (репрезентирует) ту или иную область фольклорного мира. Продуктивность модели в устно-поэтической и нефольклорной формах речи пришла в известное противоречие со структурой фольклорного мира.[24]

Как используются репрезентативные пары в народно-песенном тексте, покажем на примере микрополей «ткани» и «одежда».

В народной лирике ткани представлены почти десятком репрезентативных пар. Большинство их — единичные конструкции, например: *тафта—камка* (Ефименко, с. 121), *парча—кумач* (Шейн, 884), *парча—бархат* (Лопатин, 19), *батист—парча* (Новгород, 13) и др. Ядро этого микрополя составляют *атлас—бархат*, *плис—бархат* и *кумач—китайка*. То, что мир тканей в русской лирической песне представлен сразу тремя репрезентативными парами, не случайно. Сравнение всех случаев их словоупотребления позволяет увидеть тонкую дифференциацию в функционировании этих пар.

Атлас—бархат обозначает ткани как некую ценность. Атласом—бархатом наполнен корабль, на атласе—бархате пишут письмо, в атласе—бархате хранится драгоценный камень:

Другое суденушко
С атласа́м, с бархата́м.

(Шейн, 386).

Напишу я грамотку
На атласе бархату,
На гербовом листу.

(Шейн, 551).

А излежался ты, камушек, между атласу,
Между атласу, между бархату,
Между той камкой мелкотравчатой,
Мелкотравчатой, узорчатой.

(Кир. П, 2, № 1617).

их в рамках одного высказывания к ПК фразеологически связанной, конструктивно единой с жесткой зависимостью одного (грамматического) компонента от другого, семантически значимого» (*Коготкова Т. С.* Русская диалектная лексикология, с. 90—91).

[23] См.: *Хроленко А. Т.* Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж, 1981, с. 58—96.

[24] За пределами устно-поэтических пар могут остаться сочетания, широко бытующие в разговорной речи. Яркий пример — пара *чай—сахар*, в картотеке Словарного сектора ИРЯ представленная многочисленными иллюстрациями. Приведем несколько наших примеров: Последним пришел местный кабатчик под предлогом, не нужно ли чаю—сахару (М. Салтыков-Щедрин); Да в амбар сходи, чаю—сахару из сундука достань (Ф. Абрамов); И он продолжает говорить: «Спасибо за чай—сахар» («Правда»).

Кумач—китайка использовано только в песенной ситуации «дарение» и является знаком подарка:

Дорогие те подарки, кумач да китайки.

(Прач, 83).

Случай будет в Мóскву ехать: куплю
два подарка
Я такия дорогия кумачу—китайки.

(Горький, 72).

Привезу подарки — кумачу, китайки.

(Печора, 229. То же: Ефименко, с. 83; Кир. П, 1, № 1398; Шейн, 425).

И *атлас—бархат*, и *кумач—китайка* ограничены не только сюжетно, но и локально: почти все отмеченные нами случаи принадлежат текстам, бытовавшим на Русском Севере.

Третья пара — *плис—бархат* — используется гораздо шире и без видимых ограничений сюжетного или локального характера. Плис—бархат покупают на платье (Васнецов, с. 227; Шейн, 502), на шубку (Шейн, 465), им украшают кровать (Васнецов, с. 11; Печора, 233), околочена шлюпка (Кир. П, 1, № 1269; Шейн, 868), нагружают корабль (Васнецов, с. 183), его покупают и дарят и т. п.

Покрышечку сокол кроет плисом-бархатом.

(Кир. т. 1, 319).

Плису—бархату куплю.

(Прибалтика, 292).

Рассыпалси драбен зямчюх, рассыпáлси,
Он па плису и па бархату разлятáлси.

(Хал., 39).

Не плису, не бархату девка закупала;
Закупала девка гербов лист бумаги.

(Ефименко, с. 63).

Плису, бархату купить,
Мне-ко милой подарить.

(Ефименко, с. 80).

Как я, молодец, во чужих-то людях живу,
Да не по плису я, не. . . не по бархату хожу.

(Кар. Пом., 91).

Плис—бархат и *атлас—бархат* обладают общим компонентом, поэтому в отдельных случаях возможно их перекрещивание:

Плису, бархату купил,
И я плису и атласу.

(Соб. XIV, 81).

Микрополе «одежда» представлено двумя более или менее частыми парами: *сюртук—шляпа* и *шубки—юбки*. Помимо них

несколько единичных пар, типа *варежки—перчатки* (Воронеж, 57), *картуз—жилетка* (Воронеж, 100).

Пара *сюртук—шляпа* отмечена в северных песнях XIX—XX вв.

Нать сиротку напоить, накормить,
В сертук, шляпу снарядить.

(Ефименко, с. 67).

Скинь-ко шляпу да сертук,
Повесь, миленькой, на крюк.

(Ефименко, с. 107).

— То вчера торговцы были,
Сертук, шляпу позабыли.

(Печора, 76).

Возможна лексическая замена одного из компонентов, не приводящая к разрушению устойчивого словесного комплекса:

Напои ты, накорми,
В сюртук—шапку наряди.

(Новгород, 123).

Если мужской костюм представлен конструкцией *сюртук—шляпа*, то женский — парой *шубки—юбки*.

Без шубки, б з юбки
И так тепло.

(Шейн, 614. То же:
Васнецов, с. 205).

Шубки, юбки скидавали, кафтаны вздевали.

(Соб. IV, 544).

Ой, Дуня, Дуня, моя Дуняшка,
Шубки—юбки пропила.

(Прибалтика, 183).

Пара может дополнять я третьим компонентом:

Ты купи, моя надежда, алого атласу,
На две шубки, на две юбки, на две телогрейки.

(Соб. IV, 722).

Везет, везет мне подарок дорогой:
Юбку, шубку, гарниторовый платок

(Воронеж, 133, Аналогично: Шейн, 425;
Кир. II, 1, № 1398).

Думается, что условием устойчивости пары является рифмовка компонентов. Вариация с заменой компонента единична:

Юбки—кофты скидывали, кафтаны надевали.

(Соб. IV, 545).

Подобное зафиксировано в XVIII в. В последующих вариантах закрепился только рифмующийся комплекс.

Диалектология — наука о пространственной дифференциации языка, поэтому для диалектолога закономерен вопрос: обнаруживается ли локальное своеобразие в использовании репрезентативных пар? Скажем сразу, что обнаружить его очень трудно. В монографии, посвященной поэтической фразеологии русского фольклора, мы вынуждены были констатировать следующее: «Нам пока не удалось заметить локального своеобразия в использовании частых репрезентативных пар, что говорит о единстве фольклорного мира в сознании носителей русской народной лирики и соответствующей ему фразеологии».[25]

И тем не менее кое-какие тенденции пространственной дифференциации существуют, хотя о них нужно говорить еще более осторожно, чем об эволюционных изменениях. Пока ограничимся констатацией некоторых наблюдений.

Только на Севере отмечена пара *конный—пеший*. В песенных текстах Севера встретилась нам конструкция *кумач—китайка*. Там же бытовал бином *сюртук—шляпа*. На Юге функционировал ее вариант *картуз—жилет* (Воронеж, 100).

На Севере *куница—лисица* обозначала мех, предназначенный для шитья шубы или дарения, на Юге *куница—лисица* — объект охоты, метафорического обозначения сватовства.

Частый бином *чай—кофе*, очень устойчивый во времени, в подавляющем большинстве случаев отмечен в текстах севернорусских. В песнях к югу от Москвы мы нашли два примера (Кир. П, 2, № 1804; Шейн, 467). В Молдавии в наши дни записан текст, в котором использован бином *чай—кофе*. Можно предположить, что русские носители песни в Молдавии — выходцы с севера.

В собраниях П. В. Киреевского и А. И. Соболевского обнаружен единственный пример бинома *ель—сосна*:

Ты елушка, сосенушка, ты сосенушка!
Из-под той ли елушки сокол вылетывал.

(Кир., П, 2, № 1803).

В сравнительно же небольшом сборнике «Фольклор русского населения Прибалтики» этот бином нам встретился несколько раз.

Зима и лето елка—сосна зеленая

(Прибалтика, 15).

Ах ты, елочка,
Ель—сосна зелена.

(Прибалтика, 44).

Что под елкой, под сосенкой,
Там сидели три сестрицы.

(Прибалтика, 105).

Пара *долы—горы*, зафиксированная в сборниках Чулкова, Прача, Трутовского, Ефименко и Истомина, встретилась в северно-

[25] *Хроленко А. Т.* Поэтическая фразеология русской народной лирической песни, с. 96.

русских песенных текстах, и только однажды в нестандартной песенной ситуации она отмечена южнее Москвы (Кир. П, 2, № 1945).

Бином *туча—гром*, как свидетельствует наша картотека, — тоже принадлежность севернорусских песенных текстов. То же можно сказать и о паре *мхи—болота*.

Трехсловная конструкция *утки—гуси—лебеди* в ситуации «молодая замешкалась» активно используется в вариантах одной песни в XIX в. В текстах XX в. она встречается только в записях Поволжья (Поволжье, 41; Горький, 57), на Севере же нами не отмечено ни одного случая. Диахронический аспект связан с локальным: в новое время использование структуры передвинулось к периферии великорусского песенного ареала. В печорской песне конструкция существенно трансформируется:

А-ой, призамешкалася
Не за утками — да за лебедками,
Ох-и все-то ле за серыми.

(Печора, 51).

Меняется ли система репрезентативных пар в процессе существования русской народной лирической песни? Ответить на этот вопрос сразу и не сомневаясь трудно. Песня фиксируется всего около двухсот лет, а для традиционного искусства с его стереотипностью, предельной устойчивостью художественных приемов этот срок сравнительно невелик. К тому же исследователь может охватить ограниченный материал.

На первый взгляд кажется, что все выявленные нами пары были, есть и, возможно, будут в народных песнях вне зависимости от того, где они бытуют. Однако значительное увеличение обследуемого материала и привлечение статистики, пусть даже самой простой, позволяют обнаружить некоторые тенденции в эволюции исследуемого типа поэтических фразеологизмов. Подчеркиваем, пока тенденции, а не строго сформулированные закономерности, потому что еще большее привлечение песенного материала и более изощренный взгляд на него могут внести коррективы в сделанные выводы.[26] Наши наблюдения можно систематизировать следующим образом.

Во-первых, одни биномы угасают, и это, пожалуй, самый активный процесс, который обусловлен самой судьбой русской традиционной крестьянской песни.

Сходит на нет использование пары *батюшка—матушка*. Если в сборнике Чулкова отметили 11 словоупотреблений, то во всех проанализированных нами сборниках XX в. только 2 случая (Воронеж, 132; Печора, 245).

---

[26] Ограниченность исследуемого материала может преподнести сюрприз: хотя это кажется весьма странным, но ни в одном из проанализированных нами песенных сборников XVIII в. не встретилась пара *хлеб—соль*, а в сборниках XIX—XX вв. она представлена широко.

Пара *род—племя* обнаруживает свой архаический характер. Сами существительные обозначают этнические общности зари человечества. В большинстве случаев бином встретился в песенных текстах, зафиксированных в XVIII и в первой половине XIX в. Наличие его в более поздних текстах — дань традиции. Можно предположить, что использование конструкции *род—племя* в лирической песне поддерживалось былинной традицией: заметное уменьшение частотности употребления ее во второй половине XIX в. совпадает с затуханием былинного творчества. Возможно, что здесь отразились и распад патриархальных отношений в крестьянской семье, и усиление индивидуального начала в народной лирике.

В текстах XX в. не зафиксирован термин *князья—бояре*. Его нет даже в обрядовых (свадебных) песнях XX в.

В XVIII и первой половине XIX в. достаточно активно использовалась пара *живот—сердце*. В сборниках XX в. нами отмечен всего один случай, да и то кардинально переосмысленный:

Ой, да у парнишки, да было да у девчонки
Да жи. . . ой, живо сердце рвётся.

(Печора, 16).

Только в сборниках XVIII в. (Чулков, Трутовский, Прач) отметили мы фразеологизм *сердце-радость-животочек*:

Ах ты, друг ли мой, дружочек,
Сердце-радость-животочек.

(Соб. IV, 421).

Во-вторых, возможны «вспышки» в использовании конкретного бинома. На примере судьбы конструкции *белила—румяна* можно проследить процесс возникновения и исчезновения репрезентативных пар. Бином этот в сборниках XVIII в. нами не отмечен, правда, в собрании Шейна мы нашли один пример с пометой «XVIII в.». В XIX в. конструкция эта достаточно широко используется в песенных текстах как севера, так и юга России, а в XX в. функционирование ее предельно сокращается. Только в сборнике «Песни Печоры» мы отметили один случай, да и то в записях 1929 г. На месте ее возможны другие пары, типа *помада—духи* (Новгород, 219). Видимо, изменения в быту определяют судьбу фольклорных реалий.

В-третьих, отдельные пары постепенно активизируются. Например, бином *плис—бархат* в сборниках XVIII в. нами не отмечен. Он появляется в XIX в., используется широко, без локальных ограничений и вытесняет *атлас—бархат* и *кумач—китайку*, употреблявшиеся в XVIII в. в севернорусских песенных текстах.

Обычно снижение активности того или иного бинома происходит пропорционально снижению активности самой русской традиционной песни. Исключение составляет бином *ельничек—березничек*, удельный вес которого даже увеличился. Продуктив-

ность этого словосочетания проявляется и в том, что оно встречается в новых песенных контекстах. Например:

Под ельничком, под березничком,
Под частым молодым под осельничком
Раскинулась душа Машенька.

(Горький, 92).

Да кабы тебя, реченька,. . .
Темным лесом заросло,
Да ельничком да березничком
Да молодым горьким осинничком.

(Печора, 174).

В-четвертых, репрезентативные пары могут структурно и функционально трансформироваться. Прежде всего это касается самых устойчивых биномов. Например, инверсия бинома *отец—мать* в сборниках XVIII в. не отмечена. Она фиксируется только в записях XIX—XX вв.

Бином *калина—малина* с течением времени все чаще и чаще выступает в функции рефрена, при этом меняется его морфемный состав: в XVIII—XIX вв. мы имели формы *калина—малина*, *калинушка—малинушка*, в XX в. закрепляется и форма *калинка—малинка*. *Калина—малина* в XX в. может даже стать термином, обозначающим песню определенного содержания. Ср.:

А пойте-то эту долгу песню,
Спойте калину да малину.

(Пинежье, 59).

Пары *куницы—лисицы* и *зайка—горностайка* не зафиксированы в песенных текстах XX в. Вместо них находим пару *лисицы—зайцы*, которая нам кажется контаминацией исчезнувших обеих пар. *Куница* утратило свое символическое значение и не поддержанное реалией заменилось существительным *зайцы*, тем более, что оно довольно устойчиво следовало за парой *куницы—лисицы*:

— Он уехал в лес, за лисицами,
Ну, за лисицами, да за зайчиками.

(Горький, 28).

— Да ведь братец ваш поехал на охотушку,
За зайцами, да за лисицами,
Да за красными девицами.

(Воронеж, 111)

Аналогичную структуру можно найти в песенном тексте, записанном Шейном на Украине (Шейн, 897).

Наблюдения можно подытожить так: модель репрезентативных пар продуктивна, а потому устойчива, каждая же конкретная, лексически уникальная конструкция, построенная по этой модели, может подвергнуться эволюционным изменениям.

Дальнейшее изучение фольклорной фразеологии вообще — а именно она, по нашему глубокому убеждению, определяет лицо русской устно-поэтической речи — и парных конструкций в частности (репрезентативные пары — это только небольшая часть их) настоятельно требует предварительного исследования таких вопросов, как семантика диалектного слова и фразеологизма, особенности связи слов в разговорной речи, семантика фольклорного слова и устойчивых словесных комплексов. Это вопросы прежде всего диалектологические, и разрешение их означило бы существенный прогресс не только в науке о языке фольклора, но и в науке о народно-разговорной речи.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Васнецов	— *Васнецов А.* Песни северо-восточной России. М., 1894.
Воронеж	— Народные песни Воронежской области / Под ред. С. Г. Лазутина. Воронеж, 1974.
Горький	— Песни и сказки пушкинских мест: Фольклор Горьковской области / Под ред. А. Д. Соймонова. Л., 1979, вып. 1.
Ефименко	— Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собр. П. С. Ефименко. — Изв. Об-ва любителей естеств., антропол., этногр., 1878, т. 30.
Кар. Пом.	— Русские народные песни Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л., 1971.
Кир. П, 1; П, 2	— Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1917—1929. Нов. сер. Вып. 2, ч. 1, ч. 2.
Кир. т. 1	— Собрание народных песен П. В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / Подг. А. Д. Соймонова. Л., 1977, т. 1.
Лопатин	— *Лопатин Н. М., Прокунин В. П.* Сборник русских народных лирических песен. М., 1889, ч. 1.
Новгород	— Традиционный фольклор Новгородской области / Ред. А. А. Горелов. Л., 1979.
Пинежье	— Обрядовая поэзия Пинежья: (Русский традиционный фольклор в современных записях). М., 1980.
Печора	— Песни Печоры: (Памятники русского фольклора). Л., 1963.
Поволжье	— Русские народные песни Поволжья. Л., 1959. Вып. 1. Песни, записанные в Куйбышевской области.
Прач	— Собрание народных русских песен с их голосами / На музыку положил Иван Прач. СПб., 1790.
Прибалтика	— Фольклор русского населения Прибалтики. М., 1976.
Соб. IV	— Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895—1902, т. I—VII.
Хал.	— *Халанский М. Г.* Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904.
Шейн	— Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. / Материалы собраны и приведены в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898, т. 1, вып. 1; СПб., 1900, вып. 2.

Г. И. ДЕМИДОВА

Количественные числительные в южнорусских деловых документах XVII в.

Имена числительные давно привлекали внимание лингвистов своеобразием своего значения, формообразования и употребления. В историческом аспекте числительные изучались главным образом по памятникам севернорусского происхождения, южнорусские же источники к анализу почти не привлекались, хотя общеизвестно, что невнимание к фактам южнорусской письменности нередко приводило к ошибкам в установлении генезиса грамматических форм или конструкций, их территориального распространения, а вместе с тем и к неверной оценке их роли в истории русского языка в целом, в его устной и письменной разновидностях.[1]

В славянских языках числительные — относительно новая часть речи, и «в период создания древнейших восточнославянских памятников такого разряда имен (числительное как часть речи) выделить нельзя»,[2] хотя по своей семантике они и отличались от других лексико-грамматических разрядов слов. Общим значением всех числительных является числовой отвлеченный признак, не заложенный в природе имени, в предмете. Числительное более других частей речи, выражающих «число», «количество», «стремится к освобождению от отягощающих его собственную семантику дополнительных оттенков значения».[3]

По своей семантической природе числительные неоднородны. Количественность выражается ими по-разному, отсюда и традиционное разделение их на разряды: определенно-количественные числительные (обозначают и число, и количество), собирательные (выражают количество и непосредственно соотносятся с числом), неопределенно-количественные (обозначают только количество или указывают на него). Но даже в пределах одного разряда числительные древнерусского периода были семантически разными. Так, Л. П. Якубинский полагал, что числительные «*два*, *три*,

[1] См.: *Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980, с. 139.

[2] *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981, с. 267.

[3] См.: *Супрун А. Е.* Число и числительное. — В кн.: Сознание и действительность. Фрунзе, 1964, с. 18.

четыре являются более отвлеченным обозначением количества, обозначением количественного признака предмета, в то время как *пять* и др. сами являются еще предметными обозначениями совокупности из *пяти*, *шести* и т. д. предметов», что *два*, *три*, *четыре* «являются уже подлинными числительными, названиями отвлеченных чисел, определений; *пять*, *шесть* и др. — еще сохраняют конкретность обозначения числа».[4]

Грамматические признаки, позволяющие в современном языке выделять числительные в особую часть речи (своеобразие сочетаемости числительных с существительными, отсутствие, как правило, категории рода и числа, специфика словоизменительных парадигм), в древнерусский период были иными. Общая эволюция числительных как самостоятельной части речи проходила несколько позже, чем существительного, прилагательного, очевидно, поэтому развитие грамматических средств у них шло в направлении образования известных аналогий с формами существительных или прилагательных. Так, *один*, *два*, *три*, *четыре* приравнивались к именам прилагательным, ибо они имели категорию рода, числа и падежа, в словосочетании с существительным выступали в роли определения; слова свыше *четырех* (*пять*, *десять*, *сорок*, *девяносто* и др.) были существительными, обладали категорией рода, числа, падежа и, подобно существительным, могли определяться прилагательными, местоимениями, в предложении они управляли приименным дополнением, употреблялись в роли подлежащего и дополнения.[5] Таким образом, и семантически, и грамматически числительные не имели однозначной характеристики.

Предметом изучения в данной работе являются определенно-количественные числительные. Именно они являются основным лексическим ядром числовых обозначений и служат словообразовательной базой для всех остальных разрядов числительных. К анализу привлечены памятники деловой письменности XVII в., относящиеся территориально к современной восточной и южной части Брянщины (использованы печатные и рукописные тексты, написанные в Брянске, Карачеве, Трубчевске, Севске, Комаричах). Учтены также показания современных брянских говоров. Таким образом, в статье предпринято обследование крайних западных, периферийных говоров южновеликорусского наречия XVII в. в перспективном плане (от прошлого их состояния к современному).

Числительные пять—десять. Числительные данной группы выделились из класса существительных и в XVII в. при своем словоизменении сохраняют связь с этой частью речи: они склоняются по образцу существительных жен. рода старой **i*-основы. Род. пад.: башня. . . с кровлею *девяти* сажен, ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679—1681 гг., л. 1006 об.; *до пети* ведръ вина, ИНРЯ,

[4] *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953, с. 221.

[5] См.: *Истрина Е. С.* Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пг., 1923, с. 18—19.

Карачев, л. 2; у него детеи Прошка *десяти* лет да Сенка *пяти* летъ, ГАКО, ед. хр. 35, Карачев, 1685 г., л. 4; пищаль. . . длиною трехъ аршин *семи* вершков, ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1691 г., л. 334 об. Дат. пад.: у того зелезного погреба бывают на корауле брянские пушкари *по десяти* человекъ, ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679—1681 гг., л. 946; ядро *по семи* гривенокъ, там же, л. 1038; *по пяти* алтынъ з двора, ИНРЯ, Карачев, л. 1. Вин. пад.: конь гнедъ. . . *за осмъ* рублев, Вкл. кн., л. 32—33; драгуном дано. . . *десять* дестей пишей бумаги, ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1679 г., л. 187 об.; и др. Формы тв. пад. не зафиксированы. Предл. пад.: у него ж Ивана в приеме вместо наличьныхъ же таможенных и кобацких денегъ *в десяти* рублехъ росписка дана, ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679—1681 гг., л. 1046 об., и др.

При обзоре приведенных числительных обращает на себя внимание прежде всего некоторое фонетическое своеобразие. Во-первых, числительное *восемь* чаще всего прослеживается без протетического *в*: *осми* чети, Южн. отк. 2, 1621 г., л.. 48 об.; конь буръ лысъ *осми* летъ, конь гнедъ. . *за осмъ* рублевъ, там же, л. 32—33. Такое же оформление имеют и сложные числительные, составным компонентом которых является *восемь*: *асмнатцать* чети с *асминаю*, Южн. отк. 2, 1631 г., л. 256; *к осмидесят к осми* четвертам, там же, 1623 г., л. 102 и др. Вместе с тем в изучаемой локальной письменности отмечаются и народно-разговорные формы с протетическим звуком *в* перед ударным начальным губным *о*: пустых крестьянских селищь *восмъ*, Южн. отк. 2, 1623 г., л. 101 об.; девеноста *восмъ*, там же, 1621 г., л. 46, 48 и др.; до бортного дуба сто *восмъ* десят *восмъ* сажен, ГАКО, ед. хр. 36, Комаричи, 1685 г., л. 2; от ямы двесте *восмъ* саженъ, там же, л. 2; и др. Но подобные образования с протетическим звуком литературный язык еще не кодифицировал. Нормой были словоформы без протезы. Об этом свидетельствуют и показания «Уложения 1649 года»,[6] и ориентированная на книжно-славянские традиции грамматика М. Смотрицкого.[7] В то же время «Русская грамматика» Г. В. Лудольфа, предназначенная для обучения иностранцев русскому разговорному языку, числительное *восемь* и производные от него приводит только с протетическим *в*.[8] Небезынтересно отметить, что в современных брянских говорах можно услышать словоформы и с *в*, и реже без него: *восем* лет девочке (Погар. Джуровка), *восемь* рублей дал (Трубч. Кветунь), *осемь* классов кончыл (Сузем. Чухраи), зачинають *у осемь* утра и раньшы кто (Трубч. Арельск) и под. Это подтверждает мысль о том, что «на любом срезе системы языка сосуществуют явления различной хронологической данности (инновации наряду с архаизмами)».[9]

---

[6] См.: *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 года. М., 1953, с. 319.

[7] Грамматіки славенския правилное синтагма Мелетія Смотрицкого. Еве, 1619, с. 23.

[8] *Лудольф Г. В.* Русская грамматика. Оксфорд, 1696; Переиздание/ Пер., вступит. статья и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937, с. 92.

[9] *Чикобава Арн.* Историзм и лингвистика. — ВЯ, 1980, № 6, с. 7.

Во-вторых, в числительном *восемь* еще отсутствует вставочный звук *е*, развивавшийся в им.—вин. пад. после падения редуцированных в конечном сочетании согласного с сонорным. Новообразованная форма с вставочным *е* встретилась только в частной переписке карачевских помещиков Масловых — *восемъ*, ИНРЯ, л. 24.

В-третьих, в локальной письменности числительные *семь*, *восемь* прослеживаются главным образом с твердым конечным губным *м*: *сем* дворищь, Южн. отк. 2, 1621 г., л. 46, 47 об.; селищь *восемъ*, там же, 1623 г., л. 101 об.; сто *восемъ* десят чет в поли, ГАКО, ед. хр. 35, Карачев, л. 2; и др. Словоформы с мягким *м* единичны, они преимущественно встречаются в производных образованиях: *на восмьдесят* на пят чети, Южн. отк. 2, 1647 г., л. 975; *восмьсотъ восмь* десят саженей, ГАКО, ед. хр. 30, Комаричи, 1678 г., л. 12; пашни *семьдесятъ* чет, там же, ед. хр. 35, Карачев, 1685 г., л. 2; и под. Известно, что для любого писца периферии XVII в. образцом был деловой приказной язык Москвы. Московские же писцы несомненно учитывали нормы грамматик и в первую очередь лучшую для того времени грамматику М. Смотрицкого, которая в данном случае рекомендует форму *осмь*.[10] Очевидно, написания *сем*, *восем* в брянских текстах свидетельствуют не только об отступлении от кодифицированной нормы того времени, но, самое главное, указывают и на конкретную фонетико-грамматическую особенность говора брянских писцов, которые не были последовательными в передаче на письме конечного губного *м*. По мнению Ф. П. Филина, отвердение губных в абсолютном конце слов, где имелась возможность аналогичных воздействий мягкого произношения, началось в XIV в., но было далеко не повсеместным. Оно оказалось закономерным на всем юго-западе и является нормой современного украинского и белорусского языков. На русской же территории, по его словам, «указанное отвердение захватило южные и западные говоры южновеликорусского наречия, западную часть средневеликорусских говоров и многие говоры северновеликорусского наречия (особенно северно-западные)».[11] Приведенные выше примеры числительных *сем*, *восем* из брянских источников XVII в. полностью согласуются с указанным положением Ф. П. Филина, ибо брянские говоры — это крайняя западная часть южновеликорусского наречия. В говорах современной Брянщины наряду с обычными формами числительных *семь*, *восемь* довольно часто наблюдаются и образования с твердым *м*: *сем* дней ишол пешком (Красногор. птоновка), *восем* лет хлопцу и *сем* лет девочке (Погар. Джуровка), *восем* рублей (Луков. Ходиловичи), *сем* домов сгорело (Дубров. Алешенка), где *сем*, там и *восем* (Севск. Заулье) и др. Таким образом, конечный твердый звук *м* устойчиво сохраняется у числительных *сем*, *восем* до сих пор. По-видимому, наличие

[10] Грамматіки славенския. . ., с. 23.

[11] *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 330.

подобных образований в материалах локальной письменности нельзя считать чем-то случайным, никак не связанным с особенностями живой брянской речи того времени. И наоборот, числительные *пять*, *шесть*, *девять*, *десять* во всех документах XVII в. отмечаются и с мягким и с твердым *т*. Но показания с твердым *т* не могут служить доказательством локального варианта форм числительных, не могут говорить об отклонении в произношении писцов в сторону диалектной речи, ибо писцы XVII в., как известно, часто смешивали в написании ъ и ь, а иногда просто их опускали. Доказательств тому множество. Приведем один пример. В «Карачевских писцовых книгах» на одном листе находим: сто *десять* четъ, сто восмъ *десят* чет в поли, пашни *пятдесят* чети, ГАКО, ед. хр. 35, 1685 г., л. 2.

С синтаксической точки зрения в сочетании числительных *пять—десять* с существительными отступлений в сравнении с современным русским литературным языком в письменности XVII в. нет: в им.—вин. пад. числительные управляют существительным в род. пад. мн. ч., в косвенных падежах числительные согласуются с существительным. По наблюдению В. Егорова, согласование числительных *пять—десять* в косвенных падежах с существительными отмечается уже в древнерусском языке, а с XV в. превращается в общее правило.[12] Из этой закономерности выпадает лишь форма дат. пад. с предлогом *по*: на корауле брянские пушкари *по десяти человекъ*, ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679—1681 гг., д. 946 об.; ядро *по семи гривенокъ*, там же, л. 1038; *по пяти алтынъ* з двора, ИНРЯ, л. 1; и др., где в сочетании с числительным дат. пад. употреблено существительное в род. пад. мн. ч., т. е. принцип согласования нарушен. Количественно-именные сочетания подобного типа, по замечанию З. Д. Поповой, «имеют грамматическое значение, обусловленное синтаксико-морфологическими факторами: семантикой числительного и распределительным значением формы *по*+дат. пад., необходимым в сочетаниях с существительными мн. ч.».[13] В современной разговорной речи сочетание предлога *по*+дат. пад. числительного активно вытесняется сочетанием *по*+вин. пад. числительного.[14] Это свойственно и современным брянским говорам: дают *по пять рублей* (Клетнян. Мармазовка), входите *по пять человек* (Карач. Карачев) и др. Существительное при таком сочетании сохраняет форму род. пад. мн. ч.

Числительные одиннадцать—двенадцать. Числительные второго десятка в древнерусском языке представляли собой словосочетание, состоящее из трех компонентов: *одинъ на десяте*, *дъва*

---

[12] См.: *Егоров В.* Согласование числительных с существительными в великорусских юридических памятниках XV—XVII вв. — Филологические записки, Воронеж, 1916, вып. 4—5, с. 476.

[13] *Попова З. Д.* Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в. Воронеж, 1969, с. 173.

[14] См.: *Попова З. Д.* Употребление падежных и предложно-падежных форм в современном русском литературном языке. Воронеж, 1971, с. 56.

на десяте и под. К XIV в. у них уже произошло слияние составных частей в одно слово.[15] Преобразование составляющих компонентов сопровождалось фонетическими и грамматическими изменениями: вместо управляемого *на десяте* появилось фонетически упрощенное *нацать*, в котором конечный заударный *е* (флексия старого местного пад. основ на согласный) сократился, а стоящие рядом *д* и *с* слились в аффрикату *ц*. В таком виде, например, представлены числительные второго десятка в грамматике Г. В. Лудольфа. В брянских источниках XVII в. написание второй части у анализируемых числительных приближено к современному — *тцать* (с закономерным для произношения оглушением *д* перед *ц*): *пятнатцать* чети в полп, Южн. отк. 5, 1643 г., л. 622 об.; *восемънатцать* рублей, ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679 г., л. 962; свинцу двести *семьнатцать* пуд, там же, л. 1040 об.; *адиннатцать* топоровъ, там же, л. 1043; *осмнатцать* крышек, ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1691, л. 336 об.; *семнатцать* пил, там же, л. 337 об.; и др.

Заслуживает внимания и особенность написания первой части сложного числительного с сохранением мягкости конечного согласного в названии единиц: свинцу двести *семьнатцать* пуд, ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679—1681 гг., л. 1040 об. В подобных образованиях возможно видеть нечто вроде переходных форм, в которых процесс лексикализации словосочетания в одно слово не доведен до конца, ибо в них еще просматривается старый морфемный состав числительного.

Образования, в которых бы отчетливо проступала их былая трехкомпонентная структура, редки, но их можно встретить в текстах разных регионов. Так, в севернорусской письменности XVI—XVII вв. их отмечала С. М. Глускина,[16] имеются они и в выписи из «Карачевских писцовых книг»: детей *двинадесяти* летъ, ГАКО, ед. хр. 35, 1685 г., л. 3. Но для языка XVII в. они были формами архаическими, присущими книжно-славянскому литературному языку.

Склонение числительных второго десятка находилось на переходном этапе. В косвенных падежах изменению были подвержены обе части словосочетания по образцу существительных с основой на *—*i* (как *кость*), например: ко сту *к девятинотцати* четвертям, Южн. отк. 2, 1635 г., л. 577 об.; ко сту *к петинатцети* четям, Южн. отк. 5, 1643 г., л. 636; и под.

Приведенные словоформы указывают также на то, что между компонентами словосочетания сохраняются отношения согласования. Брянские материалы в этом отношении не представляют какого-либо своеобразия. Аналогичные формы известны и по «Уложению 1649 г.» — важнейшему памятнику московского приказного языка 40-х годов XVII в. и по другим источникам XVI—

---

[15] *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка: Морфология. М., 1953, с. 181.

[16] См.: *Глускина С. М.* Сложные числительные в истории русского языка. — Учен. зап. Псковского пед. ин-та, Псков, 1961, вып. 7, с. 9.

XVII вв.[17] П. С. Кузнецов высказал сомнение, чтобы подобное словоизменение числительных второго десятка было характерно для живого разговорного языка XVII в. По его мнению, эти формы «являются результатом смешения старых книжных форм с формами, свойственными разговорному языку».[18] Против данного предположения убедительно возражает С. М. Глускина: «Вряд ли искусственные образования, никогда не отражавшие разговорного языка, получили бы такое широкое повсеместное распространение в письменности разных жанров, в частности, в деловой. . . это не искусственные, а живые образования, только свойственные языку более древнего периода».[19]

В деловых источниках XVII в. отмечаются и новообразованные формы — с изменением у числительного только второй части: камки черной да белой *по шестнатцати* аршин, ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1679 г., л. 185 об.; ценою *по петнатцети* алтын, за ечмен и за овес, ИНРЯ, л. 96. Но подобные формы были еще редкими как в брянской письменности, так и в памятниках других регионов. С установлением парадигмы с изменением только второй части словосочетания сложного числительного наступает окончательный процесс его лексикализации.

Числительные двадцать—тридцать. Для обозначения двух и трех десятков в древнерусском языке использовались словосочетания из двух слов — *дъва десяти*, *три(е) десяте*. Синтаксическая связь между компонентами определялась категориальным значением числительных *два*, *три*. Они были прилагательными, согласовавшимися с именами исчисляемых предметов как со своими определяемыми: в словосочетании *дъва десяти* обе части изменялись по дв. ч., в *три(е)десяте* — по мн. ч. На протяжении истории языка в приведенных формах числительных произошли существенные изменения, связанные с лексикализацией, с преобразованием словосочетания в одно слово: составляющие элементы словосочетания постепенно срастаются, ударение получает только первая составная часть, а вторая фонетически редуцируется в *-дцать* (*-тцать*).

В исследуемой региональной письменности XVII в. представлены только лексикализованные образования, утратившие согласование частей: *дватцать* чети, Южн. отк. 2, 1621 г., л. 47; *тритцат* сем четверти, там же, 1623 г., л. 103; доходовъ *дватцать* рублевъ, ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679—1681 гг., л. 962; *на тритцать* на один алтынъ, там же, л. 1046; и под.

Во «Вкладной книге брянского Свенского монастыря» встречаются и архаические, книжно-славянские формы: *двадесять* рублей, л. 1; *двадесять* рублевъ, л. 5; *тридесять* рублевъ, л. 4. Подобные образования известны по «Славенской грамматике»

[17] См.: *Черных П. Я.* Язык Уложения 1649 г., с. 319; *Соколов А.* О языке и правописании в документах XVII в. — РФВ, 1891, № 3, с. 126; *Глускина С. М.* Сложные числительные. . ., с. 10—12.

[18] *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика. . ., с. 182.

[19] *Глускина С. М.* Сложные числительные. . ., с. 12—13.

М. Смотрицкого. Но они уже не были свойственны языку XVII в., тем более живой народно-разговорной речи. Не случайно Г. В. Лудольф в «Русской грамматике» приводит только формы *двадцать, тридцать*. Очевидно, в живой речи он уже не слышал старых образований, хотя и замечал: «Большинство русских, чтобы не казаться неучами, пишут слова не так, как произносят, а так, как они должны писаться по правилам „Славянской грамматики“».[20] Приведенные архаические формы числительных не показательны для местной брянской речи XVII в. еще и потому, что отмечены они в деловых монастырских документах, а как подчеркивал С. И. Котков, «писцы из монастырских старцев могли быть по происхождению и из других краев России. Поэтому свойственные местной речи явления фонетики и грамматики в их записях могли и не получить отражения. Безусловно, препятствовало этому отражению и знакомство старцев с церковной книжностью».[21]

Склоняются числительные *двадцать, тридцать*, как простые слова — с изменением только конечной части по образцу старой **i*-основы: *по дватцети* алтын с копейкою, ИНРЯ, л. 96; *к трицати* к пятии четям, Южн. отк. 5, 1649 г., л. 791 об.; по челобитию брянских пушкарей Бориса Чатова с товарищи *двадцати* семи чловкъ, ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679—1681 гг., л. 960; и др. Формы тв. пад. числительных в анализируемых источниках XVII в. не зафиксированы.

Историками языка установлено, что «в процессе формирования числовых наименований в часть речи противопоставление форм прямого—косвенного падежей, наметившееся в склонении названий 5—20 (и далее), становится специфической особенностью словоизменения числительных — с тенденцией к утрате «особой» формы творительного».[22] Тенденция к двупадежности, наметившаяся в прошлом, особенно четкое отражение нашла в диалектной речи, в том числе и в брянских говорах: мороз *до тридцати* градусов бувае (Сузем. Чухраи), *к тридцати* годам и стажу нету (Севск. Быки), больше *двадцати* рублей украли (Брас. Городище 2-е). Форма тв. пад. совпадает с другими косвенными падежами: *с двадцати* рублями (Брас. Красный Колодец), я ж работала, теперичя *с двадцати* годами стажу (Клетн. Новотроицкое), *с тридцати* коровами управляемся быстро (Севск. Быки), и под.

Числительные пятьдесят—восемьдесят. Указанные числительные образовывали словосочетания, состоящие из названий единиц *пять—восемь* и формы род. пад. мн. ч. *десять*. В локальной письменности XVII в. у них зафиксирована древняя словоизме-

---

[20] *Лудольф Г. В.* Русская грамматика, с. 114.

[21] *Котков С. И.* Монастырские фонды рукописей во Владимирском областном архиве XVII—нач. XVIII в. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 214.

[22] *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика. . ., с. 272—273.

нительная парадигма, в косвенных падежах склонению подвержена только первая часть словосочетания: *штидесят* осми чети, Южн. отк. 2, 1621 г., л. 48 об.; *к осмидесят* к осми четвертямъ, там же, 1623 г., л. 102; к двусот *к петидесят* к семи четмъ Южн. отк. 5, 1632 г., л. 200; *к осмидесят* четям, там же, 1643 г., л. 636; *по пятидесят* чети члвку, там же, 1643 г., л. 664; и др. Подобное словоизменение отмечается не только в памятниках южнорусской письменности. Оно известно и по источникам других регионов, в частности в западнорусской письменности XVI—XVII вв.[23]

Более длительное сохранение старого типа склонения у числительных рассматриваемой группы по сравнению с *одиннадцать—девятнадцать, двадцать—тридцать* объясняется тем, что связь у них с числительными *десять* ощущается яснее, отчетливее, чем в других группах числительных, у которых элементы *-надцать* и *-дцать* превратились в словообразовательные суффиксы. У числительных *пятьдесят—восемьдесят* еще встречается раздельное написание составных частей словосочетания, что можно расценивать как факт переходного типа, в котором еще не произошло полного слияния компонентов. Так, в «Списках полковых припасов в г. Севске 1691 г.» находим: *пять десять* боробанов, *пять десять* ремней, ЦГАДА ед. хр. 98, л. 337; *пять десять* лопатъ железныхъ, там же, л. 337 об. В других рукописях: восмьсот *восмь десят* саженей, ГАКО, ед. хр. 30, Комаричи, 1678 г., л. 10; сто *восмъ десят* чет в поли, ГАКО, ед. хр. 35, Карачев, 1685 г., л. 2; и др. О неполном слиянии компонентов словосочетания может свидетельствовать и то, что названия единиц *семь, восемь* прослеживаются и с мягким и с твердым *м*, что указывает на меньшее забвение этимологии числительных.

Из истории языка известно, что у числительных группы *пятьдесят—восемьдесят* синтаксические отношения между составляющими частями словосочетания изменились: управление заменилось согласованием, при этом первая часть стала склоняться по типу **i*-основ, а вторая стала согласовываться с ней.[24] Новые формы словоизменения по памятникам известны уже с XV в.[25] Однако в брянской письменности XVII в. такие формы не отмечены.

В настоящее время склонение числительных с изменением обеих составных частей свойственно русскому и белорусскому литературным языкам. В украинском языке у рассматриваемых числительных изменению подвержена только вторая часть (по образцу *пять*) хотя могут быть и параллельные формы с изменением обеих частей.[26]

---

[23] См.: *Глускина С. М.* Сложные числительные. . ., с. 17—18.

[24] См.: *Шахматов А. А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 307.

[25] См.: *Глускина С. М.* Сложные числительные. . ., с. 17—18.

[26] См.: *Букатевич Н. И., Грицютенко И. Е., Мижевская Г. И.* и др. Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков. Одесса, 1958, с. 142.

В говорах современной Брянщины, с одной стороны, встречаются формы косвенных падежей с изменением обоих компонентов словосочетания, как в литературном языке: бапке этой уже больше *семидесяти* годов (Брас. Кретово), овец около *шестидесяти* будя (Сузем. Чухраи), и под. С другой стороны, наблюдаются образования с сильной редукцией первой части сложения: *с писяти* пяти получила пензию (Трубч. Красное), *с писяти* рублями пришол (Брас. Веженка), *пиисяти* рублям расплатился (Погар. Джуровка), ему лет больше *писяти* буде (Почеп. Буда), и др. В приведенных формах с одним падежным окончанием во второй части словосочетания, вероятно, можно видеть завершение процесса лексикализации, ибо способность каждой части словосочетания изменяться по-своему есть проявление их некоторой структурной и семантической самостоятельности, а утрата такой способности свидетельствует о происшедших внутренних сдвигах в слове.

Числительные сорок, девяносто, сто. В письменности XVII в. эти числительные сохраняют еще свое старое склонение по образцу существительных **о*-основы ед. ч. Например, род. пад.: *с сорока* с одного двора, ЦГАДА, ед. хр. 98, Брянск, 1679 г., л. 155; пришли работники. . . *с сорока* с семи дворовъ, там же, л. 155; *со ста* с четырнацати дворовъ, там же, л. 150; дат. пад.: *ко сту к девяносту* к осми четвертямъ, Южн. отк. 2, 1634 г., л. 445; *ко сту к сороку* къ двемя четвертемъ, там же 1641 г., л. 735; дано *девеносту* пяти члвком, ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679—1681 гг., л. 960 об.; вин. пад.: *во ста* по пятидесят чети, Южн. отк. 5, 1624 г., л. 34, 1643 г., л. 664; предл. пад.: а бежали те крестьяне *во сте* тридесят пятом году, бежал *во сте* педдесятом году, Южн. отк. 5, 1644 г., л. 638 об.

Отчетливая связь словоизменения данных числительных с существительными в XVII в. не была узко локальным явлением. Это была характерная черта парадигмы числительных собственно восточнославянского происхождения. И это можно проследить по многим источникам,[27] об этом же свидетельствует и грамматика М. Смотрицкого.[28]

В дальнейшей истории языка произошло отмежевание числительных *сорок*, *девяносто*, *сто* от существительных, что повлекло за собой и изменение их склонения. Для данных числительных установились две падежные формы: одна для им.—вин., другая — для остальных падежей. В современных брянских говорах словоизменительная парадигма совпадает с нормативным склонением: *девяносто* один дом остался у Навли после войны (Навл. Навля), *ста* коров у нас нема (Сузем. Чухраи), у тебе и *сорок* рублей нет (Сузем. Чухраи), усимы *ста* коровамы (Почеп. Буда), и др.

---

[27] См.: *Булаховский Л. Н.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958, с. 201; *Шахматов А. А.* Историческая морфология. . ., с. 307—308; и др.

[28] Грамматіки славянския. . ., с. 23.

Свойственные отдельным русским говорам архаические образования тв. пад. мн. ч. типа *сороками, девяностами, стами* [29] в брянских говорах не отмечены. Но встретилась субстантивированная форма числительного *сорок* во мн. ч.: *На сóрыки*, как птичку с теста делаешь, чибики, у школы дети принесут, чей красивше (Брас. Хутор Холмецкий). Приведенная словоформа представляет собой вин. пад. старого словоизменения числительного *сорок* по мн. ч., причем с сохранением этимологического ударения слова.[30] В свободном употреблении подобные формы не зафиксированы.

Числительные двести, триста, четыреста. Для обозначения двух, трех, четырех сотен в древнерусском языке использовалось словосочетание, образованное путем умножения 2—4 на *сто*. Отношения между компонентами словосочетания строились по способу согласования: *дъвѣ сътѣ* (по дв. ч.), *три* (*четыре*) *ста* (по мн. ч.), что обусловлено грамматической природой числительных-прилагательных *два, три, четыре*. С исчезновением категории дв. ч. у числительного *дъвѣстѣ* вторая составная часть *сто* стала изменяться по мн. ч. Это повлекло за собой фонетическое преобразование формы им.—вин. п.: конечный безударный *ѣ* стал более закрытым и сблизился с *и*. В брянской письменности представлены как старые формы на «ять», так и новые на *и*. Например, в «Писцовых книгах» Комарицкой волости находим: до дуба *двести* семдесят три сажени, ГАКО, ед. хр. 36, 1685 г., л. 2; до бортного дуба *двесте* сажен, там же; от ямы до дуба *двести* сажен, там же; от ямы *двесте* восмъ сажен, там же. В «Отказных книгах» Брянска и Карачева наряду с обычной формой *двести* часто встречается *двестя*, что связано с изменением конечного заударного гласного *е* в соответствии с особенностями живой южнорусской речи XVII в.: *двѣстя* дватцать, Южн. отк. 2, 1621 г., л. 48 об.; *въ двѣстя* пятдесят чети, Южн. отк. 5, 1643 г., л. 664; и др.

Из косвенных падежей в рассмотренных памятниках наиболее употребительны формы дат. пад., что объясняется в определенной степени известной стандартизацией содержания изучаемых деловых документов: *к двумстом* к тритцати четмъ, Южн. отк. 2, 1631 г., л. 260 об.; *к трем стом* четмъ, там же, 1632 г., л. 304 об.; *к двустам* ко штидесят к осми четвертям, Южн. отк. 5, 1651 г., л. 899; брянскимъ стрелцам *тремстам* семи члвком дано. . ., ЦГАДА, ед. хр. 103, 1679—1681 гг., л. 963. Вторая часть числительного *сто* выступает в данной форме в двояком варианте: со старой, неунифицированной флексией *-ом* и с новой, унифицированной *-ам*. Этот факт можно расценивать как свидетельство того, что процесс унификации именных форм в дат. пад. мн. ч. в южнорусском наречии XVII в. еще не завершился. Приведен-

[29] См.: Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. XI. — СОРЯС, Пг., 1922, т. 99, № 6, с. 27; *Петровская Ю. В.* К диалектологии рязанских говоров. — Там же, с. 45—47.

[30] См.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 7, с. 477.

ные примеры показательны в том отношении, что флексия *-ом* в них ударная. А как указывает С. И. Котков, о бесспорно унифицированной форме в южновеликорусских памятниках может говорить только форма с подударным окончанием.[31]

У числительного *двести* в косвенных падежах в качестве первого компонента словосочетания выступают две формы *дву* и *двум*, обе формы одинаково употребительны в XVII в. Спорадически отмечается форма дат. пад., совпадающая с род. пад., в котором компонент *дву* сочетается с формой *сот* в род. пад. мн. ч.: *к двусот* к петидесят к семи четмъ, Южн. отк. 5, 1632 г., л. 200. Предполагать, что здесь произошло изменение синтаксического согласования управлением, нельзя, так как в истории русских числительных смены согласования управлением не было, а было обратное явление. Очевидно, форма дат. пад. *к двусот* возникла по аналогии со склонением числительных *пятьсот—девятьсот*, у которых в изучаемый период изменялось только название единиц, а управляемое ими *сот* оставалось без изменения.

В группе числительных *двести—четыреста*, в отличие от *двадцать—тридцать*, не произошло перехода словосочетания в одно слово, у них нет полного синтеза компонентов в единую лексическую единицу. До сих пор у них сохраняется самостоятельное склонение обеих составных частей по способу согласования, в форме тв. пад. обе части сохраняют свое ударение. В письменности XVII в. еще можно встретить раздельное написание компонентов словосочетания, ср.: *к трем стом* четмъ, Южн. отк. 2, 1632 г., л. 304 об. Отсутствие цельнооформленности — это также один из показателей незакончившегося процесса лексикализации.[32] О завершении этого процесса можно говорить лишь применительно к современным говорам. На Брянщине у числительных данной группы изменению подвержена только конечная часть: *да двести* двасать давление подскочило (Сузем. Чухраи), асмушечка сахара грам *да двести—триста* (Брас. Хутор Холмецкий), *к двести* прибавь сорок, скока будеть (Почеп. Жоровлево).

Числительные пятьсот—девятьсот. Числительные данной группы представляли собой словосочетания, состоящие из названия единиц и управляемой ими формы род. пад. мн. ч. *сътъ* > *сот*. При склонении у них первоначально изменялась только первая часть: *пять сътъ*, *пятью сътъ* и под. В изучаемый период подобное словоизменение не наблюдается. В истории становления этих числительных управление между компонентами словосочетания заменилось согласованием,[33] и эта группа числительных составила один тип склонения с числительными *двести—четыреста*. Памятники локальной письменности XVII в. вследствие некоторой однотипности своего содержания полной парадигмы

[31] См.: *Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение. . ., с. 205.
[32] См.: *Кузнецова О. Д.* Случаи лексикализации в говорах: Слова с первой частью *вон-*. — В кн.: Диалектная лексика. 1977. Л., 1979, с. 64.
[33] См.: *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий. . ., с. 205.

числительных не дают, в них представлены только формы им.—вин. пад.: отделил. . . *пятсот* чети, Южн. отк. 2, 1621 г., л. 47 об.; отделил *в семсот* в пятдесят чети, там же, л. 47 об.; въ ево окладъ *в шесот* чети, Южн. отк. 5, 1632 г., л. 200; и под. По другим южновеликорусским источникам XVII в. известно, что в это время у числительных данной группы уже были в употреблении современные формы словоизменения — со склонением обеих частей сложения.[34]

Итак, анализ числительных по памятникам южнорусской письменности XVII в. показывает, что окончательное оформление их как части речи в это время еще не наступило. У числительных этого периода, с одной стороны, отчетливо наметились современные формы словоизменения, с другой стороны, еще были в употреблении формы переходного характера, представляющие собой словосочетания с не завершенной до конца лексикализацией и колеблющимся словоизменением, с третьей стороны, не были еще утрачены некоторые архаические образования.

Памятники локальной письменности позволили выявить ряд разнообразных фонетических особенностей в оформлении числительных, связанных с такими специфическими для южновеликорусского наречия чертами, как явления заударного вокализма (ср. *двестя*), отсутствие протезы *в* (ср. *осмь*), наличие твердого *м* в конце слов (ср. *сем*, *восьм*) и др., которые сохраняются в брянских говорах до сих пор. Таким образом, данные памятников XVII в. и современных диалектов взаимно поддерживают друг друга.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ГАКО — Государственный архив Курской области. Ф. 1657, оп. 1, ед. хр. 29—47.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов. Разрядный приказ. Белгородский стол. Ф. 210, оп. 6Д, ед. хр. 98, 103.

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

АЮЗР — Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. III, 1638—1657. СПб., 1861.

Вкл. кн. — *Арсеньев В.* Вкладная книга брянского Свенского монастыря. Тула, 1911.

ИНРЯ — *Котков С. И., Панкратова Н. Т.* Источники по истории русского народного разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964.

РБС — Русско-белорусские связи: Сборник документов (1570—1667 гг.). Минск, 1963.

Южн. отк. — *Котков С. И., Коткова Н. С.* Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги. М., 1977.

---

[34] См.: *Титова Р. Ф.* Имя числительное в деловых документах XVII в.: (Дела Азовской приказной палаты). — В кн.: Материалы конференции по изучению южнорусских говоров и памятников письменности. Воронеж, 1964, с. 39.

Т. Г. ПАНИКАРОВСКАЯ

Из наблюдений над диалектной глагольной лексикой

Предметом рассмотрения в данной статье являются некоторые диалектные глаголы, зафиксированные в вожегодских говорах вологодской группы севернорусского наречия, а именно глаголы со значением ‘мучить, причинять физические или нравственные страдания’ — лексемы *изгаля́ться*, *пе́тать*, *кливи́ть*.

Задача состоит в том, чтобы определить семантику анализируемых глаголов, указать ареал их распространения на территории вологодской группы северного наречия на основе данных картотеки Вологодского областного словаря, а также, опираясь на материалы Опыта областного великорусского словаря, Дополнений к Опыту. . ., Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля, Словаря русских народных говоров и других областных словарей русского языка, очертить ареалы этих слов в диалектах русского языка. Этимологические словари русского языка позволяют говорить о происхождении анализируемых слов, их генетических связях с соответствующими словами родственных языков. Сопоставление значений изучаемых глаголов со значениями, зафиксированными в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, а также в «Словаре русского языка XI—XVII вв.», позволяет до известной степени говорить об истории значений этих глаголов.

Глагол *изгаля́ться* имеет в вожегодском говоре значения ‘издеваться, глумиться над кем-, чем-л.’, ‘насмехаться’. Например: Нехто эк над бабой не изгаляецце, как он. Приставочные образования: *доизгаля́ться*, *заизгаля́ться*, *наизгаля́ться*, *поизгаля́ться*.

Изучаемый говор знает и глагол *изгиля́ться* ‘шалить, резвиться’, ‘кривляться’. Например: Поуно изгиляцце, изгилеецце как маленькой. В говоре употребляются и другие приставочные образования: *доизгиля́ться* (до того доизгиляусе, что и с урока выгонили); *заизгиля́ться* (опеть заизгиляусе, перестань); *поизгиля́ться* (поизгиляусе и будет); *приизгиля́ться* (весь приизгиляусе).

Анализируемые диалектные глаголы — принадлежность активного словарного запаса. Заметим, что глагол *изгиля́ться* в говоре более употребителен.

В ряде вологодских говоров в значениях ‘издеваться, глумиться’, ‘насмехаться’; ‘шалить, резвиться’, ‘кривляться’ употребляются и другие диалектные слова. Так, в значении ‘издеваться, насмехаться’ в устюженских,[1] череповецких,[2] никольских,[3] тотемских,[4] вологодских[5] говорах функционирует глагол *декова́ться*.

В тотемских говорах глагол *декова́ться* имеет и другое значение — ‘заниматься пустым делом’, В значении ‘насмехаться’ в этих говорах отмечен также глагол *зуба́нить*.

В значениях ‘шалить, резвиться’, ‘кривляться’ на территории Вологодской области, кроме глагола *изгиля́ться*, бытуют и другие лексемы, в частности *варза́ть* (междуреченские говоры), *глуми́ть* (кадниковские).[6]

Обратимся к данным других русских говоров. В каргопольских,[7] олонецких,[8] обских[9] говорах в значениях ‘издеваться, глумиться’, ‘насмехаться’ употребляется глагол *изгиля́ться*, имеющий в вожегодском говоре, как указывалось, значения ‘шалить’, ‘резвиться’, ‘кривляться’.

Лексема *изгаля́ться* в значениях ‘издеваться, глумиться’, ‘насмехаться’ — принадлежность многих севернорусских (уральских — свердловских,[10] соликамских,[11] курганских[12] и сибирских — новосибирских,[13] иркутских,[14] забайкальских,[15] красноярских,[16] обских[17]) говоров. Словарь русских народных говоров[18] фиксирует два значения глагольной лексемы *изгаля́ться*, а именно: 1. насмехаться, потешаться (севернорусские, уральские, сибирские говоры); 2. издеваться, глумиться (севернорусские, ураль-

---

[1] *Удальцов Д. Г.* Из наблюдений над говором д. Новинки (Устюженский р-н Вологодской обл.). — В кн.: Диалектный сборник / Под ред. А. С. Ягодинского. Вологда, 1942, вып. 2, с. 29.

[2] *Герасимов М. К.* О говоре крестьян южной части Череповецкого у. Новгородской губ. — Живая старина, 1893, вып. 3, с. 377.

[3] ВГВ, 1841, № 52, с. 387.

[4] Там же, № 45, с. 358.

[5] Там же, № 25, с. 201.

[6] Там же, 1866, № 16, с. 138.

[7] Живая старина, 1892, вып. 3, с. 161.

[8] *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898, с. 31.

[9] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1965, т. 2, с. 58.

[10] Словарь русских говоров Ср. Урала. Свердловск, 1964, т. 1, с. 199.

[11] Словарь говоров Соликамского р-на Пермской области. Пермь, 1973, с. 208.

[12] *Тимофеев В. П.* Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971, с. 54.

[13] Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979, с. 200.

[14] Иркутский областной словарь. Иркутск, 1973, вып. 1, с. 191.

[15] *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980, с. 140.

[16] Словарь русских говоров южных р-нов Красноярского края. Красноярск, 1968, с. 77.

[17] Словарь русских старожильческих говоров... Дополнение, ч. 1, 1975, с. 176.

[18] СРНГ, вып. 12, с. 115.

ские, сибирские, так и западные и восточные — новгородские и ивановские, среднерусские окающие, а также южнорусские — тульские и пензенские говоры). Лексема *изгаля́ться* ‘издеваться’ известна русским говорам на территории Мордовской АССР.[19] Лексема *изгиля́ться* приводится в СРНГ с рядом значений, в частности: 1. кривляться, ломаться, дурачиться; 2. насмехаться, потешаться; 3. издеваться, глумиться.[20] Первое и второе значения отмечены в севернорусских, уральских, сибирских, а также в среднерусских окающих говорах; третье значение — в говорах севернорусских, уральских, сибирских.

Итак, данные областных словарей свидетельствуют, что ареал глагольных лексем *изгаля́ться*, *изгиля́ться* в севернорусских и среднерусских говорах весьма широк. В ряде говоров они употребляются с одним значением, в других (в том числе в изучаемом) каждая из них употребляется с иным значением.

Вожегодский говор знает еще две глагольные лексемы с корнем *-гал-*, а именно: *нага́лить* ‘сделать что-либо предосудительное, плохое’ (Что-то я нагалила) и *подга́лить* ‘своими действиями поставить в затруднительное положение, подвести’ (Ето я ее подгалила). Обе лексемы отмечаются лишь в речи старшего поколения носителей говора и являются словами со сниженной экспрессией. То, что глагол *нага́лить* известен вологодским говорам, подтверждается данными картотеки СРНГ Словарного сектора Института русского языка АН СССР, где упомянутый глагол представлен со значениями ‘напачкать’, ‘нагрязнить’. Однако лексема *нага́лить* известна не всем вологодским говорам. Лексическими эквивалентами этой лексемы в вологодских говорах являются, в частности, лексемы *напатра́шить*, *изга́дить*.

Олонецкое *нага́лить* означает ‘насмешить’.[21] В словаре В. И. Даля[22] этот глагол приводится с пометой «северное» со значениями ‘нашутить, насмешить, рассказать много забавного’. В Опыте областного великорусского словаря глагол *нагалить* приведен как форма совершенного вида к *галить* в значениях ‘проказничать’, ‘смешить’ с пометой «архангельское, олонецкое».[23] В Словаре областного архангельского наречия А. О. Подвысоцкого находим существительное *галь* ‘насмешка’, ‘издевательство’. Отсюда *га́лить*, *изгаля́ться*, *изгиля́ться* ‘насмехаться’, ‘издеваться’.[24]

Диалектные слова с корнем *-гал-* известны многим русским говорам, особенно севернорусским. Ср. *галу́ха* ‘шутка’, *галу́шить*

---

[19] Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Д—И. Саранск, 1980, с. 116.

[20] СРНГ, вып. 12, с. 117.

[21] *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия, с. 60.

[22] Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. М., 1955, т. 2, с. 391.

[23] Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, с. 35.

[24] *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, с. 29.

'шутить' (волог.),[25] *галу́ха* 'забава', 'смех', *га́литься* 'смеяться' (череп.),[26] *галь* 'издевка, насмешка' (обск.),[27] *га́литься* 'издеваться, глумиться' (новосиб.),[28] 'потешаться, глумиться' (иркут.),[29] *галу́ха* 1. 'потеха, забава'; 2. 'шутник, насмешник'; *галу́шить* 'дурачиться' (свердл.),[30] *га́лить* 1. 'смешить'; 2. 'шутить': *га́литься* 1. 'дивиться, удивляться'; 2. 'насмехаться'; 3. 'смеяться' (яросл.).[31] Диалектные лексемы с корнем *-гал-* зафиксированы в СРНГ,[32] а также в Толковом словаре В. И. Даля.[33]

Древнерусский язык знал лексему *галити* 'радоваться, ликовать'.[34] Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что значения многих современных диалектных лексем с корнем *-гал-* тесно связаны со значением древнерусской лексемы *галити*. Не пытаясь проследить историю значений древнерусского корня *-гал-*, укажем значения и оттенки значений диалектных глагольных лексем с этим корнем, известные современным говорам и этимологически связанные с древнерусским *галити* 'радоваться, ликовать': 1. смеяться (череповецкое, архангельское, олонецкое, пермское, новгородское — *галиться*); 2. улыбаться (каргопольское — *галиться*); 3. шутить (олонецкое — *га́ляндать*); вологодское, ярославское, красноярское — *галушить*; смоленское — *галева́ть*; 4. шалить, резвиться (смоленское — *галу́зать*, *галуздать*). Значения 'насмехаться', 'издеваться, глумиться', по-видимому, являются вторичными, более поздними (вожегодское — *изгаля́ться*, северное — *галу́шить*),[35] олонецкое — *га́лить*, *га́литься*, *га́ляндать*,[36] ярославское,[37] свердловское[38] — *галиться* и т. д.

Объясняя этимологию олонецкого *га́лить* (и *изга́литься* 'скалить зубы'), М. Фасмер[39] приводит параллели как из славянских, так и из индоевропейских языков, свидетельствующие об индоевропейском происхождении корнеслова *-гал-*. М. Фасмер[40] счи-

---

[25] ВГВ, 1839, № 25, с. 200.
[26] *Герасимов М. К.* О говоре крестьян. . ., с. 377.
[27] Словарь русских старожильческих говоров. . ., Дополнение, ч. 1, с. 90.
[28] Словарь русских говоров Новосибирской области, с. 89.
[29] Иркутский областной словарь, вып. 1, с. 112.
[30] Словарь русских говоров Ср. Урала, т. 1, с. 111.
[31] *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, с. 50.
[32] СРНГ, вып. 6, с. 112.
[33] Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, т. 1, с. 343.
[34] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893, т. 1, с. 509; Сл. РЯ XI—XVII вв., вып. 4, с. 9.
[35] Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, т. 1, с. 343.
[36] *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия, с. 14.
[37] *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь, с. 50.
[38] Словарь русских говоров Ср. Урала, т. 1, с. 110.
[39] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964, т. 1, с. 387.
[40] Там же.

тает ошибочным мнение Лескова[41] о связи олонецких диалектных лексем *га́лить*, *га́ляндать* с финским hälistä ‘шуметь, звучать’. Что касается лексемы *га́ляндать*, заметим, что ряд лингвистов считают несомненным финноугорский источник глаголов на *-андать*.[42]

Глагол *пе́тать* ‘мучить, причинять физические страдания’ — принадлежность активного словарного запаса носителей говора. Частотность его употребления в вожегодском говоре значительна. Например: Не петай кошку-то, больно ей. Жалко ребенка, как его немцы петали. Говору известны приставочные образования: *испе́тать*, *припе́тать*, *упе́тать*. Глагол *пе́тать* в значении ‘мучить’ знают вятские говоры,[43] в значении ‘бить, колотить’ — курские[44] и шире, по словарю Даля,[45] — западные и южные. Опыт областного великорусского словаря[46] свидетельствует, что в значении ‘довести до изнеможения, умучить до сильного поту’ лексема *упе́тать* бытует в вологодских, пермских, тверских и тамбовских говорах; в значении ‘измучить, ввергнуть в несчастье’, ‘убить’ — в говорах вологодских, владимирских, симбирских, тамбовских и в ярославских.

В вожегодском говоре широко употребительна и лексема *пе́таться* ‘мучиться, испытывать муки, физические страдания’, ‘доходить до изнеможения’, ‘стараться, делать что-либо с усердием, доходя до изнеможения’. Например, Поуно петацце-то, вся устала; Всю жизнь одна без мужика петалась. Приставочные образования: *допе́таться*, *испе́таться*, *припе́таться*, *напе́таться*, *упе́таться*.

Глагол *пе́таться* (и приставочные образования) известен ряду говоров Вологодской области, в частности вологодским (Бабы-то украшали, петались), сокольским (Вот в сорок первом-то и петались без мужиков), верховажским (Ну-ко, сердешная, вся ты упеталась). Знают глагол *пе́таться* (и приставочные) и белозерско-бежецкие говоры севернорусского наречия.[47]

А. Подвысоцкий приводит глагол *пе́таться* ‘тяжко трудиться, работать’, *напе́таться* ‘наработаться, потрудиться’ (арх.). Опыт областного великорусского словаря свидетельствует о наличии

---

[41] *Лесков Н.* О влиянии карельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии. — Живая старина, 1892, вып. 4, с. 97—103.

[42] *Погодин А. Л.* Севернорусские заимствования из финского языка. — Варшавские университетские известия, 1904, т. 4; *Сало И. В.* Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1966.

[43] Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858, с. 180.

[44] Там же.

[45] Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, т. 3, с. 105.

[46] Опыт. . ., с. 233.

[47] *Герасимов М. К.* О говоре крестьян. . ., с. 384; *Чайкина Ю. И.* К вопросу о влиянии общенародного языка на лексику местных говоров: (По материалам говора с. Дмитриевское Вологодской области). — Учен. зап. Таганрогского пед. ин-та, Ростов н/Д., 1962, т. 8, с. 52.

глагола *пе́таться* в архангельских говорах (О работе. Употреблять все усилия, трудиться в поту); *пе́титься* зарегистрировано в оренбургских говорах. Оренбургским говорам известно и слово *пе́тка* ‘дело, требующее усилий, трудов’ (Опыт.) В вожегодском говоре также встречается это существительное в поговорке: Детки, детки, много с вами петки.

В значении ‘устать от работы, прийти в изнеможение’ диалектная лексема *упе́таться* бытует, кроме вологодских, по данным Опыта. . ., в вятских, пермских (Сл. говоров Соликам. р-на Пермской обл., с. 652 также фиксирует эту лексему), тверских, пензенских говорах, в олонецких, в ярославских говорах. Этимология глаголов *пе́тать*, *пе́таться* не ясна. М. Фасмер считает (вслед за А. И. Соболевским), что *пе́тать* ‘бить’, *пе́товать* ‘мучить, тиранить’, *пе́таться* ‘силиться’, ‘заботиться о ком-либо’ связаны чередованием гласных с *питать*, *пестун*.[48] О том, что глагол *петать* — неизвестного происхождения, пишет и А. Преображенский.[49]

Глагол *кливи́ть* имеет значения ‘причинять нравственные страдания’, ‘дразнить’, ‘умышленно раздражать’, ‘доводить до слез’. Например: Нашшо ёй бабу-то кливить. Не кливи робёнка-то. Приставочные образования: *докливи́ть*, *роскливи́ть*.

Упомянутые лексемы известны, по данным картотеки Вологодского областного словаря, говорам Вологодского (И зачем им это надо кливить робят-то), Тарногского (Старшой-от всё малого кливит), Тотемского (Подай бабушку, не кливи робёнка) районов.

Сведения о бытовании глагола *кливить* в бывшем Тотемском уезде находим в ВГВ (1866, № 2, с. 205), где приведен и пример использования лексемы в свадебной песне: Дружко. . . выучился по чужим пирам ездити, чужего дитя кливити, чужего горя слушати.

Лексема *кли(е)ви́ть* отмечена, по данным областных словарей, в архангельских и ярославских говорах. В СРНГ отмечен ряд значений глагола *кли(е)ви́ть* и прежде всего ‘дразнить, обижать, доводить до слез’ (обычно детей) с указанием территории распространения — архангельские, олонецкие, вологодские, вятские, ярославские, свердловские, пермские, сибирские, иркутские, забайкальские говоры.

В Толковом словаре Даля глагол *кливить* зафиксирован с пометой «северное». В Опыте областного великорусского словаря, Толковом словаре Даля, в СРНГ отмечено, что местные говоры, в том числе вологодские, знают и другой вариант лексемы, а именно *квели́ть* ‘дразнить, сердить, доводить до слез’(особенно ребенка). Лексема бытует в ярославских, оренбургских, сибирских, нижегородских, владимирских, тверских, тамбовских, ор-

---

[48] *Фасмер М.* Этимологический словарь. . ., с. 261.

[49] *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1958, т.2, с. 52.

ловских, рязанских, куйбышевских, тульских, ростовских, калужских говорах, т. е. не только в севернорусских, но и в среднерусских и южнорусских говорах. Новейшие словари сибирских говоров также фиксируют упомянутую лексему.[50]

Приводя к глаголу *квели́ть* ‘дразнить, доводить до слез, раздражать’ параллели из украинского, чешского, польского языков, М. Фасмер разделяет мнение А. А. Шахматова, что в восточнославянских языках ожидалось закономерное **цвѣлити* из **квѣлити*, а **квилити* осталось без изменения, затем имели место выравнивания.

Охарактеризованные глагольные лексемы *изгаля́ться*, *пе́тать*, *кливи́ть*, имеющие соответственно значения ‘издеваться, глумиться над кем-, чем-либо, причинять страдания’; ‘мучить, причинять физические страдания’; ‘причинять нравственные страдания, дразнить, доводить до слез’, при известной общности значений являются в вожегодском говоре лексическими внутридиалектными синонимами.

Члены указанного синонимического ряда различаются не только в плане выражения, но сохраняют известное различие и в плане содержания, т. е. в семантическом отношении.

Анализируемые глагольные лексемы принадлежат, думается, к числу слов, имеющих «устойчивую эмоциональную окрашенность», таких именно слов, в собственно лексическом значении которых заключается оценка.[51]

---

[50] Словарь русских говоров Новосибирской области, с. 218; Словарь русских старожильческих говоров. . . Дополнение, ч. 1, с. 193; *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья, с. 154.

[51] *Шмелев Д. Н.* 1) Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, с. 106; 2) Современный русский язык: Лексика. М., 1977, с. 164—165.

А. Ф. ИВАНОВА

К вопросу о методах изучения диалектной лексики

В плане совершенствования методики лексикологических исследований закономерен переход от лексикографии к лингвогеографии в тех случаях, где изучение говоров не ведется параллельно в лексикографическом и лингвогеографическом аспектах. Как известно, идеальным является положение, при котором единая программа служит основой для оформления лексики в виде словаря и для составления атласа. Однако разработать такую программу весьма сложно. Созданию ее должно предшествовать глубокое знание самой лексической системы изучаемых говоров, что возможно лишь в результате многолетнего и кропотливого труда, прежде всего в полевых условиях.

Поэтому логичным следует признать в качестве первого этапа работы составление словаря, и лишь на его основе и с учетом его данных целесообразно строить продуманную программу, способную учесть все лексические возможности изучаемых говоров.

Программа атласа будет удачной или неудачной в зависимости от того, насколько последовательно учитываются данные словаря при ее составлении. Если тема в словаре не находит отражения, то включение вопросов по ней в программу атласа оправдывается только целью выяснения наиболее объективной лексической картины в регионе. Так, в «Словаре говоров Подмосковья» (СГП) (М., 1969) не дифференцированы термины, определяющие остатки стеблей зерновых культур на сжатом поле, а также термины, определяющие само поле, на котором сжаты культуры. Наименования сводятся к варьированию дериватов с корневым морфом *-жн-* (*жневи́к*, *жни́вище*, *жни́вник*, *жнитóвье*, СГП, 135—136). Аналогичную картину представляют данные «Лексического атласа Московской области» (ЛАМО), в котором из возможных восьми карт (по количеству реалем: ‘пшеница’, ‘рожь’, ‘ячмень’, ‘овес’ и полей, на которых произрастают эти злаки) удалось составить только две. На них в обобщенной форме представлены названия стеблей всех злаков (*жне́ва*, *жневи́к*, *жневь*, *жней*, *жни́ва*, *жниве́нье*, *жни́виня*, *жни́вица*, *жни́вище*, *жни́вна*, *жни́вник*, *жни́во*, *жнивьё*, *жни́тва*, *жни́тво*, *жни́тки*, *жни́то*, *жнитóвина*, *жнитóвка*, *жнитóвье*) и названия всех видов полей

(*жа́то*, *жни́вище*, *жни́вки*, *жни́вля*, *жни́вна*, *жни́вник*, *жни́во*, *жни́тва*, *жни́тво*, *жнивьё*, *жни́вья*, *жнитво́вина*, *жнитво́вье*).

Даже назначительное дублирование, имеющееся в словаре, при картографировании позволяет выявить существующую в говоре лексику, бо́льшая часть которой может остаться незафиксированной, если сбор материала не вести, строго соблюдая требования лингвогеографии. Приведем примеры. Реалема ʿуглубление в русской печи, куда сгребают угли' определялась в СГП наименованиями *горн*, *горно́*, *горну́шка*, *загне́тка*, *поджа́рник*, *порск*; в ЛАМО к указанным лексемам прибавились *жерно́вка*, *загне́та*, *загорну́шка*, *загрёбка*, *заку́ток*, *замёт*, *запасу́шина*, *заскуло́*, *заску́лье*, *засте́ночек*, *застри́нка*, *застро́нка*, *зау́лочек*, *зау́стье*, *зачело́*, *скуло́*. Реалема ʿобед на второй день свадьбы' определялась в СГП лексемами *блинки́*, *княжобе́д*, *княжо́вый стол*, *кра́сной обе́д*, *позна́вки*, *познатки*; в ЛАМО к ним прибавились лексемы *блины́*, *дарёный обе́д*, *делова́нье*, *княжно́й обе́д*, *княжно́й стол*, *кра́сной стол*, *отво́дины*, *отво́ды*, *опи́рье*, *пара́дный обе́д*, *перегостки*, *познатьё*, *помы́вки*, *похме́лка*, *похме́ль*, *похме́лье*, *про́воды*, *сы́рный обе́д*, *сы́рный стол*, *умы́вки*. Реалема ʿпахтанье' определялась в СГП лексемами *вы́бойки*, *вьюра́га*, *измя́тина*, *сби́тень*, *сколо́тни*, *юра́га*; ЛАМО увеличил число диалектных названий, прибавив к указанным *бра́жка*, *выби́вка*, *выжи́мки*, *вымёски*, *выто́пки*, *выты́нки*, *жмыхи́*, *настой*, *обра́т*, *отва́р*, *отколо́тки*, *отстой*, *отто́пленки*, *па́тока*, *па́хтань*, *пахту́шка*, *пахты́нь*, *пахты́нья*, *подбо́ина*, *пыхта́*, *сби́тки*, *сби́тьи*, *сбои*, *сбо́йки*, *сколо́тина*, *сколо́тник*, *сколо́тня*, *цура́га*.

На основании выявления дублирующих наименований из 3405 лексем словаря составлена программа ЛАМО, включающая 275 вопросов, объединенных в 12 разделов.[1] Итогам работы по программе явилось значительное увеличение количества лексем (представлены в 217 лексемных картах — L.). Вопросы программы не только подтвердили точность наименований, но и показали их локализацию (83 сводных карты дают четкие пучки изоглосс на территории Московской области), определили географию изосем (отражены в 100 семантических картах), наметили структуры словообразовательных моделей (показано в 50 словообразовательных картах).

Каждый раздел программы содержит известное число вопросов, которые в словаре давали незначительное количество дублетов. Наибольший процент их в сфере обрядовой лексики, наименьший — в сфере бытовой. Карты по таким вопросам или не состав-

[1] При составлении программы не учитывался материал «Приложения» СГП, представляющий извлечения из «Опыта областного великорусского словаря» (СПб., 1852), «Дополнения» к «Опыту областного великорусского словаря» (СПб., 1858), «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (М., 1863—1866), «Сведений о народных говорах некоторых селений Московского уезда В. И. Чернышева» (СПб., 1900). Программа создавалась лишь на базе живых московских говоров. См.: *Иванова А. Ф.* Практические занятия и курсовые работы для студентов литературного факультета: (материалы к изучению московских говоров). М., 1976.

лены вовсе (так, из 40 вопросов раздела «Полеводство, угодья» составлено лишь 29 карт), или отличаются лексической бедностью. Характерными особенностями этих карт являются также отсутствие компактных локальных зон, наличие лишь рассеянных ареалов, слабо развитое дублирование. В разделе «Река, болото», который мы берем для примера, такой картой является L 229 ‘овраг’. В СГП помещено с этой семеммой три лексемы: *бечева́*, *верши́на*, *зава́л*. При работе над атласом были записаны еще такие диалектные наименования, как *бара́к* (Алпатьево Лух.), *боча́г* (Ликино Одинц., Крюково Наро-Ф.), *буера́к* (Соколова Пустынь-Ступ.), *верше́к* (Коргашино Серп.), *враг* (Шестаково Вол.), *вра́жек* (Ивашково Шах., Ауртово Пушк.). Было отмечено наличие неконцентрированной зоны *верши́на*, охватывающей южную и восточную половины области, налагающейся на лексический фон литературного слова *овра́г*. Дублирование не выражено.

Несколько по-иному располагаются диалектные наименования на карте L 228 ‘омут’ (в СГП — *бо́гот*, *боча́г*, *ела́нь*, *зава́л*, *завбд*, *гли́бень*, *колбдец*, *ямо́к*; в ЛАМО дополнительно: *бога́ч*, *бу́квица*, *буча́г*, *буши́ло*, *завбдь*, *котёл*, *крутоя́р*, *о́мат*, *оча́г*, *тони́на*). На карте четко выделяются две больших лексических зоны, разделяющие всю территорию области на равные части по линии Ногинского—Серпуховского районов: северно-западную (*бога́ч*) и южно-восточную (*о́мат*). При этом отмечена локализация отдельных наименований на фоне обширных лексических ареалов. Довольно широкий радиус распространения характерен для лексем со связанным корнем *-вод-* (*завбд* — Заг., Клин., Шах., Вол., Ног., Орех.-З., Лух., Зар.; *завбдь* — Вол., Ног., Наро-Ф., Чех., Кол.; *завбдина* Солн., Истр.). В западном направлении концентрируется лексема *тони́на* (Западный клин). С северо-запада на юго-восток распространяются изолексы *гли́бень* (Юго-западная полоса), *ела́нь* (Центральная зона). В северной половине области зафиксированы лексемы с корнем *-ям-* (*я́ма* — Солн., Ног., Рам.; *ямо́к* — Талд.). К востоку от Москвы отмечены две изолексы: *крутоя́р* (Раменско-Воскресенская зона), *котёл* (Большой Восточный клин). В южной половине области выделяются локальные зоны *буши́ло* (Южный клин), *бу́квица* (Можайская зона). К востоку от Москвы (в Ногинском, Раменском, Орехово-Зуевском районах) отмечено наибольшее смешение лексем; здесь, как и на остальной обследуемой территории, намечается лексическое дублирование (*крутоя́р — котёл* Еганово Рам., Михалево Воскр., и др.).

Материалы атласа очерчивают более обширные, чем в словаре, ареалы лексем. Так, по данным ЛАМО, слово *ключ* (L 227) ‘водоворот, водяная воронка’ имеет повсеместное распространение, являясь лексическим фоном, в то время как в СГП его география ограничена лишь Загорским районом; аналогичным образом лексема *винт* дает на той же карте четкую обширную зону (Диагональная), а в СГП отмечена лишь в четырех районах (Лот., Шах., Орех.-З., Щелк.). Вновь записанные в процессе работы над атласом в качестве наименований водоворота, водяной воронки слова

бора́н, *бучи́ло*, *бырь*, *верте́п*, *водокру́т*, *водопа́д*, *вьюн*, *заводи́ла*, *во́дь*, *закру́тка*, *коса́*, *котёл*, *котлови́на*, *крути́н*, *круть*, *суве́ть* дополнительно к имеющимся в словаре *верту́шка*, *винт*, *водове́рть*, *ворга́н*, *ключ*, *ле́йка* создают в ЛАМО целые зоны. Из них наиболее яркие Северо-восточная полоса (*бора́н*), Южная зона (лексемы с корневым морфом *-крут-*), Западный клин (*бырь*), Малая Центральная зона (*суве́ть*), Южный клин (*вьюн*). И наконец, на карте L 227 отмечается и довольно четкое дублирование на основании налагающихся локальных зон (*бырь—верту́шка* Введенское Лот., Борисовка Шах.; *бора́н—ключ* Торгашино Заг., Рыбаки Рам.; *котёл—ключ* Нижнее Мячково Рам.; *вьюн—винт* Повадино Дам.; *суве́ть—винт—ле́йка* Марушкино Наро-Ф.; *бучи́ло—водове́рть—крути́н—ключ* Колтово Каш.).

Характерной особенностью всех трех рассмотренных карт является наличие больших зон отсутствия лексем, связанное с особенностями ландшафта и отсутствием указанных выше реалем (значительная часть территории Талдомского, Волоколамского, Серебряно-Прудского и др. районов).

Карта L 230 ‘яма на дороге, залитая водой в распутицу, глубокая колея, рытвина, ухаб’ (в СГП — *бака́лда*, *бака́лдина*, *калю́жина*, *колдо́ба*, *колдоба́ина*, *колдобина*, *колесня́*, *рычо́к*; в ЛАМО дополнительно *колдо́б*, *колдоба́шина*, *колдо́бина*, *колдо́бица*, *колдобня́*, *колдо́пина*, *колёсевина*, *колёсевник*, *колеси́нник*, *колесни́ца*, *колея́*, *кольё*, *моча́га*, *промби́на*, *уха́ба*, *уха́бина*) характеризуется активной лексической дублетностью, достигаемой совпадением в одном пункте общераспространенных на территории области лексем *колдо́ба*, *колдо́бина*, сочетающихся со своими словообразовательными вариантами и иными наименованиями. Дериваты с морфом *-колдо́б-* не только продуктивны, но и локализованы. Наибольшей распространенностью характеризуется вариант *колдо́боина*, спорадически отмечаемый на западе и севере области и создающей плотную концентрированную зону на юго-востоке (Южно-Восточная полоса — изоглосса проходит по Орехово-Зуевскому, Коломенскому, Ступинскому, Чеховскому районам). Как однокоренное, так и разнолексемное дублирование активно выражено (*колдобо́ина—колдо́ба* Дорохово Орех-З., Базарово Каш.; *колдобо́ина—колдо́пина—калю́жина* Самодурово Воскр.; *колдобо́ина-колдоба́ина—колдо́бица-бака́лдина* Сосновка Озер.; *колдобо́ина—колдо́ба—колея́—уха́ба* Сумароково Ступ.; *колдобо́ина—колдоба́ина—колдоба́шина—уха́бина* Дмитриевка Сереб-П. и т. д.). Локализуются и такие деривационные варианты, как *колдо́б* (Можайская зона), *колдоба́шка* (Ступинская зона), *колдобня́* (Раменско-Воскресенская зона) и разнокорневые лексемы. Так, четкую зону (Восточная) образуют дериваты с морфом *-колес-*, вступающие в свою очередь в конкуренцию с лексемой *моча́га*, создающей четкую компактную зону на северо-востоке области, в пограничье с владимирскими говорами (*моча́га—колёсевина* Аверкиево Павл.-П.; *моча́га—колёсевник* Демихово Орех-З.; *моча́га—колеси́нник—колдо́ба* Савинское Орех-З.; *моча́га—колесни́ца—бака́лда* Балабаново Ног.).

На юге области в пограничье с калужскими—рязанскими говорами узкой лентой проходит изолекса *промби́на* (Южная полоса), вступающая в конкурентные отношения с разными наименованиями (*промби́на—колдо́бба* Рогово Под.; *промби́на—колдо́бица—кольё* Балково Серп.; *промби́на—колдо́ба—колдоба́ина—колдоббина—колея́—бака́лдина* Клемово Сереб.-П.). Количество примеров такого сложного дублирования далеко не исчерпано. Карта является показателем локализации и других лексем, где наименования, как правило, не дублируются. Таков компактный ареал лексемы *рычо́к*, охватывающий северо-западную и западную части области (Северо-Западный клин).

Рассмотренные примеры наглядно показывают, насколько специальная программа, составленная на основании учета лексического материала регионального словаря, расширяет наши представления о лексике говора, увеличивая сам словник известных диалектных лексем, как такая программа обеспечивает уточнение географии ареалов и зон.

А. Ф. МАРЕЦКАЯ

К истории слова *говор*[1]

Слово *говор* общеславянское. *Говор* ‘шум; гам, крик, громкий разговор’ отмечается в памятниках древнерусской письменности начиная с XI в.[2] Например: Ѣдениѥ и питиѥ без говора Изб. Св. 1076 г.; Брашиныа и вечеря, и питиа, и прелесть, и говоръ, и гласы безъчинныя. Златостр., XII в. Наблюдается и переносное употребление: Ночь мркнеть, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славии успе, говоръ галичь убуди. Сл. о п. Иг.

В памятниках письменности XII—XIII вв. лексема *говор* встречается также в значении ‘ропот, возмущение, недовольство’, по определению И. И. Срезневского «мятеж»: За многомятежьное и говоры бываюштая изволися отинудь отъвьржену быти. Ефр. Корм. XII.

В древнерусском языке XIV в. слово *говор* бытовало в значении ‘молва’ (1350 г.),[3] наблюдается и далее в памятниках письменности XVI в. ‘молва, разговоры’: Бѣ бо говоръ в людехъ и книгчиахъ и фарисеохъ, глаголющих, яко стражютъ людие Иисуса Христа чающе. В. Минеи-Четии, XVI.

В языке XVI в. употреблялась лексема *говор* в значении ‘переговоры’: Тебѣ вѣдомо, что государь нашь вельможнои король отпустилъ насъ полнымъ приказомъ сюды на рубежъ на говоръ о миру. . . межю обѣима великими государьми (Сл. Срезневского, Сл. РЯ XI—XVII вв.).

Язык XVIII в. сохраняет старинное исходное значение слова *говор*, и это находит отражение в первом Академическом словаре

---

[1] «Мы должны знать причины сложения каждого слова, время его возникновения (хотя бы приблизительно), изменение его значений и оттенков значений, их связей со значениями других слов. Ведь каждое слово представляет собою особый микромир, в котором отражается какой-то кусочек реальной действительности или отклонений от нее, . . . средство коммуникации» (*Филин Ф. П.* Проблемы исторической лексикологии русского языка : Древний период. — ВЯ, 1981, № 5, с. 3).

[2] По Материалам для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского и Сл. РЯ XI—XVII вв.

[3] Материалы для сравнительного и объяснительного словаря А. Х. Востокова. СПб., 1858, т. 1.

Академии Российской: И говор людской и топот конский страшен (САР I, II, 1790) с определением: 'Шум, происходящий от разговаривающих вдали'. Наблюдается в языке XVIII в. и переносообразное употребление[4] (не отмеченное в САР I). Например: И то делается, чего на других морях не видано, понеже когда вода с водою бывает течениями супротив друг друга и станет оттого между островами спиратца вода, тогда такое великое волнение бывает и жестокой от воды шум и говор. Репорт. кап. Шпанберга, 1739. Или: Клеент, проснувшийся в пещере, встал И света дожидался: Но говор птиц едва по малу слышан стал, Вкруг по брегам раздался, И вскликнул соловей (Державин).

Вместе с тем к XVIII в. слово *говор*, с одной стороны, утратило значения а) 'возмущение, недовольство, мятеж' и б) 'переговоры' (не встречается в литературных текстах XVIII в. и в литературе позднейшей поры); с другой стороны, *говор* употреблялось в языке XVIII в. в значениях 'попрошайка, нахал' (отмечено Вейсман. Лекс. 1731 г. с указанием: «между нищими») и 'пустомеля', которые не закрепились в обиходном языке и, следовательно, также не нашли места в последующих словарях русского языка.

Академические словари русского языка первой половины XIX в. включают слово *говор* в его исконном общенародном значении: 'Отголосок, гул, происходящий от разговаривающих вдали' (САР II, 1806, с пометой «старинное»); 'Гул, происходящий от множества говорящих вдали' (Слов. Акад. 1847); последний (Слов. Акад. 1847) выделяет в особое значение переносное употребление слова *говор*: 'Щебетание птиц': Говор галичь убуди (Сл. о п. Иг.) с пометой «старинное» и значение 'птица (певчая)', она же *говорок*, *говорушка*.

В академических словарях русского языка первой половины XIX в. слово *говор* не нашло отражения в значении 'молва, слухи, толки', известное (как указано выше) в языке XIV—XVI вв., но не утвердившееся в языке XVIII в. В 40-х годах XIX в. оно снова входит в обиход. Например, встречается в Записных книжках кн. Вяземского: «Лучшие писатели наши еще не исследованы, не оценены. О них идет говор, но решающего, окончательного голоса нет».[5] Продолжает жить *говор* в этом значении в языке А. С. Пушкина, причем у Пушкина мы впервые встречаемся с сочетанием *народный говор*: Ваш дед портной, ваш дядя повар, А вы, вы модный господин — Таков об вас народный говор, И дива нет — не вы один (Жалоба). Позднее отмечается *говор* в указанном значении в произведениях Ф. М. Достоевского, А. Ф. Кони, В. Г. Короленко и др. Например: [Катерина Ивановна] велела перенести больного и потерявшего сознание Ивана Федоровича к себе в дом, пренебрегая всяким будущим и неизбежным говором общества и его осуждением (Достоевский, Братья Карамазовы, эпилог, I);

---

[4] По материалам Словарной картотеки языка XVIII в. (Слов. карт. ИРЯЗ).

[5] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1833, т. 8, с. 164.

В околотке пошел говор об утопленнице. Говор этот группировался около Аграфены Суриной, она была его узлом, так как она будто бы проговорилась, что Лукерья не утопилась, а утоплена мужем (Кони, Судебные речи, 7); И пошел по деревне говор (Короленко, Без языка).

Употребление лексемы *говор* ‘молва, слухи, толки’ отмечено В. И. Далем в его Словаре живого великорусского языка.

В 40-х годах XIX в. слово *говор* входит в научный обиход как лингвистический термин — местная разновидность русского языка; связано это, прежде всего, с именем И. И. Срезневского (заложившего основы исторического изучения русского языка, в том числе и областной речи),[6] в трудах которого трансформация значений лексемы *говор* наиболее ярко выражена.

Еще из филологических работ М. В. Ломоносова стало очевидно, что в изучении живой народной речи кроется ключ к выяснению многоплановой исторической проблемы русского литературного языка. Заметим, что у М. В. Ломоносова нет еще и упоминания о говоре как местной разновидности речи; он говорит о наречиях, о диалектах, а понятия эти в XVIII в. были настолько неопределенны и расплывчаты, что смешивались с понятием языка вообще. Осмысление и разграничение понятий н а р е ч и е—д и а л е к т—я з ы к возможно было лишь на основе организованного системного изучения живых народных говоров и памятников письменности, что в свою очередь и вызвало к жизни термин *говор*. Отражение этого находим в трудах И. И. Срезневского и его последователей.

В 40-х годах XIX в. углубляется разработка вопросов истории русского языка; ученые обращаются к целенаправленному изучению «народного наречия», «простонародного областного языка», или «простонародных слов», «провинциализмов», и т. п. (по терминологии того времени). В 1845 г., как известно, началась подготовка к созданию «Опыта областного великорусского словаря». В Программе для его составления под названием «Мнение о правилах, которых должно держаться при издании областного русского словаря», подготовленной И. И. Срезневским, русские народные говоры называются еще простонародным областным языком. «Мнение о правилах. . .» начинается словами: «Простонародный областной язык отличается от литературного, во-1-х, особенными словами, которых в литературном нет, и особенным значением слов, во-2-х — особенным произношением». К лексеме *говор* И. И. Срезневский прибегает в этой программе только единожды, причем скорее в значении ‘речь, выговор’: «Другая причина особенностей областного произношения слов зависит от случайной прихоти говора, не принадлежащей никакому требованию фоне-

---

[6] В числе материалов, которыми воспользовались при составлении «Опыта областного великорусского словаря» 1852 г., был «Великорусский областной словарь» И. И. Срезневского, из которого заимствовано 3439 слов (как показано в Предисловии к «Опыту. . .»).

тики».[7] Только один раз употребляется слово *говор* и в Предисловии к «Опыту областного великорусского словаря» и снова не в терминологическом значении, а в значении ‘выговор, способ произношения звуков’: «В коломенском наречии Московской губернии сохранилось оправдание старинному говору, какой встречаем в письменных памятниках, именно после согласной *к* в окончании имен гласные *я* и *ю* вместо *а* и *у*: *тятенькя*, *маменькя*, *чайкю*, *тарелочкю*». Говор же в современном его понимании, как видно из данного текста, означается словом *наречие*.

Широко зазвучало слово *говор* в значении ‘местная особенность русского языка’ в Лекциях по истории русского языка И. И. Срезневского, впервые в университетской практике прочитанных им студентам Петербургского университета в 1849 г., и в выдающемся его труде «Мысли по истории русского языка» (1849 г.). Примечательно, что в этих работах слово *говор* обозначает составную часть наречия и вместе с тем слово *наречие* употребляется как аналог слову *говор*, обычно в сочетаниях: *местные говоры*, *народные говоры*, *местное наречие* и т. п. Приведем несколько примеров. «Причины внутренние и внешние дробили язык народа на местные говоры и наречия».[8] «Когда мы хорошо узнаем все наречия и все местные народные говоры, мало останется потерянного, а в древних памятниках мало необъяснимого или даже вышедшего из употребления. Как много в языке местных наречий такого, что может объяснить древние памятники, я знаю теперь по опыту, разбирая местные словари, присылаемые мне из Академии Наук и особенно из Географического общества, которых корректуры читаю я».[9]

Это было только начало вхождения слова *говор* в лингвистическую терминологию: лексическое значение его то идентично со значением слова *наречие*, те отождествляется со значением слова *язык* или *народная речь вообще*, нет еще четкой дифференциации значений этих слов. Так, на страницах «Мыслей. . .» читаем: «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. . . Так и мы русские, вместе с другими славянами искони соединили в одном слове „язык“ понятие о говоре народном с понятием о самом народе» (с. 16). Или: «Действительное отделение языка книг от языка народа началось уже с того времени, когда в говоре народа более и более стали ветшать древние формы, когда язык народа стал решительно превращаться в строе своем» (с. 66). Или: «Как всегда бывает, что смешанное население говорит и языком смешанным. Особенно из них замечателен говор, смешанный из малорусского и белорусского на границе между ими в Черниговской губернии, который многие и принимают за настоящее малорусское наречие. . . В этих смешанных говорах всегда должно обращать внимание не на то, какие формы пропали, а на то, какие уцелели, — они почти всегда бывают древними формами, потому

[7] *Срезневский И. И.* Мнение о правилах. . . областного русского словаря. 1849. — В кн.: Диалектная лексика. 1969. Л., 1971, с. 241.

[8] *Срезневский И. И.* Мысли по истории русского языка. М., 1959, с. 38.

[9] Там же, с. 125—126.

что смешанные наречия всегда много теряют в энергии жизни... и потому отстают в быстроте своих изменений от наречий несмешанных» (с. 121).

На недифференцированность употребления терминов «наречие» и «говор» И. И. Срезневским обратил в свое время внимание А. А. Потебня, защищая взгляды И. И. Срезневского на образование русского языка и его наречий от необъективности критиков; но А. А. Потебня считал при этом, что между этими терминами и невозможно провести границу. «Никто до сих пор точно не определил и никогда не определит разницы между наречием и говором», — говорил А. А. Потебня.[10] Мнение А. А. Потебни отражало лишь состояние диалектологической науки в то время.

Однако следует заметить, что у И. И. Срезневского намечается определение такой разницы, местами в его употреблении этих терминов заметно сходство и различие между говором и наречием. Это можно усмотреть, например, и в его высказывании по поводу локальных границ распространения говоров и наречий и необходимости их изучения: «Говорили и говорят о говорах Великороссии, Белоруссии, Малоруссии, Сибири, севера великорусского, Поволжья, Оки, Дона, Черноморья, Галича, но так, что по рассказам нельзя провести ни одной совершенно верной пограничной линии не только между одним и другим местным говором, но и между главными наречиями».[11] Но иногда он употребляет их как синонимы. Так, рецензии на работу И. А. Бодуэна де Куртене «Опыт фонетики резьянских говоров» читаем: «До сих пор ни одному из местных наречий не сделано того, что сделано г. Бодуэном по резьянским говорам, и что опять повторяю: сколь знаю — нигде еще не указана так доказательно важность научных исследований местных наречий».[12]

Употребление слова *говор* в значении областной разновидности речи в сфере лингвистической литературы и в живом обиходе позволило В. И. Далю отметить это в его Толковом словаре живого великорусского языка. Но и у В. И. Даля нет еще четкого разграничения в определении понятий «говор», «наречие» и «язык». В статье «О наречиях великорусского языка», предпосланной Словарю, он пишет: «Трудно решить положительно, что называется языком, что наречием, а что говором» (с. XLVIII). Несмотря на это высказывание, он уже пытается различать их и приводит ниже довольно определенные суждения, касающиеся их различий: «За самостоятельный, по развитию и обращению, язык должно признать тот, у которого есть своя грамматика и письменность; за наречие — незначительное уклонение от него, без своей грамматики и письменности; говор — еще менее значительное уклонение, относящееся более к особенностям произношения и напеву,

---

[10] *Потебня А. А.* Два исследования о звуках русского языка. Воронеж, 1866, с. 139.

[11] *Срезневский И. И.* Замечания о материалах для географии русского языка. — Вестн. РГО, 1851, ч. 1, кн. 1, отд. V, с. 9—10.

[12] Отчет о 19-м присуждении наград графа Уварова. СПб., 1876, с. 411.

по пословице: что город, то норов, что деревня, то обычай, что двор, то говор». Таким образом, понятие о говоре к тому времени сводится в основном к особенностям произношения по отношению к наречию, не сложилось еще осмысление говора как составной части местного наречия, и в обиходной речи говор и наречие смешиваются и у В. И. Даля. Так, говоря об областном словаре, В. И. Даль выделяет особый раздел «Правописание для словаря наречий» (не «говоров», что ожидалось бы), а говор упоминается здесь снова лишь как разновидность в произношении: «Ведь и общепринятое правописание наше не отвечает обычному, по московскому говору, произношению, глаз видит *о*, видит *г*, а язык говорит *а*, *в*».[13]

В Словарь живого великорусского языка В. И. Даль включает функционирующее в языке исконное значение слова *говор*, имеющее место в предыдущих словарях, и дополняет развившимися в нем новыми для того времени значениями. По сведениям В. И. Даля, *говор* в языке середины XIX в. обозначало: 'Шум или гул нескольких голосов'; 'неясный журчащий или перекатный шум, гул, шелест'; 'отдельный крик птичьей стаи' и пр. (значения, отмеченные в академических словарях); и далее при перечислении последующих значений он помещает рядом со словом *говор* его производные областные лексемы, указав территорию их распространения: «г о́ в о р ь, ж. архангельское, г о в о́ р я, ж. пермское, г о в о́ р к а, ж. смоленское». Это означает, что в данных «провинциализмах» указанные значения известны за пределами литературного языка, как то: 'речь, беседа, разговор'; 'толки, слухи, молва'; 'местное устное наречие';[14] 'произношение, выговор'.

Сравнение толкований значений слов *говор* и *наречие* в словаре В. И. Далем подтверждает приведенное выше его суждение о словах *язык*, *наречие*, *говор*: «. . .трудно решить, что называется языком, что наречием, что говором». Действительно, образовалась замкнутая цепочка: *говор* 'местное устное наречие'—*наречие* 'местный язык, незначительно уклоняющийся по произношению или переиначенным словам от языка коренного'. Но важно, что В. И. Даль уже отчетливо видит специальное терминологическое значение слова *говор*, фиксирует это в словаре. Позже происходит уточнение, вычленение из общего понятия частного конкретного значения слова, упорядочение его употребления. Процесс утверждения конкретного терминологического значения в слове *говор* — длительный, определяется почти столетием. В литературе позднейшей поры немало примеров, в которых значение слова *говор* расплывчато, неопределенно: может восприниматься читателем как

---

[13] Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. М., 1955, т. 1, с. LXXIX.

[14] Таким образом, в терминологическом значении 'местное устное наречие' употреблялись наряду со словом *говор* образованные от него диалектные слова: *говóрка*, *гóворь*, *говóря* — так называло местное население особенности речи жителей различных сел и деревень. См. разработку этих слов в СРНГ, вып. 6.

'язык', 'речь', 'наречие' или 'составная часть наречия'. Например: Речь его (учителя русской словесности) была размашистая, меткая и живая, часто страдавшая грамматическими неправильностями, но всегда верная народному говору (А. К. Шеллер-Михайлов. Гнилые болота, 1864, ч. II, гл. 3, с. 251); То же влияние, кажется, было небезучастно и в изменении древнерусского говора (Ключевский. Курс русской истории, I, 363, читанный в 80-х годах в Московском университете); На улицах (Кишинева) совсем не слышно русского языка — все. . . молдаванский говор (Гаршин. Письмо к матери, 5 мая, 1877); Русский говор — всеянный, взгребленный В память, — рощет, не липы ль в бреду? Что нам звоны латыни серебряной: Плавим в золото нашу руду! (Брюсов. Родное, III, 168); Напевный и, в сущности, нежный говор украинцев был многим трудно понятен и людям узкого масштаба казался языком надуманным, юмористическим (М. А. Ростовцев. Страницы жизни, ч. III, гл. 1, с. 72).

Язык последующего за Далем столетия вносит понятийное уточнение в терминологическое значение слова *говор* и отдельные функциональные изменения в общеупотребительные значения, что находит отражение и в последующих толковых словарях: уточняются определения значений, отмечаются некоторые грамматические и стилистические сдвиги в характеристике значений. Как наблюдалось и ранее, в толковых словарях нет единства в показе переносного и образного употребления: один словарь выделяет образное употребление в самостоятельное значение, составители и редакторы другого словаря воспринимают образ в единстве с основным значением, от которого он ответвился, дают оттенком к значению, отчего в результате меняется количество значений слова *говор*, но лишь формально, а по существу картина не меняется.

В Словаре русского языка 1891 г. Я. Грота по сравнению со Словарем В. И. Даля в ином порядке сгруппированы значения слова *говор* в зависимости от употребительности и понятийности его. Прежде представлено *говор*, обозначающее 'произношение' и 'речь': Письмо не всегда согласно с живым говором. На втором месте — 'шум или гул нескольких голосов', и далее в самостоятельное значение выделено 'вообще: шум, гул (говор волн, волынки говор)'; за ним — 'молва, толки, слухи', и завершается разработка статьи терминологическим значением (с указанием на предпочтительное употребление во мн. числе): 'местное видоизменение наречия, диалекта'. Примеры: В великорусском наречии различаются несколько говоров. Два главные говора великорусские: на *а* и на *о*, окающий и акающий. Последний пример указывает на допустимость употребления слова *говор* в этом значении и в ед. числе, что по существу снимает ограничение формой мн. числа. Кроме того, в первой части данного примера (Два главные говора великорусские) *говор* воспринимается и как наречие, скорее наречие. Следует обратить внимание на то, что Я. Грот впервые вводит в формулировку определения слова *говор* — «диалект», само

же определение не дает еще четкого представления о говоре в его конкретном терминологическом значении.

Существенные изменения в толкование слова *говор* как термина вносятся словарями русского языка XX в. Словарь под ред. Д. Н. Ушакова (1935 г.) определяет термин *говор* как «местный диалект», впервые снабжая его пометой «лингв.-этногр.». Во втором томе этого словаря (1938 г.) в разработке слова *наречие* вводится уточнение термина *говор*: «диалект, крупнее, чем говор».

Уточнению определения конкретного терминологического значения слова *говор* способствовал возросший интерес к народной речи мастеров художественного слова и исследователей русского языка, причем принимаются во внимание всесторонняя оценка говора и в частностях: фонетические, морфологические и лексические диалектные особенности. Например: Эй, новгородец! — возопил Сашка, уперев руки в боки, — токали-токали, да Новгород-то и протокали. Дьяволы! А? — Новгородец обиделся. — Не трогай Новгород-то! — «верховым» тотокающим говором возразил он (Скиталец. Огарки, 1, с. 113); В Кремле уже полно было звона оружия своих и пришлых воинов, уже всюду стояли различные говоры — медлительные владимирские, певучие ростовские, быстрые костромские (С. Бородин. Дм. Донской, ч. III, гл. 41, с. 296); Армия жила своим собственным бытом. . . Выработался у нее свой особый язык; различия говоров быстро сглаживались: вятские не подсмеивались над калужскими, а украинские песни знали ярославцы и владимирцы (Саянов. Небо и земля, ч. II, гл. 4, с. 275); Проснулись на чердаке крестьянской избы в лесной деревушке Ивановке. . . Крестьянина, принявшего их на постой, звали Иосиф Шпак. Говорил на местном путаном наречии, смешавшем все российские говоры, фамилия же значила не то скворец, не то воробей (Фадеев. Последний из Удэге, ч. 1, гл. 1, с. 5—6); Пушкин превосходно знал живой русский язык и в разных его социальных напластованиях, и в живых русских говорах, доступных его наблюдению (Чернышев. Говор Пушкинского района).

Более определенное конкретное осмысление получает термин *говор* в 50-х годах. Это нашло выражение и в его определении, данном БАС: «Разновидность диалекта, охватывающая незначительную территорию (деревню, район)» — с пометой «языковедческое»; по определению МАС и СО — «местная разновидность территориального областного диалекта».

В 1966 г. вышел в свет первый «Словарь лингвистических терминов» русского литературного языка под ред. О. С. Ахмановой, в котором отведено место и термину *говор*, но, к сожалению, определение его сводится только к понятию диалекта: «Говор (диалект) . . . разновидность (вариант) языка, используемая в общении небольшого территориально связанного коллектива».

В терминологическом значении слово *говор* рассматривается как синоним словам *диалект*, *наречие*. Так, по определению академического Словаря синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой (Л., 1975), это «наречие (разновидность общего пацио-

нального языка, характерная для какой-л. местности), говор, диалект». Это общее свойство данных синонимов — разновидность национального языка — не позволяло долгое время уточнить конкретное значение этих слов. Совпадая в основной содержательной части терминологического значения, слово *говор* не является абсолютно тождественным словам *наречие* и *диалект*: лексема *говор* может означать более мелкую территориальную единицу по сравнению с термином *диалект* и особенно с термином *наречие*. Наречие объединяет в себе группу говоров, диалектов.[15]

Итак, в современном русском литературном языке слово *говор* сохраняет общеупотребительное значение, унаследованное от древнерусского языка: 'звуки разговора, речи; разговор', а также переносное и образное употребление его (известные по памятникам письменности с XI в.), что определяет его принадлежность к нейтральному пласту лексики русского языка. В литературном просторечии допускается употребление слова *говор* в значении 'молва, слухи, толки' (известно по памятникам письменности XIV в.). Стилистические колебания отмечаются в употреблении слова *говор* в значении 'своеобразное произношение, особенности речи'. Вместе с тем слово *говор* входит в состав терминологической лексики: оно приобрело значение языковедческого термина 'местная разновидность речи, диалекта' в связи с развитием русской диалектологии как науки.

Становление лингвистического термина *говор* шло в процессе становления системы значений этого слова в общей лексической системе общенародного русского литературного языка.

Слово *говор* в значении 'местная разновидность общенародной речи' пришло в состав лингвистических терминов из нейтрального слоя лексики, возникло как аналог, или вариант, термина *наречие* в середине XIX в., и его употребление в живой народной речи и в сфере научной лингвистической литературы нашло впервые отражение в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля; это было связано с началом теоретической разработки вопросов истории русского языка на основе изучения памятников древнерусской письменности и живой народной речи, зачинателем чего явился И. И. Срезневский.

Дифференциация значений терминов *говор* и *наречие* происходила путем вычленения частного значения слова *говор* ('местная мелкая единица') из общего, присущего говору, наречию и языку в целом, по мере выявления различий в этих понятиях в коммуникативной функции, в процессе параллельного сравнительного изучения истории русского языка и живой народной речи.

---

[15] Семантические различия слов синонимического ряда предусматриваются в какой-то степени понятием самого слова «синоним». Синонимы «настолько близки по значению, что их правильное употребление в речи требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств» (*Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 407).

Начало формирования терминологического значения в слове *говор* относится к тому времени, когда стабилизировались в нем общеупотребительные значения. При этом семантика слова *говор* то расширялась, то сужалась, но колебания не касались основного исходного значения слова *говор*. Достоянием истории стали древние значения слова *говор* 'возмущение, недовольство, мятеж', 'переговоры', но в соответствии с этими значениями образовались производные от *говор* слова: *заговор*, *наговор*, *приговор*, *договор*, собственно *переговоры* и т. п. Эти приставочные образования могут быть показателем того, как по мере возникновения новых понятий в рамках старого основного значения слова *говор*, требующих конкретной формы выражения, это слово берет на себя дополнительную нагрузку в обозначении этих понятий и выполняет эту функцию до тех пор, пока не образовалось, не родилось новое слово, соответствующее конкретному содержанию этих понятий, при этом уточняется и основное содержание слова-основы *говор*.

Изменения стилистического порядка — переход значения 'молва, толки' и 'особенности произношения, выговор' из нейтральных в разряд просторечных — наблюдаются уже в XX в., после того как слово *говор* приобрело терминологическое значение. Путь в просторечие из нейтрального слоя может быть как через разговорное употребление (ср. значение 'толки, пересуды, молва'), так и прямой: нейтральное употребление → просторечие (ср. 'манера произносить, говорить'). Впрочем, возможно и обратное явление: *говор* в значении 'манера произносить, говорить' из просторечия возвращается снова в нейтральный слой лексики. Стилистические изменения определяются жизнью слова, характером его употребления в речи.

Семантический анализ слова *говор* с древнейших времен до наших дней, изучение становления системы его значений в русском языке подтверждают положение о том, что лексикографическая практика обычно лишь подытоживает процесс усвоения слова системой литературного языка,[16] показывают, как в процессе коммуникации изменяется и уточняется значение слова, что находит выражение в изменении и уточнении определений значений этого слова, а также изменении его грамматической и стилистической характеристики от словаря к словарю.

---

[16] *Филин Ф. П.* Русский язык в современном мире. М., 1974, с. 4.

Н. И. АНДРЕЕВА-ВАСИНА

К вопросу о начальном *ко-* в диалектных глаголах

Повсеместно в русских говорах распространены многочисленные слова с элементом *ко-* и его фонетическими вариантами (*ка-*, *ку-*). Как правило, этот элемент имеет четко фиксированное положение, а именно — в начале слова. С точки зрения современного словообразования он представляет собою часть корня (ср. *колыбать*, *колязнуть* и т. д.). Однако многие из этих слов имеют параллельные (без *ко-*, *ка-*, *ку-*), семантически близкие или идентичные однокоренные образования (ср. *кобайдать—байдать*, *кожилиться—жилиться* и др.). Это обстоятельство дает право предполагать определенную значимость элемента *ко-* для такого ряда слов, а также и его морфемность.

Предположение о существовании ныне «мертвых» префиксов *ко-* и его фонетических разновидностей (*ка-*, *ку-*), восходящих к местоимению **къ*, **кь*, появилось сравнительно недавно. На основе сопоставительного анализа исследователями был выделен этот элемент в целом ряде слов в различных славянских языках. Однако единой интерпретации он не получил. Одни исследователи именовали его приставкою (например, Маценауэр выделил его в составе 40 слов, Фасмер и Преображенский допускали его в качестве префикса в единичных словах), другие же склонны были считать этот элемент результатом различных других языковых явлений [1] (гаплология, контаминация и т. д.).

Обобщению и систематизации накопленные материалы подверглись в самое последнее время. Так, болгарский славист Моско Москов [2] собрал около 300 славянских глаголов с элементом *ко-* и его вариантами. В последние он включает не только *ка-* и *ку-*, но также и *ск-* (*ска-*, *ско-*), *шк-* (*шка-*, *шко-*), *ч-* (*ча-*, *чё-*, *чо-*, *чу-*, *чи-*) и *ш-* (*ша-*, *ше-*, *шо-*, *шу-*, *ши-*). Ему удалось классифицировать

[1] *Matzenauer A.* Listy filologicke a paedagogicke. Praha, 1881, p. 190; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. 2; *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910, т. 1; *Москов М.* Особая префиксальная система в славянских языках применительно к украинскому языку. — Тр. Одесского гос. ун-та, 1962, вып. 15, с. 149—155.

[2] См.: *Москов М.* Особая префиксальная система. . .

эти глаголы согласно их семантике и с большей или меньшей степенью вероятности определить отдельные значения этого форманта.

В современном русском литературном языке слова с формантом *ко-* были подвергнуты рассмотрению Н. М. Шанским. В своей статье, посвященной этому вопросу,[3] он подчеркивает, что в большинстве подобных и весьма немногочисленных в русском литературном языке образований формант *ко-* может быть выделен только на основе этимолого-словообразовательного анализа (ср. *коверкать*, *ковырять*, *ковылять*, *кокора*, *колупать*, *колыхать*, *кочевряжиться*, *кувыкать* и нек. др.). И только в словах *закоулок* (ср. *переулок*, *проулок*, *заулок*) и *кумекать* (ср. *смекать*, *смекалка*, *смекалистый*) формант *ко-* (*ка-*, *ку-*) выделяется свободно. Материалы из русских народных говоров, — отмечает Н. М. Шанский, — значительно расширяют список подобных образований: *коворот* ‘ворот, верея’, *коверзень* ‘лапоть’, *коледуха* ‘гололедица’, *калужа* ‘лужа’, *каржавина* ‘ржавчина’, *кунежиться* ‘разнежиться’. Н. М. Шанский делает вывод, что формант *ко-* и его варианты (*ка-*, *ку-*) в говорах представляют собою регулярное явление.[4] Анализ такого рода слов, заключает автор статьи, с разных точек зрения (историко-лексикологической, словообразовательной, этимологической) абсолютно необходим.[5]

По сведениям картотеки [6] русские говоры имеют целую серию производных глаголов с элементом *ко-* и его фонетическими разновидностями. (Отметим, что для некоторых из них в материалах, имеющихся в нашем распоряжении, нет соответствующей семантически соотносительной беспрефиксальной формы, но она функционирует в литературном языке. И наоборот, префиксальная форма такого рода, функционирующая в литературном языке, находит свой беспрефиксальный коррелят в говорах). Приведем некоторые из этих образований: диал. *копы́житься* (Твер., Пск., 1858) [7] и литер. *пы́житься* ‘важничать’; *кожи́литься* (Вят., 1842) и *жи́литься* ‘напрягаться, делать усилия’; *каржаве́ть* (Якут., 1901), *коржа́веть* ‘становиться заскорузлым, жестким’ (Курск., года нет), *ку́ржа́ве́ть*, одно из значений которого ‘покрываться ржавчиной’ (Камч., 1848, Прикамье) и литер. *ржаве́ть* ‘покрываться ржавчиной’; *куёжиться* (Сарат., 1959. Моск.), *кукоёжиться* (Влад., 1968) и литер. *ёжиться* ‘сутулясь, сжиматься всем телом (обычно при ощущении холода)’; *кулепе́тать* (Новг., 1898; Олон.) и литер. *лепета́ть* ‘несвязно, неразборчиво говорить’; *куне́житься* (Смол., 1852; Зап. Брян., Моск.) и *не́житься* ‘наслаждаться

---

[3] *Шанский Н. М.* Слова с приставкой *ко-* и ее алломорфами в русском языке. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. М., 1972, вып. 7, с. 204.

[4] Там же, с. 204.

[5] Там же, с. 203, 204.

[6] В статье использованы материалы картотеки СРНГ Института языкознания АН СССР.

[7] Здесь и далее отмечается год первой фиксации слова.

состоянием покоя, бездействия'. Случаи с обратным соотношением приставочной и бесприставочной форм в литературном языке и говорах представляют собою глаголы: *лупáть* 'снимать кожицу с плодов' (Яросл., 1929) и литер. *колупáть* 'ковыряя, отделять'; *мéкать* (Свердл., 1965) и литер. *кумéкать* 'думать, предполагать'.

Как можно заметить, однокоренные литературные корреляты в представленных выше примерах семантически очень близки диалектным или адекватны им. Сходство значений или их совпадение характерно для приставочной и бесприставочной форм многих диалектных глаголов, хотя у некоторых из них есть и самостоятельные значения. Ср. *кáверзить* 1. 'делать что-либо небрежно, кое-как'; 2. 'заниматься чем-либо от нечего делать' (а также 'шалить, проказничать, блудить') и *вéрзить* 'делать что-либо долго и бестолково (а также 'говорить вздор или что-либо неуместное'); *копы́шкаться* 'копошиться' (а также 'медленно делать что-либо') и *пы́шкаться* 'копошиться'; *какутать* (удар.?) 'запирать' и *ку́тать* 'закрывать (печную трубу); запирать (дверь, окно)'; *копря́ть* 'бить, толкать' и *пря́ть* 'бить, толкать' (а также 'бодать'); *коль́знуть* 'ударить' (а также 'швырнуть, бросить') и *лызнуть* 'ударить'; *кобурну́ть* 'перевернуть, опрокинуть' и *бурну́ть* 1. 'бросить, швырнуть'; 2. 'опрокинуть, снести, разрушить (о строении)'; и т. д.

На основании общего семантического признака, присущего однокоренным глагольным образованиям с формантом *ко-* и без него, эти глаголы можно объединить в определенные лексико-семантические группы. Приведем их.

I. Глаголы движения: *кодыля́ть* 'идти, хромая' (Горьк., 1967) и *дыля́ть* 1. 'ходить, шагать' (Даль), // 'хромать, ковылять' (Симб., Даль, Пенз., Влад.); 2. 'бегать' (Вят. (год?)), // 'передвигаться вприпрыжку (о зайце)' (Влад., 1858); *кулемéсить*, одно из значений которого 'идти, загребая ногами пыль, снег' (Арх., 1961; Сиб.) и *лемéсить* 'медленно идти, частыми шажками, семенить' (Влад., 1858); *каверзáть* 'идти, спотыкаясь' (Кубан., 1908) и *верзáться* 'вертеться, беспокойно двигаться, ворочаться' (Пск., 1855). К глаголам *кобуря́ться* 'кувыркаться, перевертываться через голову' (Ряз., 1960) и *кувернýться* 'кувыркнуться, упасть' (Ленингр., 1924) нет точных эквивалентов без *ко-* (*ку-*), которые можно было бы включить в группу глаголов движения. (Ср. *буря́ть* 'опрокидывать, швырять' (Зап., Даль) и *вернýть* 'привести во вращение' (Арх., 1907); ср. также белорус. *кавернýць* 'упасть откуда-либо' от местоименной приставки *ка-*, основы *-vьrtь*, связанной с глаголом **vьrtěti* 'вертеть').[8]

В приведенных выше глаголах наряду с примерами полного совпадения значений лексем с префиксом *ко-* и без него (*кодылять—дылять*) имеются и такие, которые несколько разняться друг от

[8] *Никончук Н. В.* Приставка *ка-* и *ко-* в полесских говорах. — В кн.: Этимология, 1977. М., 1979, с. 123.

друга. Отличия заключаются в некоторых семантических приращениях (расширении или, наоборот, сужении значения и т. п.). Некоторые из отмеченных значений наблюдаются у глаголов различных славянских языков. Так, например, Моско Москов пишет, что значение 'движения через кого-, что-либо с переворачиванием, кувырканием' имеют глаголы в болг. *капилвам*, в срх. *ко-тршакати*, *ко-врљати*, в слов. *ко-pičkati*, в чеш. *ко-trlcovati*, *ко-brtati*. Все они имеют в своем составе морфему *ко-* (*ка-*), которая, по мнению Моска Москова, и сообщает глаголам указанное значение.[9]

II. Самую большую группу с этимологическим *ко-* (*ка-*, *ку-*) составляют глаголы конкретного физического действия. Среди них выделяются глаголы со значением 'бить, толкать, бросать, наносить удары', наделенные особой экспрессией: *кабáнить* 'бить' (Твер., 1855) и *бáнить*, одно из значений которого 'бить, сечь, пороть' (Курск., 1854); *козы́ркнуть* 'ударить' (Урал., 1971) и *зы́ркнуть*, *зы́ркать* 'сильно стучать' (Перм., Даль); *копыря́ть* бить, толкать' (Твер., Пск., 1855; Ворон.) и *пыря́ть* 1. 'бить, толкать' (Вят., 1897); 2. 'бодать' (Тамб., 1851 и мн. др.); *колы́знуть* 1. 'ударить' (Олон., 1885); 2. 'швырнуть, бросить' (Олон. (год?)) и *лы́знуть* 'ударить' (Пск., Твер., 1855; Сев.-Двин., КАССР); *кобéнить*, одно из значений которого 'бить' (Пск., Твер., 1855). По поводу происхождения этого глагола нет единого мнения. Преображенский считает,[10] что этимология его неясна, хотя возможна связь с *кобеняк* 'капюшон, шапка, мешок'. Н. М. Шанский [11] возводит *кобениться* к общеславянскому *кобь* — 'гадание', откуда *кобениться* 'кривляться, важничать' от первоначального 'ломаться при гадании'. Однако в говорах существует форма без элемента *ко-* с очень близким значением: *бени́ть* 'ударить мячом в игрока' (Волог., (год?)). Видимо, слово требует дополнительных этимологических изысканий. *Кобя́кать* 1. 'со стуком, с шумом бросить, кинуть, повалить' (Ряз. (год?); Тамб., 1852; Терск.); 2. 'сильно ударить кого-либо' (Заволжье, 1965) и *бя́кать*, *бя́кнуть* 1. 'падать с силой, ударяться при падении (о человеке)' (Симб., 1852; Новг.); 2. 'ронять, бросать что-либо со стуком, грохотом' (Пенз., Симб., Даль; Влад.); 3. 'ударять, бить' (Тул., 1897; Новг., Волог., Перм., Свердл., Сиб.); *калата́ть* 'колотить, брякать' (Костром., 1906) и *лата́ть* 'бить, колотить' (Курск., 1858; Терск.); *кóчкать*, в числе значений которого (а их всего 9) имеются такие, как 1. 'ударять, бросать' (Арх., 1953); 2. 'бить' (Челяб., 1930, КАССР) и *чкать* 1. 'метить в цель (при игре в мяч)' (Пск. 1850; Твер., Влад.); 2. 'бить (по лицу кулаком)' (Курск., (год?)); *котуря́ть* 'толкать кого-либо' (Ряз., 1952) и *туря́ть* 'толкать' (Брян., 1969); *кумя́кать* 1. 'сильно мять,

---

[9] *Москов М.* Особая префиксальная система. . ., с. 151.

[10] *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь. . ., т. 1, с. 325.

[11] *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь. М., 1961, с. 153.

гнуть' (Вост.-Казах., 1967); 2. 'бить кого-либо кулаком' (Пск., 1904) и *мя́кать* 'бить, стукать, колотить' (Перм., 1856 и мн. др.).

Ряд глаголов имеют значение 'двигать вверх—вниз, из одной стороны в другую, вперед—назад, шевелить, колебать'. Среди них: *колыба́ть* (Южн., Сев., Даль; Урал.), *колуба́ть* (Олон., 1885; Свердл., Амур.), *кулыба́ть* (Свердл., 1971). Фасмер считает невероятным происхождение этих глаголов от *lēbati* и приставки *ко-*.[12] Однако Н. М. Шанский отмечает, что «на приставочный характер этого общеславянского глагола четко указывают соответствующие беспрефиксальные образования типа чеш. *lĕbati* „качать", лат. labare „колебаться, качаться"».[13] В наших материалах бесприставочная глагольная форма не зафиксирована. Но имеются однокоренные именные образования, как *лы́бкий*, *лыбкое место* 'зыбкое, топкое место' (Олон., 1885), *лы́ба*, *лы́ва* 'лужа, низкое, топкое место'. Кроме того, в говорах функционирует однокоренной глагол с неясным по происхождению начальным элементом *же-*: *желыбать*, *желыбну́ть*, одно из значений этого слова: 'сильно качать, укачивать' (Олон., 1896). Ему соответствует *желыбаться* 'качаться, колыхаться' (Пск., Ряз., Даль; Олон.). Глаголы с общим значением движения из одной стороны в другую, вперед—назад, вверх—вниз имеются во многих славянских языках. Ср. болг. *ко-велам*, слов. *ko-prcati*, чеш. *ko-beratise*, слц. *sŏ-brnat*, болг. *ко-лебая се* и др.[14] Сюда примыкают также глаголы: *кату́нить* 'катать, пересыпать горох для очищения его от примесей' (Костром., 1933) и *ту́нкать* 'шевелить, трогать, толкать' (Перм., 1822; Волог.); *кутыши́кать* 1. 'щекотать' (Олон., 1852; Новг., Перм.); 2. 'тормошить, расшевеливать' (Арх., 1907) и *тыши́кать* 1. 'будить спящего, тормошить' (Волог., (год?)); 2. 'бить' (Арх., 1961). Следует отметить, что этимологию последнего глагола Фасмер характеризует как неясную. Он сближает ее с фин. kutittaa и эст. kutistama 'щекотать', но подчеркивает, что это еще не говорит о достоверной связи.[15]

Глаголы со значением 'очищать, счищать, сдирать, царапать, чесать': *колупа́ть*. Этот глагол функционирует в говорах с очень большим числом значений (24), среди них 'чистить (картофель)' (Калинин., 1939; Яросл., Волог.) и *лупа́ть* 'снимать кожицу с плодов' (Яросл., 1929). Отметим, что этимологию этого глагола Фасмер выводит из *ко-* (в *кто*) и *лупи́ть*.[16] Н. М. Шанский же считает его производным с помощью приставки *ко-* от существительного *колупа*, восходящего к *лупа* 'содранная кора, струп, кожура'.[17] К глаголам с указанным значением следует отнести: *ко́байдать* 'скрести, чесать' (Олон., 1885), *ку́байдать* 'скрести себя, чесаться' (Арх., 1866; Олон., Волог.), *ко́ба(о)ндать* 1. 'чесаться, скрести'

---

[12] *Фасмер М.* Этимологический словарь. . ., т. 2, с. 288.
[13] *Шанский Н. М.* Слова с приставкой *ко-* . . ., с. 207.
[14] *Москов М.* Особая префиксальная система. . ., с. 151.
[15] *Фасмер М.* Этимологический словарь. . ., т. 2, с. 435.
[16] Там же, с. 298.
[17] *Шанский Н. М.* Слова с приставкой *ко-* . . ., с. 207—208.

(Олон., Даль); 2. ‘мешкать, копаться’ (Олон., 1898) и *ку́ба(о)ндать* ‘скрести, чесать’ (Олон., 1852). Ср. также *ка́байдать* ‘медленно работать’ (Олон., 1918). В словаре Фасмера [18] зарегистрированы четыре из них: *кобайдать*, *ку́бандать*, *кубайдать* ‘царапать, чесаться’, этимологию которых он возводит к **кувája*, ср. фин. *kypauttoa* с тем же значением, веп. *kubaideitob*, фин. *kupajaa* — 3 л. ед. ч. «зудит» и *кобандать* ‘мешкать’, из вепс. *kubaidab*, 3 л. ед. ч. ‘медленно работает’. Однако в говорах имеются соответствующие однокоренные глаголы без форманта *ко-* (*ка-*, *ку-*): *байдать* ‘бездельничать, бить баклуши’ (Курск., 1854; Орл.) и *ба́ндать* 1. ‘пачкать, марать’ (Пск.); 2. ‘мешкать, медлить’ (Пск., 1858). При этом названные глаголы сопоставимы как в семантическом, так и в словообразовательном плане.

К глаголам конкретного физического действия следует отнести также: *куклечить* ‘шить небрежно, непрочно, на живую нитку’ (Терск., 1902) и *кле́чить* ‘стягивать, скручивать’ (Вят., 1882); *каку́тать* ‘запирать, закрывать’ (Твер., 1906) и *ку́тать*, одно из значений которого также ‘закрывать, запирать’ (Орл., 1897); *кулямать* ‘делать что-либо небрежно, кое-как’ (Свердл., 1971) и *ля́мать* 1. ‘медленно, вяло жевать пищу’ (Пск., 1852; Калин., Арх., Перм.); 2. ‘делать что-либо неохотно, медленно’ (Арх., (год?), Курск.); *копы́шкаться* 1. ‘копошиться’ (Арх., (год?)), 2. ‘медленно делать что-либо’ (Яросл., 1918; Сарат.) и *пы́шкаться* ‘копошиться’ (Том., 1964).

III. В материалах имеются также глаголы с общим значением ‘издавать звуки (говорить, кашлять и т. д.)’: *кавя́чить* ‘жалобно взвизгивать (о собаке)’ (Ворон., 1906) и *вя́чить* 1. ‘кричать, мяукать, блеять (о кошке, овце)’ (Олон., 1852); 2. ‘кричать, плакать’ (Самар., 1913); *кага́кать*, *кага́кнуть* 1. ‘издавать звуки, кричать (о гусях)’ (Калуж., 1906; Ряз., Ворон., Куйбыш. и др.) и *га́кать*, *га́кнуть* 1. ‘произносить глубокий гортанный звук (га, ага) при рубке дров, ударах тяжелым молотом и т. п.’ (Ряз., Курск., 1865; Твер., Смол., Тул. и др.); 2. ‘сильно ударять, бить’ (Курск., 1892; Тул., Брян. и др.); *каса́кать* ‘ругать бранными словами’ (Сев.-Двин., 1928) и *са́кать* ‘рассуждать, споря, на сходках, на миру’ (Влад., 1851); *катуши́ться* ‘горячиться, петушиться’ (Курган., Тобол., 1899) и *тушить* (удар.?) ‘сильно ругать кого-либо’ (Пск., Твер., 1855); *кува́рзать* ‘говорить пустяки, болтать’ (Перм., (год?)). В материалах соотносительная бесприставочная форма отсутствует, но есть однокоренные образования, как: *варза́ка*, одно из значений которого ‘пустомеля, болтун’ (Даль, без указ. места); *кува́кать* ‘кричать, плакать (о младенце)’ (Твер.; (год?)) и *ва́кать* 1. ‘кричать по-перепелиному’ (Арх., Даль); 2. ‘говорить вздор’ (Арх., Даль); 3. ‘балагурить’ (Арх., 1958); *кувика́ть* ‘издавать сильный визг (о свинье, козе, когда ее режут)’ (Тул., 1933) и *ви́кать* ‘скулить, визжать, выть и т. д. (о животных)’ (Олон., 1846; Волог., Перм. и др.); *кувя́кать* 1. ‘пла-

[18] *Фасмер М.* Этимологический словарь. . . т. 2, с. 394.

кать (о новорожденном)' (Перм., 1856); 2. 'говорить бестолково' (Сев.-Двин., 1928) и *вя́кать* 1. 'лаять, тявкать' (Калуж., 1849 и др.); 2. 'плакать, голосить' (Новг., 1904; Яросл., Забайкал.); *кувы́ркать* 'хулить кого-либо' (Влад., 1905—1921) и *вы́ркать* 'ворчать, брюзжать' (Сев.-Двин., 1928; Арх.); *кулепе́тать* (Новг., 1898) и *кулепе́тить* (Олон., 1885) 'говорить быстро, сбивчиво' и *лепета́ть* 1. 'говорить быстро и без толку, болтать' (Даль, без указ. места, Якут., 1901; Волог., Север. и др.); 2. 'говорить не на русском языке' (Арх., 1907; Волог., Перм., Урал.); *куня́вкать* 'мяукать (о кошке)' (Курск., 1900; Орл., Пск., Арх.) и *ня́вкать* 1. 'мяукать (о кошке)' (Арх., 1957; Олон., Арх., Помор., Урал.); 2. 'плакать, хныкать, капризничать' (Свердл., 1871; Олон., Урал.); *куня́ргать* 'урчать (в животе)' (Перм., 1927) и *ня́ргать* 1. 'мяукать (о кошке)' (Перм., 1930); 2. 'капризничать, хныкать, надоедливо просить о чем-либо' (Перм., 1856, Свердл., Ср. Урал); 3. 'жаловаться, плакаться, ныть' (Перм., 1856, КАССР); *корыха́ть* 'говорить с заиканием' (Новг., 1910) и *ры́хать* 'стонать' (Том., 1964); *кагика́ть* 'кашлять' (Брян., 1961) и *ги́кать* 'кричать' (Онеж., 1933); *кады́хать* 'сильно кашлять' (Влад., 1870) и *ды́хать* 'кашлять' (Ворон., (год?)); *кадышать* 'сильно кашлять' (Куйбыш., 1968) и *дыша́ть* 1. 'быть здоровым' (Вят., 1907); 2. 'говорить, стонать, // кричать' (Моск., (год?)); *како́хнуть* 'тяжело вздохнуть' (Брян., 1897); 2. 'стонать от боли' (Брян., 1912); 3. 'сильно ударить' (Зап. Брян., 1957) и *ко́хнуть* 1. 'издать звук кох (о курице)' (Смол., 1914); 2. 'пролаять (о собаке)' (Смол., 1914); 3. 'попросить кого-либо о чем-нибудь; позвать кого-либо' (Смол., 1914); *корёкать* 1. 'делать что-либо плохо' (Вят., (год?)), 2. 'говорить' (Свердл., 1971); 3. 'звать, называть' (Свердл., 1971) и *рёкать* 'издавать звуки (о свинье)' (Новг., 1847).

Глаголы, обозначающие действия, связанные с психикой, чувствами, ощущениями человека: *колыка́ть* 'мучиться, страдать' (Пе́рм., 1930) и *ли́каться* 'бродить, мыкаться' (Смол., 1853); *козу́риться* 1. 'обижаться, сердиться' (Пск., Твер., 1855); 2. 'относиться настороженно, с подозрением, коситься' (Пск., Твер., 1855) и *зу́риться* 'смотреть' (КАССР, 1937); глагол *копи́житься* среди прочих значений имеет — 'важничать, чваниться' (Твер., Пск., 1855) и 'сердиться, дуться' (Влад., 1910) и *пи́житься* 1. 'чваниться' (Нижегор., 1853; Сарат., Перм.); 2. 'сердиться' (Нижегор., 1852; Терск., Кубан., Калуж.).

Из приведенных материалов видно, что в русских говорах функционирует значительное число глаголов с префиксом *ко-* (*ка-*, *ку-*). Подавляющее число этих глагольных образований обозначают различного рода физические действия. Почти все они имеют соотносительные беспрефиксальные формы. Местоположение *ко-* (*ка-*, *ку-*) четко фиксировано. Эти факты с несомненностью свидетельствуют о морфемности *ко-* и его регулярном характере в русских говорах. Для ряда глаголов характерно обозначение направленного действия. Эта семантическая особенность дает возможность присоединения к ним приставок локального значе-

ния. Поэтому можно предположить существование в прошлом у аффикса *ко-* (*ка-*, *ку-*) локальных значений. Такие во многом «стершиеся» значения у некоторых из глаголов можно выделить и сейчас при сопоставлении с беспрефиксальными или другими (например, именными) однокоренными образованиями: *кобуря́ться* ‘кувыркаться’ и *буря́ть* ‘опрокидывать, швырять’. В производном глаголе имеется, хотя и слабо выраженное, семантическое наращение, заключающееся в пространственной характеристике действия (переворачивание, кувыркание, движение через что-либо). То же можно сказать и о глаголе *колыбать* ‘колебать’ при сопоставлении его с существительным *лыба* ‘зыбкое место’. Производный глагол включает в свою семантику дополнительный компонент, указывающий на движение из стороны в сторону, вперед—назад, вверх—вниз.

Существование подобных значений у глаголов с префиксом *ко-* отмечает в своей работе Моско Москов. Он пишет, что префикс *ко-* с его фонетическими вариантами может придавать глаголам «оттенок движения в кругу, спиралях, с извивами, с кривыми линиями, движения с верчением, кружением, переворачиванием. . .».[19] В качестве примеров он приводит ряд глаголов из болгарского, чешского, украинского и др. языков (напр., болг. *ка-пилвам*, срх. *ко-тршкати*, слов. *ко-pičkati*, чеш. *ко-tricorvati* и др. с общим значением ‘переворачивать, перекидывать, кувыркаться через голову’).[20] Посредством префикса *ко-* и его вариантов возможно также придание глаголу оттенка «движения взад и вперед, в двух или нескольких направлениях».[21] Как, например, русск. *колыбати*, болг. *колебая се* и т. п.[22]

Среди перечисленных выше глаголов имеются такие, у которых производная основа имеет значительно большее число значений по сравнению с некогда производящей (ср., напр., *колупать*, имеющий в говорах 24 значения, и *лупать* — 1 значение и др.). Столь большая разница в семантической насыщенности глаголов ослабляет связи префиксальной и беспрефиксальной форм, семантическая обусловленность производного почти не ощущается. Наряду с этим имеются примеры, в которых у производного наблюдается расширение объема одного из каких-либо значений (ср., напр., *кала́мчить* ‘мять что-либо’ и *ля́мчить* 1. ‘комкать, мять шерсть’; 2. ‘катать, валять’).

Однако большую часть материалов составляют глаголы, в которых значения производного и производящего тождественны. Изменения в семантике производного затрагивают лишь ту часть, которая определяется стилистической отнесенностью слова (называет признак действия). Эти глаголы несут в своей семантике определенную экспрессию. Аффикс *ко-* (*ка-*, *ку-*) выполняет в них, видимо, усилительную функцию. Ср., *кадя́хать* ‘сильно каш-

[19] *Москов М.* Особая префиксальная система. . ., с. 151.
[20] Там же.
[21] Там же, с. 153.
[22] Там же.

лять' и *ды́хать* 'кашлять'; *колуну́ть* 'разбить, расколоть' и *луну́ть* 'бросить, кинуть'; *куклéчить* 'шить небрежно' и *клéчить* 'стягивать, скручивать'; *кожи́литься* 'прилагать большие усилия, напрягаться, делая, выполняя что-либо'; 2. 'скупиться'; 3. 'быть в нерешительности, сомневаться' и *жи́лить* 'тянуть, вытягивать, натягивать'; *козу́ниться* 1. 'обижаться, сердиться'; 2. 'относиться осторожно, с подозрением, коситься' и *зу́рить* 'смотреть' и др.

Многие производные глаголы полностью повторяют значения беспрефиксальной формы. Ср.: *копы́шкаться* и *пы́шкаться* 'копошиться'; *каку́тать* и *кутать* 'запирать, закрывать'; *копыря́ть* и *пыря́ть* 'бить, толкать' и т. д. Эти исторически производные образования не обнаруживают былых словообразовательных связей. Их внутренняя форма в настоящее время не осознается, структурно-семантическое соотношение производного и производящего нарушено, а сам префикс затемнен историческими напластованиями.

Собранные в статье факты не исчерпывают всего имеющегося материала. Одни из них не требуют этимологических обоснований, другие же, несомненно, нуждаются в них. Кроме того, рассмотрение многих из производных требует привлечения также данных из славянских и других языков. Поэтому изложенные наблюдения рассматриваются только как материал для дальнейшего более глубокого и детального изучения этого интереснейшего явления из области префиксального словообразования.

Н. В. ПОПОВА

Трехчленность как ритмико-синтаксическая особенность нижегородского диалекта и фольклора

В «Методических указаниях по составлению словарных статей к Горьковскому областному словарю» Е. В. Ухмылина пишет: «Что касается трудов по изучению говоров нашей территории, то они немногочисленны» (Горький, 1981, с. 9); это работы Н. Н. Дурново (1914), Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова (1929), П. Я. Черных (1944), А. В. Крутовой (1950) и еще несколько заметок и статей, частью краеведческих. Слабое представление дают эти материалы о нижегородском диалекте прошлого века. В. И. Чернышев в 1901 г. предпринял поездку по Нижегородскому краю с целью записать на фонограф народные песни; он констатировал: «. . .несмотря на то, что в Нижегородской губернии, в уездах, которые я объехал, есть местности, где знают много песен и хорошо их поют. . . все-таки уже содержание песен свидетельствует о постепенном их разрушении».[1]

Представление о некоторых самобытных чертах нижегородского диалекта можно получить из отрывочных записей речи нижегородцев, сделанных любителями русского слова и хранящихся в архивах Академии наук, Географического общества, а также из текстов художественных произведений писателей, жизнь которых была связана с Нижним Новгородом. Наиболее ценные сведения находим у М. Горького, П. И. Мельникова-Печерского и В. Г. Короленко, с достоверностью отразивших этнографические и речевые особенности Нижегородщины.

Вчитываясь в эти тексты, невольно отмечаешь одну общую их черту — особый мелодический рисунок, характерную синтаксическую завершенность речи.

Можно наблюдать, что нижегородскому диалекту присущи черты народно-поэтического склада в самых обыденных речевых образцах, что мастерски использовали в своих произведениях писатели-нижегородцы.

Нам представляется, что особая размеренность нижегородской речи связана еще с одной ее отличительной особенностью, которая

[1] *Чернышев В. И.* Народная песня «На горах» Нижегородской губернии. — Живая старина, 1903, кн. 1—2, с. 255.

проявляется весьма часто. Мы имеем в виду трехчленные композиции, будь то три однородных предложения, три сравнительных оборота, три образа, создающих одно общее целостное представление. Эта трехчленность — один из важных организующих моментов, свойственных устной народной поэзии, уводящих нас к глубоко архаичному состоянию языка и живущих по сей день в творчестве писателей, не порывающих с поэтическими традициями народной речи, но использующих эти традиции в своих произведениях. Мы связываем трехчленность, как и парность, с мерностью прозы потому, что, возможно, здесь действуют особые, «особенные», как сказал Н. А. Добролюбов, «требования гармонии».[2]

В предлагаемой статье собраны наблюдения над тем, как проявлялась эта особенность в повседневной речи нижегородцев и какое отражение она получила в повествовательной ткани художественных произведений писателей, связанных с жизнью Нижегородского края.

Эти трехчленные композиции обращают на себя внимание как частотой проявления, так и особенностями «внутреннего сцепления образов, соединения их по определенным стержням»,[3] что в конечном счете влияет, на наш взгляд, на особый склад высказываний — афористичность, насыщенность речи пословицами, поговорками, поскольку первый или последний компонент трехчленной конструкции является обобщающим или подытоживающим.

Подобные явления изучались и изучаются в фольклористике как сугубо фольклорные, уходящие корнями в седую старину. В нашей статье мы обращаем внимание на эту речевую особенность как на характерное явление нижегородского диалекта, отраженное в записях народных песен Нижегородского края и в бытоописательной литературе.

Если мы обратимся к «Описанию рукописей Ученого Архива имп. Русского Географического общества» Д. К. Зеленина (Пг., 1915, вып. 2, гл. XXIII «Нижегородская губерния»), то встретим трехчленные композиции даже в начальных строках, в зачинах песен: Как у бабушки, у Варварушки была помочь, была сволочь, были супрядки (XXIII, 118); Ты пошто, мати, хорошу родила, хорошую, больно счастливую, ко всему больно догадливую (там же); Раззоренная путь-дороженька, от Можая до Москвы, Раззорил же путь-дороженьку, неприятель, вор, француз (XXIII, 130); Жили, Согрешили, Богу согрубили (там же).

В Троицын день, развивая венки, приговаривают: Раскумимся, кума, Раздружимся, кума, Разлюбимся, душа (XXIII, 120); Прощай, город Самара, все уезды, города, Прощай, лавочки, трахтирцы, все питейные дома (XXIII, 88).

---

[2] *Добролюбов Н. А.* Замечания о слоге и мерности народного языка. — Собр. соч.: В 9-ти т. М.; Л., 1961, т. 1, с. 86.

[3] *Соколов Б. М.* К исследованию поэтики народных песен. — В кн.: Фольклор: Поэтическая система. М., 1977, с. 302.

Третий элемент часто присоединяется к устойчивым парным сочетаниям типа *поить—кормить*: Поили-кормили, лелеяли (Архив АН, ф. 216 «Этнографические разговоры» Нижегород, г.); Будешь ты ткаха, пряха и по воду ходяха (там же); Плачучи, рыдаючи, на смертный час помышляючи (Зеленин, XXIII, 152). Впрочем, чтобы не впасть в ошибку, заметим, что особого изучения требует вопрос о том, добавляется ли к парным сочетаниям третий компонент или от трехчленного устойчивого сочетания отторгается третий компонент, что ведет к образованию устойчивых лексических пар, так как тройственность однородных, точнее одноплановых, сцеплений — явление, широко распространенное в фольклоре, в пословицах, поговорках. Например, *елки-палки* и *елки-палки-лес густой*; *ни в мать, ни в отца* и *ни в мать, ни в отца, ни в проезжего молодца*; *ни бэ, ни мэ* и *ни бэ, ни мэ, ни кукареку* и т. д. Много подобных примеров найдем в книге А. П. Евгеньевой о языке устной поэзии XVII—XX вв.: «После веку его долгова Осталось житье-бытье-богатество, Осталась ево матера жена. . осталась чадо милая. Не для ради красы-басы-угожества».[4] Автор в особой подрубрике приводит примеры, где «третий синоним, а иногда первый или второй, имеет определение, зависимое слово, которое может относиться не только к нему, но и ко всем трем или к двум из них», в последующих подрубриках — примеры, где «третий синоним — перифраза»: «Без бою, без драки великия, И без того кровопролития напрасного; Дай бог здоровья, живота, веку долгого; А спишь — лежишь, опочив держишь; Мне не спится, не лежится, и сон меня не берет».[5]

Данные примеры приведены автором в качестве сочетаний синонимов: «Совершенно несомненно, — пишет А. П. Евгеньева, — что и в этих сочетаниях основой соединения является совпадение значения».[6] Нам же представляется, что в данном случае синонимов в строгом понимании этого термина мы не имеем, перед нами лишь прием, по выражению Б. М. Соколова, «внутреннего сцепления образов», их соединения по определенным (смысловым, тематическим) стержням. Один из способов «внутреннего сцепления» — прием «градации», по терминологии Б. М. Соколова, количественное противопоставление, исключение единичного из множества. . ., соединение общего положения с его конкретизацией и др.».[7]

Подобное явление в народной поэзии отмечал также Н. А. Добролюбов: «Нередко также встречается и такой способ выражения: сначала высказывается общее понятие, а потом берутся частности, например: в зеленом саду, в вишенье, в орешенье».[8]

---

[4] *Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.; Л., 1963, с. 273—274.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] *Соколов Б. М.* К исследованию поэтики. . ., с. 303—304.

[8] *Добролюбов Н. А.* Замечания о слоге. . ., с. 86.

В записях народных песен, приведенных П. И. Мельниковым-Печерским в романах «В лесах» и «На горах», также встречаем трехчленные соединения: Ох ты гой еси, сыра-земля! . . Всех еси ты породила, Воспоила-воскормила И угодьем наделила. . Повели с себя урвати Зелий, снадобий, угодьев Ради польги на живот. Этот пример — из древних заклинаний, о которых автор пишет: «Ни в каких песнях так полно и так цельно не сохранились слова стародавних молитв, как в таинственных заговорах и заклинаниях».[9] Там же находим образцы заговоров, где опять-таки налицо трехчленные соединения: Праведное солнце! Благослови корни копати, цветы урвати, травы собирати! . . («В лесах», кн. 2, с. 195—196). Сам автор в авторской речи подчиняется этому стилистическому наваждению. Приведя примеры древних заклинаний, старинных песен, отражающих эти «остатки языческой обрядности», дав читателю разъяснения относительно сохранности в народной памяти обломков «стародавних молитв», где «не опущено и не изменено ни единого слова и все прочтено и пропето на известный лад исстари установленным напевом», П. И. Мельников-Печерский и сам вполне овладевает и широко пользуется стилем этих напевов. Вот вслед за приведением текстов подлинных заговоров автор говорит от себя: «Знахарка продолжала сбор трав и рытье кореньев. . Сорвет ли травку, возьмет ли цветочек, выроет ли корень — тихо и величаво поднимает его кверху. . Горят ее щеки, высоко подымается грудь, и вся она дрожит в священном трепете. .» (там же, с. 197).

В песнях, распеваемых девушками, та же трехчленность, причем часто каждое последующее звено трехчленного соединения усиливает впечатление от предыдущего; этим достигается эффект трехчленного нарастания: Ах ты, молодость моя, молодость, Чем тебя мне помянути? Тоской да кручиной, печалью великой. . Не знавать мне счастья, радости, с милым другом в разлученье быть! . . Родила меня кручина, Горе выкормило, беды вырастили («На горах», кн. 1, с. 410—411). И в песнях подростков, «удалых, задорных, забиячливых», в песнях-дразнилках, «заигрышах» «выпевают, вычитывают»: Шесто колесо Всего Лёску разнесло. По всем городам, По всем сёлкам, деревням» (там же, с. 567). В живой речи нижегородских жителей мы непременно слышим это трехчленное сплетение, делающее простой диалог поэтической сказкой. Фленушка «поведала родной (матери) свое горе сердечное, свою кручину великую, свою любовь к Петру Степанычу. — Сначала я над ним тешилась да подсмеивалась, — говорила она, — шутила, резвилась, баламутила. Любо мне было дурачить его, на смех поднимать, надо всяким его словом подтрунивать» (там же, с. 393). «Припечалится он, бедненький, повесит голову, слезы иной раз из глаз побегут, а мне то и любо. .» (там же).

---

[9] *Мельников-Печерский П. И.* В лесах, кн. 2. М., 1956, с. 195—196.

Или примеры из семейного диалога мужа и жены Дорониных. [Татьяна Андревна:] — Придумать не могу, чем мы ему (Петру Степановичу) не угодили. . Ну да господь с ним, вольному воля, ходячему путь, нам не в убыток, что ни с того ни с сего отшатился от нас. . А все-таки обидно. . — Да с чего ты так к сердцу принимаешь? — говорил жене Зиновий Алексеич. — Жили без него и вперед будем жить, не тужить, никому не служить» (там же, с. 445). Примеров подобного рода в тексте романов множество, трехчленные структурные построения, в частности с эффектом трехчленного нарастания, часто встречаются как в подлинных старинных текстах (святочные гаданья, коляда, хороводы, свадебные песни, плачи вопленниц, заговоры, заклятья), так и в бытовавших среди молодежи современных автору песнях, в речи действующих лиц романов и в речи самого автора.

Исследователи творчества М. Горького среди художественных особенностей его произведений отмечают главную черту горьковского стиля — размеренность речи персонажей. Это относится прежде всего к автобиографической повести «Детство». Автор все время подчеркивает эту особенность.

Налицо ряд сходных творческих приемов у П. И. Мельникова-Печерского и М. Горького, в основе которых лежит сильное влияние живой народной стихии нижегородского говора, отразившееся у каждого из этих писателей по-своему, но создавшее при этом заметные стилистические параллелизмы. Вот как обрисовал интонационный строй нижегородского выговора М. Горький. В автобиографической повести «Детство» бабушка говорит, как-то особенно выпевая слова. . . говорит, точно поет. . .; дед складывает слова одно с другим легко и ловко. . .; у дяди Петра речь была кудрява, изобилуя прибаутками. . .; голоса и речи деда и бабушки звучат негромко и так ладно, что иногда кажется, что они песню поют..

На стиль бытописательских романов П. И. Мельникова-Печерского также оказала влияние ритмическая проза.

Многие страницы названных выше произведений воспринимаешь как белые стихи. В трилогии М. Горького дед, легко и ловко складывая крепкие и тяжелые слова, рассказывает о своем бурлацком прошлом:

Баржа по воде,
Я — по бережку бос
По острым камням, по осыпям,
Да так от восхода солнца до́ ночи.
Накалит солнышко затылок-то,
Голова как чугун кипит,
А ты, согнувшись в три погибели,
Косточки скрипят,
Идешь да идешь, и пути не видать,
Глаза по́том залило,
А душа-то плачется,
А слеза-то катится,
Эхма, Алеша, помалкивай.

Та же ритмическая проза — белые стихи — у Мельникова-Печерского:

Без Якимушки и цветы не цветнó цветут,
Без него и деревья не краснó растут во дубравушке,
Не светло светит солнце яркое,
Мглою-мóроком кроется небо ясное. .
А немало ночей, до последних кочетов,
С милым другом бывало сижено. .
Раздавались, расступались кустики ракитовые,
Укрывали от людских очей стыд девичий, счастье молодецкое. . .
Лес не видит, поле не слышит, людям нé по что знать

(«В лесах», кн. 1, с. 181).

Представляется нерасторжимой связь ритмической организации текста с его стилистической структурой, в частности трехчленностью, придающей законченность, завершенность всему высказыванию. В приведенных ниже примерах из повести «Детство» в речи деда также видим эту нарастающую трехчленность (ср.: [Дед:] Это мы и возьмем за обычай, поставим правилом, законом).

Существует мнение, что ритмическая организованность — постоянное и существенное свойство поэзии, что язык поэзии отличается большей отдаленностью от обыденной речи, чем язык художественной прозы. На примере романов М. Горького и П. И. Мельникова-Печерского мы видим, что особая размеренность речи персонажей совершенно согласуется со свойствами и особенностями местного говора. Усвоив эти особенности, сами авторы щедро используют их и в собственной, авторской, речи, как было показано выше на примерах из романов П. И. Мельникова-Печерского. Подобные поэтические цепочки разбросаны и в «Детстве» М. Горького. В доме Алеши «часто кричали друг на друга, грозили чем-то один другому, тайно шептались в углах». Об этой жизни бабушка скажет: «Везде, отец, одно и то же: споры, да распри, да томашá», а автор повествования свое состояние охарактеризует так: «Скучно; скучно как-то особенно, почти невыносимо; грудь наливается жидким, теплым свинцом, он давит изнутри, распирает грудь, ребра; мне кажется, что я вздуваюсь, как пузырь, и мне тесно в маленькой комнатке, под гробообразным потолком». Постоянно пользуется М. Горький и трехчленными соединениями с эффектом нарастания; вот несколько образцов. «Сидит бабушка, согнувшись, не двигаясь, не дыша»; «Улица оживает, смеется, кричит. И вдруг все сотрется, все замолчат, исчезнут».

Образцы нижегородского диалекта найдем также в очерках В. Г. Короленко «В пустынных местах (Из поездки по Ветлуге и Керженцу)», а также в наблюдениях и заметках из дневника «В голодный год». Возможно ближе к подлинной речи Нижегородского края передает В. Г. Короленко слышанные им рассказы, сказки и песни, снабжая их точной географической и социальной характеристикой. Так, приводя отрывок песни, сложенной старицами «в дремучих лесах Семеновского уезда», автор в примеча-

нии указывает: «Записано А. С. Гациским со слов одной старицы в Семеновском уезде».[10] В отрывочных образцах нижегородского диалекта мы вновь находим знакомые ритмические рисунки и структурные построения, например, в документированной автором песне стариц: «О прекрасный ты наш раю, прелюбезный драгой скит, Нам в тебе уж не живати, святые службы не стояти, Тихия радости не видати» (с. 115). Вот автор слушает сказки бурлаков. Для него рассказывают «получше какую», так как он «купец послухать» о том, как «жил-был старик со старухой. . Да и то же самое как мы ветлугаи дожились до того, что ни хлеба, ни водочки, ни табаку». Голос у рассказчика «глубокий, грудной и гибкий. . Речь льется плавно, готовыми складными оборотами. . Он всецело владеет вниманием слушателей. . Пароход идет мимо спящих лесов, и кажется, что это оттуда, от шепчущей темно-зеленой стены кто-то подсказывает Ефрему его фантазии» (с. 119). А вот речь другого бурлака из той же артели, Семена, «мужика лет под пятьдесят»: «. . .а дело было эк же, как вот теперь, темно, да мýглонно, да еще и дождик по листу шебаршит. . Понял я тут, кто меня кличет, сел на землю, дрожу, зуб на зуб не попадает. . А он как пойдет круг меня-да выть, да закликать, да с разных тебе сторон, да на разны тебе голоса: то батька кличет, то старуха, то опять молодая моя, Марьюшка, разливается зовет» (там же, с. 122).

И еще один образец нижегородского диалекта. В. Г. Короленко на реке Керженце беседует с рыбаком, «немолодым, угрюмого вида». Суровый собеседник-рыбак спрашивает: «Чьи будете? — Нижегородский, — ответил я. — Мне бы переночевать. — Можно. Ступай, когда так, за мной». Далее следует знакомство с семьей рыбака и ряд бесед, переданных с возможной достоверностью. Приведем отрывок из рассказа о рыбной ловле: «Лещ — он простяк. . А вот щука или наипаче жерех — с тем мудрено: пойдет биться, пойдет путлять, сеть что есть изорвет. .» (там же, с. 152).

В очерке «В облачный день» ямщик Силуян поет старинную песню об «аракчеевских» березах, насаженных во времена Аракчеева. «Песня, господин, она, как сказать, — поясняет седоку Силуян, — она ведь исстари идет. . От народу взялась. . Старинная эта песня. . ежели ее голосом настояще вывести».[11]

Вариант этой песни об Аракчееве имеется и в записях А. С. Пушкина; в нем мы найдем многочисленные композиции из трехсложных синтаксических построений:

. . .Ты, Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил,
Доро́женьки проторил,

[10] *Короленко В. Г.* Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1954, т. 3, с. 115.
[11] Там же, с. 241—242.

Он канавушки прорыл,
Березами усадил,
Бедных людей прослезил![12]

«Есть основание предполагать, что эта песня была записана Пушкиным, когда он проезжал по Арзамасскому тракту... Начало этой песни (Течет речка по песку) знакомо болдинской колхознице А. А. Крюковой, исполнительнице старинных песен», — заключает одна из исследовательниц творчества Пушкина.[13] Известно, какое место занимала в творчестве Пушкина народная поэзия, какую роль сыграла Арина Родионовна и ее сказки; хорошо известно, что и в Михайловском, и в Болдино Пушкин записывал народные песни. Исследователями сопоставляются текстуально песни народные и обработанные Пушкиным песни, предания, легенды. Так, в «Истории русской литературы» говорится о сказках Пушкина: «В художественной форме пушкинских сказок отразилось глубокое постижение стилистических, интонационных и ритмических особенностей устного народного творчества».[14] Нам не встретились пока в литературе конкретные указания на влияние определенных местных, областных языковых факторов на творчество поэта. Постараемся отыскать причину такого восприятия пушкинских творений, где мы ощущаем глубокое постижение особенностей устного народного творчества, причем особенностей, носящих наддиалектный характер.

Село Болдино принадлежало к Арзамасскому уезду, а по более позднему административному делению отошло к Лукояновскому уезду Нижегородской губернии, так что языковая стихия, так художественно отображенная в произведениях М. Горького, П. И. Мельникова-Печерского и В. Г. Короленко, конечно же, и в пушкинское время обладала своеобразием, мимо которого не прошло творческое сознание поэта. Только что приехав в Нижний Новгород (2 сентября 1833 г.), едва отдохнув, «одурев с дороги», Пушкин пишет Наталье Николаевне в Петербург два письма с «отчетом» о дорожных впечатлениях. В частности, говорит о встрече с одной дамой, «городничихой», «обижаемой на всех станциях», которая приняла Пушкина за станционного смотрителя и стала требовать для себя тройку лошадей. «Она приняла меня, — пишет Пушкин, — весьма дурно и *нараспев* (курсив наш. — *Н. П.*) начала меня усовещевать и уговаривать...».[15] Мы можем предположить, что эта «городничиха» — нижегородская, помня, что нижегородские говорят как-то особенно «выпевая слова». Из дальнейшего рассказа выясняется, что эта особа, говорящая *нараспев*, решилась путешествовать под покровительством поэта, она и ее тетка доехали почти до самого Нижнего и

---

[12] *Пушкин А. С.* Записи народных песен.— Собр. соч.: В 10-ти т. Л., 1977, т. 3, с. 406.
[13] *Дунаева Е.* Болдино. М., 1951, с. 134.
[14] История русской литературы. М.; Л., 1953, т. 6, с. 294.
[15] *Пушкин А. С.* Собр. соч., т. 10, с. 346.

«отстали за три или четыре станции», где их ждал муж «городничихи». Вот и еще одно свидетельство особой интонационной окраски нижегородской речи. Некоторые сказки, которые Пушкин создал именно в Болдине, являются образцами ритмически организованной прозы, которая неотделима от поэзии устного народного творчества. В силу неизученности мелодико-синтаксических особенностей нижегородского диалекта эта его черта, усвоенная поэтическим гением Пушкина, проходит мимо внимания пушкинистов. Так, доказывая, что «Сказка о попе и о работнике его Балде» написана именно в Болдино, пушкинисты обращают внимание на качество бумаги, на которой писана сказка: «болдинская бумага особенная и вообще не встречается у Пушкина в иные годы».[16] Много пишут об особенном «русском народном стихе речевого типа», называя его то «раешным», то «лубочным», и истоки его отыскивают где угодно, но только не в окружавшей поэта атмосфере нижегородского диалекта. С. Бонди пишет о «раешном стихе» «Сказки о попе. . .»: «. . .речь течет. . . совершенно прозаически. Но тем не менее какие-то другие свойства этой речи. . . резко отличают ее от прозы».[17] То же пишет А. Г. Гукасова, следующая за традиционными истолкованиями особенностей стиля поэта, не приурочивая их к местному диалекту: «Блестящую обработку раешного стиха оставил нам А. С. Пушкин. Раешный стих. . . особый вид русского говорного народного стиха, вид ритмизированного, чаще потешного сказа, проявляющегося в письменной русской литературе на всем протяжении XVII—XX вв., от писателей эпохи Смуты до Великой Отечественной войны».[18] Песенный размер стиха этой сказки привлекал внимание многих исследователей. С. Бобров увидел здесь сложный образец «литературного трехдольного паузника».[19] А. Д. Соймонов правомерно обращает внимание на то, что Пушкин, «записав сказки в Михайловском, продолжал работать в Болдине над их языком. . . Создавая сказки, Пушкин несомненно мог интересоваться местной сказочной традицией, подобно тому, как он занимался записью песен».[20] Там же А. Д. Соймонов ссылается на исследование говора села Большое Болдино, выполненное А. В. Крутовой, которой удалось установить, что в язык «Сказки о попе. . .» введены речевые обороты болдинских крестьян. Трехчленные композиции в сказках Пушкина рассыпаны во множестве: «Старушоночка сказала, Поклонилась и пропала»; «Гости князю поклонились, вышли вон и в путь пустились»; «Тут он топнул, Вышел вон и дверью хлопнул»; «А теперь ты воротись, не горюй и спать ло-

---

[16] *Азадовский М., Томашевский Б.* О датировке сказки о Балде. — В кн.: Пушкинский Временник. Л., 1936, вып. 2, с. 323.

[17] *Бонди С.* О Пушкине. М., 1978, с. 435.

[18] *Гукасова А. Г.* Болдинский период в творчестве Пушкина. М., 1973, с. 279.

[19] *Бобров С.* Новое о стихосложении А. С. Пушкина. М., 1915, с. 36.

[20] *Соймонов А. Д.* А. С. Пушкин. — В кн.: Русская литература и фольклор: (первая половина XIX в.). Л., 1976, с. 189.

жись». Встречаем и случаи осложнения привычных парных сочетаний: семь богатырей «согласно все опять стали жить да поживать», а в «Сказке о царе Салтане» — «стали жить, да поживать, да приплода поджидать; парное сочетание «поить-кормить» распространяется в трехчлен: «Князь Гвидон зовет их в гости. Их он кормит, и поит, и ответ держать велит». То, что в черновиках выражалось двухчленным сочетанием — «Я тебе госпожа, я дворянка, А ты мой оброчный крестьянин», — набело развертывается в трехчлен: «Здравствуй, барыня, сударыня дворянка!». В 1833—1834 гг., т. е. в то же время, когда была создана «Сказка о рыбаке и рыбке», Пушкин пишет: «Обращаюсь к русскому стихосложению. Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало».[21] Белым стихом, а точнее, ритмически организованной прозой в сущности написана сказка о золотой рыбке: «Жил старик со своею старухой у самого синего моря; Они жили в ветхой землянке ровно тридцать лет и три года. . .» Вся эта сказка в большой мере составлена из трехступенчатых композиций с эффектом нарастания. Не имел ли Пушкин в виду именно это свойство народной поэтической традиции, когда в плане статьи о русских песнях отдельным пунктом обозначил: «Лестница чувств» (1830 г.)? [22] «В третий раз закинул он невод, — Пришел невод с одною рыбкой, С непростою рыбкой, — золотою». Состояние рыбки сказывается в поведении морских волн: «Так и вздулись сердитые волны, Так и ходят, так воем и воют». После трех постепенно возрастающих требований старухи — чтобы жить ей в Окияне-море, чтобы рыбка сама ей служила и была бы у ней на посылках — рыбка исчезает, как исчезают персонажи и в других сказках, что передано также с помощью трехчленной композиции: «Ничего не сказала рыбка, Лишь хвостом по воде плеснула И ушла в глубокое море».

Спустя три четверти века другой великий мастер слова, нижегородец, создаст «Песню о Буревестнике», написанную той же ритмической прозой.

Таким образом, используя произведения мастеров слова, мы постарались ретроспективно очертить отдельные элементы — интонационные и синтаксические — нижегородского диалекта, сыгравшего, может быть, не последнюю роль при создании шедевров русской классической литературы. По справедливому замечанию В. В. Виноградова, «изучение отдельных элементов стиля литературного произведения нередко открывает путь к сложным внутренним структурным признакам художественного целого или дает ключ к пониманию отдельных его сторон или частей».[23]

---

[21] *Пушкин А. С.* Путешествие из Москвы в Петербург. Русское стихосложение. — Собр. соч., т. 7, с. 205.

[22] *Пушкин А. С.* Собр. соч., т. 7, с. 369.

[23] *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 115.

Ю. Ф. ДЕНИСЕНКО

Из историко-лексикологических комментариев к Псковским летописям

2. «...велико время мяклося без епископьства много лѣт»[1]

Текст, в котором встречается форма *мяклося*, идет после основного свода, доведенного до 1645 г., — на л. 233 об. Архивского II списка 1650 г. Псковской III летописи, он следует после известия 1589 г., но события, о которых сообщается в нем, разновременные и более поздней датировки: «В лето 7097-го [т. е. 1589 г.]. Маия въ 1 день, приѣхал во Псков с Москвы первыи епископъ Мисаил; а преставися в сотом [1592] году. . . По немъ Генадии вторыи; преставися. . . 116 [в 1608 г.]. По том велико время мяклося без епископьства много лѣт. По томъ Селивестръ корельскии епископъ, преставися во 124-м [1616] году. . .» Этот текст, по мнению А. Н. Насонова, «не относится к основной части оригинала, а является п р и п и с к о й к нему (разрядка наша. — *Ю. Д.*). Приписка была сделана в Псково-Печерском монастыре. . . на основании какого-то особого материала».[2]

Датировать **мяктися / *мякнуться* на основании приведенного текста можно периодом между 1608 и 1616 гг., по списку 1650 г. Таким образом, это лексический элемент позднего средневековья. Учитывая, что данный глагол употребляется в псковском тексте (и по содержанию приписки, и по месту ее создания), исследование этого слова важно для истории псковских говоров XVII в.

Располагая лишь приведенным контекстом, значение глагола можно определить как ‘идти, длиться, проходить или пройти (о времени)’. Ограничение толкования «о времени», возможно, является ситуативным и диктуется контекстуальным окружением глагола, основное значение которого — сам процесс длительности.

В восточнославянских исторических словарях и картотеках *мяктися*, *мякнуться* ‘длиться (о времени)’ не отмечаются, лишь

---

[1] Первая заметка этой серии опубликована в сборнике «Диалектная лексика. 1977» (Л., 1979, с. 145—156). В ней приведен подробный перечень восточнославянских исторических и современных источников, использованных в наших разысканиях. Мы пользуемся Пск. III лет. по последнему академическому изданию памятника: Псковские летописи. М., 1955, вып. 2.

[2] *Насонов А. Н.* О списках Псковских летописей.— В кн.: Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1, с. XXXIII.

в картотеке ДРС представлена приведенная цитата из Пск. лет. В восточнославянских источниках современного периода обнаружить эти глаголы также не удалось.

В восточнославянском материале можно найти достаточное число глаголов, обозначающих какое-либо перемещение в пространстве, а также длительность, течение времени. Ср., например: *минути*, этот очень древний глагол,[3] в Сл.-спр. определен как 'пройти, окончиться (о времени)' — вып. 3, с. 95; однако в Сл. Срезн. — 'praeterire, миновать' (т. е. не только о времени, хотя число сочетаний с именами темпоральной группы велико) — т. 2, стб. 144, ср. *миновати* 'проходить мимо' — т. 2, стб. 143; такая же семантика сохраняется у названных слов и в русских источниках XVIII в., во всех восточнославянских языках.[4]

Интересны в этом плане употребления некоторых русских диалектных слов (по картотеке СРНГ), обозначающих передвижение или какие-либо действия, совершаемые в пространстве, — по отношению к временным категориям: *срок исшёл*, т. е. окончился, пришел к концу, Ряз. Ряз.; *истягáть время* — оттягивать время, намеренно медлить, Охан. Перм.; *истя́жно* — продолжительно, Ветлуж. Костром.; и другие подобные.

Учитывая эту особенность временнóго значения — его возможную производность от значения перемещения, передвижения в пространстве (конечно, не для всех слов, обозначающих передвижение, характерно и значение времени), — а также возможные чередования в корне глаголов *мяктися*, *мякнуться*, удалось найти к ним некоторый сопоставительный материал, подтверждающий их семантику.

В сербохорватском представлены чередования в корне согласных *к—г* и гласных *а—и*: *мàкнути* 'двинуть, сдвинуть', *мàкнути се* (несов. *мицати се*) 'сдвинуться с места', *мàгнути*, *мäгнем* 'моргнуть, подмигнуть', *магновéње*, устар. 'мгновение', *мàгновено*, устар. 'мгновенно', *мйгнути* 'мигнуть, подморгнуть', 'кивнуть', 'сверкнуть (о молнии, зарнице)' и *мȋг* 'подмигивание, мигание' (как знак, сигнал: *на први миг* — по первому сигналу), но также и 'миг, мгновение' (Срб.-хрв.-рус. сл., с. 246, 248, 256). В других славянских языках отражены варианты корня с согласным *h* и гласным *е* (наряду с отмеченными выше чередованиями); например в чешском: mekotat se, megotat se, mehtat sa > migotat, mikotat se, литер. mihati 'колебаться, мерцать'; 'мелькать'; 'мигать', mih 'мгновение' (Sl. Machka, с. 362; Сл. Фасм., с. 618); mih также 'мерцание' (Чеш.-рус. сл., с. 181).[5] Таким образом,

---

[3] В значении 'миновать, пройти мимо' этот глагол, по Фасмеру, является общеславянским, в верхнелужицком и нижнелужицком значение сужено — только о времени; родственные образования с семантикой 'идти, проходить' прослежены во многих индоевропейских языках — Сл. Фасм., с. 624. В русской письменности *миновати* (по Сл. Срезн.) фиксируется с XI в.

[4] По данным картотеки словаря русского языка XVIII в.; БРС 1962, с. 451—452; Сл. Бяльк., с. 264; УРС 1971, с. 406; МАС, с. 374—375 и мн. др.

[5] За консультацию по славянским языкам благодарим В. М. Мокиенко.

глагол с корнем *мак-*, обозначающий передвижение в пространстве (и частные его проявления — кивание, моргание, мелькание молнии), и темпоральные существительные *магновéньe*, *миг* 'мгновение' в конечном счете оказываются родственными.

С сербским *магнути* 'моргнуть' М. Фасмер сопоставляет древнерусское *мѣжити* 'зажмурить глаза' и литовское miẽkti, 3-е лицо ед. ч. 'спать' (Сл. Фасм., с. 618). Все это объясняет вариант корня *м'ак-*, отраженный в слове *мяктися* (или *мякнуться*) Пск. III лет. с предполагаемым значением 'идти, протекать (о времени)'. Другие восточнославянские материалы (наряду с древнерусским *мѣжити*) подкрепляют высказанную версию и фонетически, и семантически, и в некоторой мере ареально:

а) образования с гласным *а* (*'а*) в корне: украинское и белорусское *маха́ть* 'давать знак', 'идти скоро, бежать' — Сл. Гринч., с. 412; Сл. Носов., с. 282; белорусские диалектные *мя́гаць*, *мя́гнуць* 'ходить, бегать', 'пойти, побежать' Лагойск. р-н — МСМ-МГ, с. 81;

б) образования с согласным *к* в корне: украинское *микати губами* 'шевелить губами' — Сл. Гринч., с. 423; белорусское *мкаць* 'трогать с места', *мы́кнуцца* 'мелькнуть, наскоро показаться' — Сл. Носов., с 285, 295.

В псковских говорах известны образования с гласным *и* и согласным *г* корня: *мига́ть* (также и в тверских говорах) 'застить, ходить по свету', *мигну́ть* 'мелькнуть', *миганéц*, *ми́галица* (также и в тверских говорах) 'резвушка', 'шалун, волокита' — Доп. к Опыту (на основании материалов И. Карпова). Ср. также факт новгородских (любытинских) говоров: Едят [дети], только ложки мига́ют (наша запись 1983 г.).

Лишь некоторые из образований с указанными вариантами корня, наряду со значением перемещения в пространстве, определенного движения (или с производной от этого значения семантикой), обозначают также ход, течение времени. Ср.: наряду с украинским *ми́ги* 'жесты, перемигивание' (УРС 1971, с. 405), белорусским *гавóрыць на мігі* 'разговаривать знаками' (БРС 1962, с. 449), русским (рязанским) *ми́гу* (*ми́га*) *бояться* 'очень бояться кого-н.' (собственно: бояться даже малейшего движения кого-н.; Сл. Деул., с. 293) во всех восточнославянских языках (как, по Фасмеру, и в других славянских языках) *миг* 'мгновение, секунда' (время однократного мигания, по Далю) — Сл. Даля, с. 325, УРС 1971, с. 405, Сл. Сцяшк., с. 287; в БРС 1962, с. 283 — *мгнéнне* 'мгновение', в Сл. Носов., с. 282 — *мах* 'мгновение, миг'.

Представленного материала, как кажется, достаточно для подтверждения предполагаемой семантики средневекового псковского *мяктися*/*мякнуться* — значения перемещения в пространстве и возможного производного от него значения времени.

Итак, *мяктися*/*мякнуться* 'длиться или пройти (о времени)' документируется в истории восточнославянских языков только русским материалом — записью начала XVII в. в Пск. III лет.,

по списку 1650 г.(в современный период не отмечается ни в одном из говоров, в том числе и в псковских). По этим сведениям, *мяктися/мякнуться* принадлежит великорусскому периоду; данное слово — специфический элемент лексики псковских говоров позднего средневековья.

Такую исключительность глагола, его принадлежность к редким словам можно объяснить двояко: 1) либо временна́я семантика спорадически реализовалась в одном из восточнославянских говоров, а именно — в псковском (находящемся на периферии восточнославянского языкового континуума), лишь в период средневековья — в период значительной разобщенности — по типу некоторых других, уже существовавших, родственных образований (например, образований с корнем *миг-*); 2) либо же *мяктися/мякнуться* Пск. III лет. — древнее образование, в XVII в. уже реликтовое. В пользу последнего могут свидетельствовать: факт древности вариантов корня с *а* (*'а*) и *к*, факт древности рассмотренного типа образования временны́х наименований.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БРС 1962	— Белорусско-русский словарь. М., 1962.
Доп. к Опыту	— Дополнение к «Опыту великорусского словаря». СПб., 1858.
МАС	— Словарь русского языка. М., 1958, т. 2.
МСМ-МГ	— Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак. Мінск, 1970.
Сл. Бяльк.	— *Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
Сл. Гринч.	— Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина» / Ред. Б. Д. Гринченко. Киев, 1908, т. 2.
Сл. Даля	— Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. М., 1955, т. 2.
Сл. Деул.	— Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.). М., 1969.
Сл. Носов.	— *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Сл.-спр.	— Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1969, вып. 3.
Сл. Срезн.	— *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895, т. 2.
Сл. Сцяшк.	— *Сцяшковіч Т. Ф.* Матэрыялы для слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
Сл. Фасм.	— *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. 2.
Срб.-хрв.-рус. сл.	— Сербскохорватско-русский словарь. М., 1970.
УРС 1971	— Українсько-російський словник. Київ, 1971.
Чеш.-рус. сл.	— Чешско-русский словарь. М., 1959.
Sl. Machka	— *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

К. А. КАРУЛИС

Русское диалектное *етенька*

В Ленинградской области (Подпорожском районе) зафиксировано слово *етенька* ‘слово, которым подзывают овец’: Етенька-кец-кец-кец (СРНГ, вып. 9, с. 45). В словаре это слово квалифицировано как междометие, хотя структура его не характерна для междометия и напоминает структуру имени существительного. Взвесив разные возможности происхождения слова, мы можем утверждать, что в основе его нет характерных для овечьего голоса звуков (как, скажем, в основе глаголов *бекать* и *мекать* и соответствующих им слов, которыми подзывают овец, например, *мек, мек!*). В русском языке неизвестны также такие названия овец, которые напоминали бы диалектизм *етенька* или которые можно было бы связать с ним по происхождению. Следовательно, можно думать, что *етенька* является заимствованием. Но из какого языка? В соседних финно-угорских языках нет слов, соответствующих ему по форме и смыслу. Такое слово, по нашему мнению, есть в латышском языке.

Как нам кажется, русское диалектное *етенька* тесно связано с латышским aita ‘овца’. Слово *етенька* по форме может быть уменьшительным от существительного **ета*. Такая форма могла создаться в результате фонетических преобразований: **ета* < **ěта* < **оita* < балт. **aita* < **aitā*. Этот путь фонетических изменений требует признать, что данное заимствование является древним, не позднее VII—VIII вв.

Согласно традиционному взгляду на происхождение слова *aita*, эта форма создана от уменьшительного *aitiņa* < *avitiņa*, в основе которого лежит другое название овцы *avs* < балт. **avis* < и.-е. **ǒu̯is*.[1] Но в таком случае *aita* является слишком поздней инновацией латышского языка и не может быть основой диалектизма *етенька*.

По нашему мнению, более реальной является другая этимология слова *aita*: оно связано с глаголом *iet* ‘идти’ **eiti*, с параллельной формой **aiti* (от чего латыш. *aidinieks* ‘иноходец’). Следова-

[1] *Mīlenbahs F.* Latviešu valodas vārdnīca (Словарь латышского языка). Riga, 1923, т. 1, с. 14; *Endzelīns J.* Latviešu valodas gramatika (Грамматика латышского языка). Riga, 1951, с. 214.

тельно, *aita* первоначально 'тот, кто ходит, бродит'. Соответствующее слово с подобным значением действительно существует в литовском языке: *áita*, *áitas* 'ходок'; 'непоседа'; 'повеса, шалопай, летун'.[2]

С такой этимологией находим параллели в происхождении названий овцы (или козы) в других языках. Производными от и.-е. **ei-* 'идти' являются, например, хетское *iiant-* 'овца' («тот, кто ходит») и оскское *eítiuvam*, асс. (от **eitu̯ā*) 'имущество', 'мелкое домашнее животное'.[3] От того же и.-е. корня, наверно, др.-инд. *eḍaḥ* 'порода овец' и др.-греч. αιξ 'коза'. Русск. *баран* и др.-греч. βάριον 'овца' О. Н. Трубачев связывает с тур. **baran* 'тот, кто ходит'.[4] Даже в том случае, если *баран* не заимствование из турецкого, а в основе целой группы соответствующих слов разных языков лежит некая субстратная лексема,[5] важно в этом случае семантическое соотношение 'идти'/'овца (мелкое домашнее животное)'. Основанием для переноса значения было то обстоятельство, что овца (и коза) в древности считались идущим, ходячим имуществом, в противоположность такому имуществу, которое приходилось нести или возить.

Как объяснить существование слова *етенька* (<**eta*) в говоре Подпорожского района — на самом севере Ленинградской области? Так как исходное слово со значением 'овца' существует только в латышском языке и такого названия нет в других балтийских языках, можно сделать вывод, что это было характерным явлением лишь для языка жителей северо-восточного района древнего балтийского ареала. Из языка одного племени (предков кривичей?) этого района слово было заимствовано в говоры формирующегося древнерусского языка, но вытеснено в общем значении 'овца' другим названием (*овца*: латыш. *avs*), сохранившись только в функции междометия. Но так далеко на северо-востоке до сих пор балтийский субстрат вообще не установлен. Существовал ли там изолированно небольшой балтийский остров? Или это слово сохранилось от балтийских групп, которые увлек с собой туда поток восточнославянских переселенцев? Ответ на эти вопросы может дать, между прочим, подробное изучение топонимики данного района.

---

[2] Lietuvų kalbos žodynas (Словарь литовского языка). Vilnius, 1968, т. 1, с. 44.

[3] *Tischler J.* Hethitisches etymologisches Wörterbuch. Innsbruck, 1978, Lf. 2, S. 345.

[4] *Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, с. 74—76.

[5] *Хубшмид И.* Дославянские и дороманские этимологии. — В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 246—247.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

Тавлинец на русском Севере

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля в гнезде *табак* после толкования названий берестяных табакерок *таблинка*, *тавлинка* и производных от них слов читаем: **Тавли́нец**? *ол*(онецко)-*к*(а)*рг*(ожольское) бродяга, беглый. Это ошибочно помещенное сюда слово не привлекало внимания этимологов, что, вероятно, связано и с осторожным вопросительным знаком к слову, который, однако, представляется излишним, а филологическая достоверность слова может быть вполне доказана. Подтверждение реальности слова и правильный путь его этимологизации дает интереснейший «Словарь малороссийского, или юговосточнорусского языка. . .» П. П. Белецкого-Носенки (см.: *Білецький-Нóсенко П. П.* Словник української мови. Київ, 1966, с. 348), где этот известный лексикограф-энтузиаст сообщает следующее:

Тавли́нець Горецъ; житель Кавказских горъ. Тавлинцы (мн. ч.). Отъ татарского слова *тау* (*тавъ*) — гора. Злый, якъ тавлинець (Злой, какъ лезгинъ).

Тавли́нка 1. Жителька Кавказскихъ горъ. 2. Простая крестьянская табакерка изъ березовой коры.

Значения последнего украинского слова точнее было бы считать двумя омонимами, которые объясняются сближением разнородных по происхождению слов *тавлинец*, *табак*, *тавлинка*.

Что касается происхождения названия *тавлинцы*, то в основе его лежит не тюркское слово *тау* (*тав*) ‘гора’, а производное от него общее тюркское название горцев, жителей гор *таулы*, *таулу*, получившее на русской и украинской почве одинаковое оформление с помощью суффиксов *-ин*+*ец*. Об отдельных случаях конкретного употребления термина применительно к разным народам Кавказа говорится в книге Н. Г. Волковой «Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа» (М., 1973, с. 87, 144). В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1940, т. 4, стб. 634): **Тавлинцы** (устар.) — горцы Дагестана.

И в русском и в украинском языках слово *тавлинец* было всего эпизодическим словом, проникшим в народные говоры благодаря солдатам-кавказцам, которые по возвращении в родные места принесли экзотическое наименование. В русском языке оно

даже приобрело переносное значение, которое только затемнило внутреннюю форму и затруднило этимологический анализ. Вопрос при олонецко-каргопольском местном слове у В. И. Даля, вероятно, был обусловлен именно эпизодичностью слова и неудачами попыток подтвердить слово у других носителей этих говоров. Если уж подвергать сомнению что-нибудь в этом слове, то скорее значение, которое, вероятно, встречаясь в каком-нибудь неодобрительном контексте, выражало что-то неприязненное по отношению к лицу. Это кавказское слово, записанное от каргополька, но не типичное каргопольское.

Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

Словарь русских народных говоров

(итоги и перспективы)

Исключительно важное значение диалектных данных для решения многих вопросов лингвистического и исторического характера настоятельно требует введения в научный оборот лексических богатств народных говоров. Известно, что в письменных памятниках различные стороны языка отражаются далеко не полно, а иногда, по разным причинам, и вовсе не находят отражения. В говорах русского языка, например, имеется немалое количество слов и значений слов, существующих столетия, даже уходящих в праславянскую и индоевропейскую древность, но не попавших в письменный русский язык. Эти слова являются ценнейшим материалом для историко-этимологических, историко-лексикологических и других разысканий, для воссоздания языковой картины прошлых эпох.

Между тем диалектные данные еще, к сожалению, не всегда привлекаются в историко-лексикологические и этимологические исследования. Б. А. Ларин, отмечая неточность и неубедительность многих этимологий, предлагаемых М. Фасмером, связывал это с тем, что «из громадного, наличного даже в опубликованных работах диалектного запаса „внелитературных слов“ и не менее необъятного запаса местных названий и личных имен М. Фасмер включил лишь какую-то часть».[1]

Вообще, если говорить о значении диалектной лексики для языкознания, трудно назвать такую отрасль науки о языке, где не могли бы быть плодотворно использованы данные по местной лексике. Велико значение диалектных лексических данных для истории, археологии, этнографии, даже для ботаники, зоологии, поскольку диалекты сохраняют массу местных названий растений, животных, птиц, рыб и т. п.

Все это привело языковедов к осознанию необходимости накопления и систематизации диалектного словарного материала.

Этим в значительной мере объясняется оживление в последние три десятилетия работы по составлению областных словарей,

[1] *Ларин Б. А.* Предисловие. — В кн.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964, т. 1, с. 8.

описывающих лексику одного говора или группы близких говоров, бытующих на ограниченной территории.

В конце 50-х годов все отчетливее проявляется необходимость создания такого труда, который обобщил бы в себе все накопленные за многие десятилетия собирательской деятельности материалы по диалектной лексике и фразеологии. За более чем столетний период со времени выхода в свет «Опыта областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнения» к нему (1858) русскими диалектологами и любителями народного слова были собраны богатейшие материалы по диалектной лексике и фразеологии. Эти материалы были частично опубликованы, но в основной своей части остались в рукописном виде. Разбросанные по многочисленным источникам, они по существу не были доступны для исследователей. Так возникает идея создания «Словаря русских народных говоров» — второго (после «Опыта областного великорусского словаря») сводного словаря русской диалектной лексики.

Замысел Словаря и начало работы над ним сопровождались полемикой, связанной с обсуждением основных направлений развития русской диалектной лексикографии. Нерешенность многих вопросов теоретической лексикографии, слабая изученность вопроса о взаимоотношениях между общенародным языком и диалектами осложняли и обостряли полемику.

Споры сводились в основном к трем вопросам: 1) какая лексика должна войти в областной словарь, т. е. должен ли областной словарь включать в свой состав всю лексику, которой владеют носители местных говоров, в том числе и лексику литературного языка, или он должен быть строго дифференциальным и включать лексику только диалектную, слова чисто местного распространения; 2) какие цели должен преследовать областной словарь — историко-диалектологические, т. е. быть пособием для изучения современного состояния и истории местных диалектов, или историко-лексикологические, т. е. быть пособием для изучения истории диалектных слов, с географической и, по возможности, хронологической их характеристикой; 3) как относиться к словарным материалам по местным русским говорам, накопленным нашими предшественниками в XIX—начале XX вв. (можно их использовать при составлении областных словарей или следует отказаться от них).[2]

Сейчас, когда составлено и утверждено к печати 25 выпусков СРНГ, 20 из которых уже вышли в свет, т. е. когда половина запасов диалектной лексики, собранной за два столетия, лексикографически упорядочена и обработана, появилась возможность обсудить некоторые итоги работы над Словарем, оценить его основ-

---

[2] См. об этом: *Ларин Б. А.* 1) О работе над новыми словарями. — Вестник ЛГУ, 1960, вып. 4, № 20, с. 65—66; 2) Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961; *Орлова В. Г., Сологуб А. И.* Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка. — В кн.: Лексикографический сборник. 1957, вып. 2, с. 65—78; *Филин Ф. П.* Об областном словаре русского языка. — Там же, с. 44—59.

ные принципы и предложить определенные уточнения и усовершенствования правил составления Словаря.[3]

Словарь русских народных говоров составляется как словарь дифференциального типа. В его состав включаются только диалектные слова и значения. В нем находит место также диалектная фразеология, разнообразная терминологическая лексика, архаизмы и даже элементы арго, если они входят в диалектную лексическую систему, имеют в своем распространении локальные ограничения и не известны в литературном языке. Дифференциальный принцип распространяется и на структуру слова. В словарь включаются: а) лексические диалектизмы; б) семантические диалектизмы; в) фразеологические диалектизмы. Таким образом, Словарь концентрирует внимание на той стороне лексико-семантической системы говоров, которая в каком-либо отношении отличает ее от лексико-семантической системы литературного языка.

Решающим признаком принадлежности слова к диалектной лексике считается локальная ограниченность его употребления, наличие у него изоглоссы; при этом учитывается отношение слова к литературной лексике: слова, имеющие изоглоссу на территории распространения говоров, но известные литературному языку, входящие в его лексико-семантическую систему, не считаются диалектными и не вводятся в словарь (например, *лаять*, *ухват*, *очень* и др.).

Словарь, охватывающий лексику всех говоров русского языка, в принципе не может быть полным, так как он не может воспроизвести системные отношения в лексике. Если сводный словарь к тому же составляется не только на основе современных записей, но и включает в себя записи предшествующих поколений наблюдателей, разносистемность его материалов еще более усиливается. Создаваемый на таких основаниях, СРНГ является словарем-справочником, собранием слов, употребляемых и употреблявшихся во всех говорах русского языка XIX—XX вв. Словарь не

---

[3] Говоря об этом, не нужно упускать из виду, что многие вопросы диалектной лексикографии были поставлены и в значительной степени решены русской филологией XIX—начала XX в. Это — вопрос о возможности объединения в одном сводном словаре лексических фактов различных говоров (всех говоров) русского языка («Опыт областного великорусского словаря», 1852 и «Дополнение» к нему, 1858); это — дифференциальный принцип отбора слов и значений («Опыт», «Дополнение», «Словарь архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» Подвысоцкого, и др.); это — показ вариантов в областном словаре (Подвысоцкий, Куликовский — для севернорусских говоров и Добровольский — для южнорусских), принципы истолкования слов и значений, территориальная характеристика и др. Современные диалектные словари не могли создаваться без учета накопленного лексикографического опыта. Традиция продолжена и в книге Г. Г. Мельниченко «О принципах составления областных словарей» (Ярославль, 1957) и в его «Кратком ярославском словаре» (Ярославль, 1961) и в «Проекте Словаря русских народных говоров» Ф. П. Филина. Влияние традиции сказывается и в словарях, строящихся на других принципах, например, в «Псковском областном словаре», основанном Б. А. Лариным и др.

ставит перед собой задачи раскрыть системные связи и отношения в кругу диалектной лексики, поскольку входящие в него слова не принадлежат единой языковой системе.

Однако (и это следует подчеркнуть) разные говоры русского языка все же образуют и в отношениях между собою, и в отношениях с литературным языком определенную (хотя и очень сложную) систему, которая является проявлением их исторической общности, общности их развития в условиях постоянного взаимодействия друг с другом и с литературным языком. Лексико-семантическое богатство всех русских говоров не является собранием чего-то случайного, никак не взаимосвязанного. Наоборот, связи, переходы, промежуточные ступени в семантическом развитии проявляются довольно отчетливо, и слово со всей совокупностью значений в различных говорах русского языка можно представить как единую лексико-семантическую единицу. А это означает, что элементы системных отношений в русской диалектной лексике СРНГ отражает.

Справедливо положение о том, что «единство русского языка сказывается в общности решающих элементов грамматического строя, ряда принципиальных моментов фонетической системы. . ., так называемого основного словарного фонда — при наличии более или менее существенных специфических различий во всех элементах строя языка в разных территориальных и функционально-стилистических разновидностях».[4] Следовательно, «русский язык как целое образует не простую сумму выделяемых с той или иной точки зрения своих разновидностей, четко разграниченных между собой, представляющих внешние друг к другу объекты, а систему взаимно проникающих разновидностей».[5] Что касается разных говоров русского языка, то они образуют определенную систему (сложную и многообразную) и в отношениях между собою, и в отношениях с литературным языком.

Замкнутость отдельных говоров не является абсолютной. Диалектные системы в своем развитии и функционировании всегда зависят от системы того языка, в которую они входят, являясь ее вариантами. Эта зависимость проявляется и в процессе междиалектных контактов.[6] Открытость диалектной системы приводит к возникновению общих звеньев у целого ряда родственных диалектных систем, причем общими оказываются не только те черты, которые свойственны всем диалектам данного языка, но и те, которые не являются таковыми. Основные причины таких совпадений лежат или в генетических связях всех диалектов данного языка, или являются результатом их взаимодействия и взаимовлияния в процессе дальнейшей истории.

---

[4] Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, с. 7.

[5] Там же.

[6] См. об этом: *Баранникова Л. И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967, с. 39—42.

СРНГ представляет собой свод материалов, записанных в XIX—XX вв. в разных краях и областях нашей страны, где проживает русское население. Следует при этом иметь в виду, что лексика русских говоров обследована весьма неравномерно. Лучше других исследованы говоры северо-западные (псковские, новгородские, олонецкие) и северные (архангельские, вологодские, кировские, ярославские, пермские, уральские), хотя и эти говоры, конечно, обследованы не полностью. Слабее изучена южнорусская лексика, лексика говоров Сибири и Дальнего Востока, а особенно — лексика говоров, находящихся в иноязычном окружении. Однако в процессе работы над Словарем его картотека пополнялась материалами и из южнорусских областей, Сибири, Казахстана и др. (причем, иногда эти материалы составляли довольно большие собрания диалектной лексики и существенно дополняли сведения о диалектных словах).

Несколько необходимых замечаний о месте СРНГ в системе словарей русского языка. Во введении к 1-му выпуску СРНГ говорится, что «в Словаре по возможности полно будут представлены диалектная лексика и фразеология всех русских народных говоров XIX—XX вв.». Эта относительная полнота в представлении некоторых читателей и критиков Словаря постепенно превращалась в полноту абсолютную. Создавалось впечатление, что СРНГ, отразив диалектную лексику в полном объеме, станет универсальным справочником по лексике, фразеологии и семантике всех русских говоров. Это поднимало престиж Словаря, но одновременно с этим ставило его под удар критики, указывающей на отсутствие в нем того или иного слова, того или иного значения диалектного слова.

В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что даже «в Словаре, построенном на лексике одного говора, точно так же, как и в толковом словаре литературного языка, не может быть представлена лексическая система говора во всем объеме. Такая задача вообще неосуществима». «Словарь представляет собой обработку лексики картотеки».[7] Что касается СРНГ, то это — лексикографическая обработка лексики картотеки, созданной на материалах записей XIX—XX вв. Естественно, что этот материал картотеки не покрывает собой абсолютно всего богатства словарного состава говоров. (Это специально оговаривается в «Проекте» Словаря, с. 9).

С начала 60-х годов во многих вузах страны развернулась работа по сбору материалов и подготовке региональных диалектных словарей. Сбор материала для них ведется по специально подготовленным программам. Естественно, что материалы этих словарей, отражающие современное состояние русских говоров, могут и должны содержать в себе лексические данные, отсутствующие в СРНГ (не говоря уже о словарях, преследующих задачу

[7] *Оссовецкий И. А.* Словарь современного русского народного говора. Введение. М., 1969, с. 7.

полного описания лексики диалекта — и общей с литературным языком и сугубо диалектной). Это закономерно, ибо региональные словари строятся на материале одного или нескольких близких говоров, собранном в наше время, специально для этого Словаря.

СРНГ не противостоит в этом отношении им, а должен рассматриваться в одном ряду со всеми региональными словарями: только в совокупности они могут дать более или менее полное представление о словарном составе русских народных говоров.

Значимость СРНГ от этого не умаляется, ибо он строится на совершенно уникальных материалах, повторная фиксация которых невозможна; СРНГ, как уже говорилось, обобщает материалы диалектных записей, сделанных за два века поколениями русских диалектологов и любителей народного слова. Большая часть этих записей существует только в виде карточек нашей картотеки.

В нашем языкознании уже отмечалось, что работа над областными словарями входит в состав лексикографических предприятий исторического цикла, предприятий, занимающихся проблемами истории лексического состава. В системе словарей национального языка областные словари, в том числе и СРНГ, мыслятся как закономерное и неотъемлемое звено. Недаром еще составители «Опыта областного великорусского словаря», 1852 создавали его как дополнение к «Словарю церковнославянского и русского языка» 1847 г. Таким образом решалась задача составления словаря — «сокровищницы языка на протяжении многих веков».

СРНГ как словарь, включающий в себя лексику всех русских говоров, бытовавшую в них на протяжении длительного периода, относится к жанру сравнительно-исторических словарей. Исторический характер СРНГ обусловлен объектом описания. Сводный диалектный словарь охватывает всю совокупность русских говоров, эту сложнейшую макросистему, состоящую из большого числа весьма своеобразных диалектных систем, особенности которых характеризуются разной степенью развития (одни из них представляют более консервативную стадию развития по сравнению с литературным языком, другие — наоборот). В структурах словарных статей в СРНГ представлены значения, разновременные по происхождению, значения, уже ушедшие из говоров (они отмечены только старыми источниками), и относительно новые, недавно появившиеся (это видно и из характера самих значений и их недавней или современной записи). См.: *Жарки.* 1. Костры в поле или на лугу. Калуж., 1858. 2. Раст. купальница азиатская. Алт., 1897; Том., Енис., Краснояр., Иркут., Сиб., Хакас. Краснояр.; *Женёный.* 1. Женатый. Олон., 1864. Влад., Петерб., Енис.; 2. Разбавленный водой (о квасе, пиве, водке и т. п.). Алекс. Куйбыш., 1945—1964 и т. п. (вып. 9).

Несмотря на то что каждая статья представляет собой сводку значений, зарегистрированных во всей макросистеме, т. е. во всех русских говорах (вся совокупность этих значений, как правило, не существует в одном определенном говоре или во всех говорах),

все же в словарных статьях нередко четко прослеживается динамика развития значений.[8] См.: *Женить*. 1. Женить на ком-либо. Ливен. Орл., 1864. 2. Прививать яблоню. Кунчур. Перм., 1897. 3. Ударить. Пск., 1855, Смол. 4. Обмануть, надуть. Осташк. Твер., Пск., 1855; Курск., Костром. и др. явно производные знач.; *Жереластый*. 1. С большим, широким отверстием. Дмитров. Орл., 1947—1953. Курск. 2. Обладающий крикливым, слишком сильным голосом. Ряз. Ряз., 1966. 3. Склонный к ссоре, брани. Ряз. Ряз., 1966 (вып. 9) и мн. др.

Исторический характер словаря обусловлен источниками, на основе которых словарь создается. Он описывает русскую диалектную лексику, собранную и зафиксированную многочисленными собирателями на протяжении почти двух веков (XIX—XX вв.). Большая часть этих источников относится к прошлому веку, т. е. представляет диалектную лексику XIX в.

Кроме того, историзм словаря поддерживается сознательными устремлениями его авторов, а эти устремления проявляются в характере структуры словарных статей: когда это возможно, на первое место помещают наиболее старые, исходные значения. Ср.: *Жарня*. 1. Жарение, стряпанье чего-л. Пенз., 1852; Яросл., Дон. 2. Что-л. жареное, жаркое. Пенз., 1960; Астрах. 3. Горячий спор; драка. Даль, без указ. лица, Ряз. 4. Наказание, сечение розгами. Пенз., 1852; Сарат., Дон. (вып. 9, 1972). *Летовище*. 1. Пастбище на расчищенном месте в лесу (Волог., 1883—1889). 2. Летняя постройка на выгоне, пастбище (Ярск. Волог., 1852). 3. Летний стан охотников, звероловов; летнее кочевье. Даль, без указ. места. — Ср. Сл. РЯ XI—XVII вв.: Лѣтовище ‘место, где летом пасется скот’; *Лонский* и *лонской*. 1. Прошлогодний (Север, Поволжье, Сиб. и др.). 2. Прошедший, давешний (Сиб.). — Ср. Сл. РЯ XI—XVII вв. *Лонской*. 1. Прошлогодний и мн. др. *Лу́да* и *луда́* 1. Мель (в море, реке, озере; каменистая мель). Север. 2. Каменистый выс. берег (Арх.) и др. — Ср. Сл. РЯ XI—XVII вв.: *луда* ‘каменистая отмель’ и мн. др.

Сравнительный аспект словаря обусловлен тем, что это словарь сводный, включающий диалектную лексику всей совокупности русских говоров. Географические пометы при каждом значении дают возможность сравнения, сопоставления диалектных фактов, распространенных на конкретной территории, с другими, зарегистрированными на иной территории.

Географические пометы, имеющие целью указать на территорию употребления слова или его значения, в то же время позволяют очертить ареал каждого слова и каждого значения и сделать вывод об отсутствии их на другой территории.

Представляется, что такое описание диалектного слова в словаре — с указанием всех зарегистрированных значений и с геогра-

---

[8] Конечно, это не та динамика, этапы которой приурочиваются к конкретным датам, как это можно сделать в историческом словаре небольшого периода.

фическими пометами к каждому значению — является наиболее экономной формой показа бытования и функционирования диалектных слов на всей территории распространения русского языка.

СРНГ показывает диалектное слово как бы в трех измерениях. Он представляет все значения общерусского слова (исключая значения, присутствующие в современном литературном языке). Объединение всех значений в одной статье дает возможность наглядно представить все диалектные употребления слова в общерусских границах, т. е. показать в этом словаре слово как бы в ширину, во всем многообразии значений и употреблений. Ср.: *Заваль.* 1. Заброшенная земля. Кадн., Волог., 1883—1889; Шуйск. Иван. 2. Изгородь в лесу. Кадн. Волог., 1883—1889. 3. Что-л. ненужное, хлам. Липец. Ворон., 1937. 4. Залежавшийся на железной дороге хлебный груз. Вят., 1899. 5. Ничтожные люди, сброд. Арх., 1858 (9 вып.). *Луговина.* 1. Луг. Пск., Осташк. Твер., 1855; Смол., Калин., Костром., Вят., Тул., Курск., Орл., Самар., Симб., Оренб. 2. Низкое, болотистое место. Пск., 1903; Калин. 3. Земля, покрытая дерном, целина. Рыб. Яросл., 1901; Яросл. Калин. // Дерн. Нижегор., Даль и т. д. (вып. 17) и мн. др.

Представляя эти значения в определенной динамике, т. е. сначала прямые значения, а затем производные, словарь изображает в то же время слово в глубину, показывает семантическое развитие, семантическое приращение, все зафиксированные изменения лексических значений. СРНГ располагает значения каждого слова как бы в проекции.

Указывая место употребления каждого значения и его оттенков (с помощью географических помет), СРНГ, таким образом, характеризует слово и в третьем измерении — в пространстве.

СРНГ дает возможность читателю не только представить огромное богатство диалектной лексики русского языка, но также увидеть, как она распространена на территории русского языка, каковы ее изменения и ее развитие на протяжении двух веков. Объединяя в своем составе всю массу русской диалектной лексики, Словарь выполняет основную свою задачу — быть пособием для изучения истории лексики русского языка, для славянской сравнительно-исторической лексикологии и этимологии. Характер материалов, легших в основу СРНГ, хронологический диапазон и глобальность территориального охвата говоров предопределяет задачу историко-лексикологического показа словарного состава русских говоров. Словарь русских народных говоров содержит отнюдь не одни только «редкие», «экзотические» слова и словечки, а представляет собой относительно полное собрание диалектных слов, зафиксированных поколениями собирателей в течение почти двух столетий. В него не включаются только слова и значения, общие для литературного языка и народных говоров. Ценность его заключается прежде всего в выявлении и систематизации громадного количества диалектных лексических данных, многие из которых тем самым вводятся в широкий научный оборот впервые. Удачная в целом семантическая разработка

слов, указания на территорию функционирования слов делают этот словарь надежным источником для изучения истории русской диалектной лексики XIX—XX вв. Этот словарь — удобный и во многих отношениях единственный справочник по русской диалектной лексике.

Сводный областной словарь, каким является СРНГ, дает возможность: а) выявить относительно полный состав диалектной лексики; б) установить границы распространения каждого слова (конечно, с относительной полнотой и точностью; в) выявить слова, характерные для одного говора или для ряда говоров и диалектов; г) наглядно представить отличия в значениях и употреблениях слова по разным говорам.

Важно подчеркнуть, что дифференциальный словарь представляет значительно больше возможностей показать черты и особенности, отличающие словарный состав говоров от лексики литературного языка, то, что характеризует каждое диалектное слово в лексическом, грамматическом, акцентном, семантическом отношениях. В СРНГ впервые представлено развернутое описание смыслового содержания словарного состава всех русских народных говоров. В нем устанавливается точный смысл диалектных слов, делается попытка найти исходное, первичное значение, отыскиваются и намечаются пути развития вторичных значений, показывается зависимость вторичных значений от первичных.

В процессе лексикографической разработки диалектной лексики были зарегистрированы и введены в научный оборот многие тысячи слов и целые разряды, пласты лексики, показаны особенности их семантики и выявлены условия их функционирования в диалектной речи. Это обстоятельство привело к интенсификации исследований диалектного словообразования, этимологических разысканий, разработки вопросов истории словарного состава русского языка. Новые материалы способствовали установлению и уточнению границ распространения диалектных слов, их изоглосс, разработке проблемы соотношения диалектных и общенародных значений в слове, прослеживанию путей проникновения диалектных слов в литературный язык. В словаре будет собрано и разработано около 200 тысяч диалектных слов, употребляющихся только в говорах и неизвестных литературному языку, что значительно превышает количество слов, зафиксированных самым большим словарем современного русского литературного языка, и почти в четыре раза больше, чем областных слов в знаменитом Словаре В. И. Даля.

По мнению исследователей, СРНГ «обеспечит русистику и славистику основательной базой, необходимой для широких лексикологических исследований, снимет тот налет тематической узости, неизбежного субъективизма в толкованиях, случайности в интерпретации наличного материала, которые характерны для современных лексикологических работ».[9]

[9] *Колесов В. В.* Словарь русских народных говоров. — ВЯ, 1975, № 5, с. 148.

В лексикографическом обиходе известно положение о том, что нелегко разрабатывать теоретические принципы нового словаря, но не менее трудно их претворять в жизнь при составлении словаря. В процессе работы над Словарем перед составителями вставали всякого рода трудности и нерешенные вопросы.

Отбор слов и значений

Одним из наиболее сложных вопросов, которые приходится решать в Словаре, является вопрос об отборе слов. Как известно, в Словарь включаются исключительно диалектная лексика и фразеология, т. е. Словарь придерживается строго дифференциальных принципов отбора материала. Однако это положение само по себе не раскрывает содержание терминов «диалектное слово», «диалектное значение». Проведение принципа дифференциального отбора материала оказывается довольно сложным делом, мы не всегда располагаем достаточными основаниями для «разведения» слов общенародных и территориально ограниченных, диалектных.

Здесь уместно вспомнить слова В. И. Даля о том, что «мы вообще большей частью ошибаемся, отмечая слово курским, нижегородским потому только, что в первый раз его там слышали; но мы слишком мало знакомы с народным языком, и один только случай дает нам, особенно письменникам, повод услышать не письменные речи». А отсюда вывод — «нам еще едва ли можно отделять словарь наречий от словаря народного языка, и что именно труд наш тогда только достигнет цели своей, когда ознакомит нас сколь можно ближе с языком народным и со всеми местными особенностями его».[10] И это был наилучший выход из затруднительного положения — давать из народного языка все, что известно и возможно, по необходимости ограничиваясь только указанием места, где записано слово. Недаром А. А. Шахматов отказался в своем словаре от деления слов на областные и литературные, а Б. А. Ларин считал, что это в наше время принципиально невозможно из-за плохой изученности лексики диалектов и отсутствия полных словарей литературного языка.[11] Действительно, разграничение общенародной и диалектной лексики связано с большими трудностями. Вот несколько примеров, иллюстрирующих эти трудности.

В русском национальном языке есть слова *бирюк*, *зеленя*. В толковых словарях русского литературного языка они по-разному оцениваются с точки зрения места в словарном составе национального русского языка. БАС оба слова считает принадлежащими русскому литературному языку, а МАС, вышедший

---

[10] *Даль В. И.* О наречиях русского языка. — В кн.: Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. М., 1955, т. 1, с. LIXXXI.

[11] *Ларин Б. А.* О работе над новыми словарями, с. 154.

после БАС, относит их к словам областным (причем оба слова опираются на одни и те же источники — Тургенев, Толстой, Шолохов и др.). Как должен был поступить СРНГ? Оказывается, *бирюк* — введено в его словник, а *зеленя* — нет. Но такой «непоследовательный» подход к отбору слов нельзя квалифицировать как ошибку, пропуск или невнимательность. В каждом отдельном случае учитывались многие стороны и обстоятельства, и после исследования истории слова (в какой мере это возможно) принималось то или иное решение. Естественно, что здесь возможны определенные отклонения в ту или иную сторону.

Но эти случаи — самые простые. Куда более трудно решать вопрос о диалектном или общенародном характере слов, находящихся на пограничных линиях: литературного и внелитературного просторечия, слов народно-разговорной речи, слов устаревших в литературной сфере общения, но активно употребляющихся в тех или иных говорах, слов, взятых из фольклорных источников, арго, слов, в XIX в. считавшихся диалектными, а в наше время широко употребляющихся в литературном языке, и т. п.

Так, слово *городок* 'населенное место, огороженное стеной, оградой для защиты от неприятеля; крепость' было известно в русском литературном языке как исторический термин, но в широком употреблении в наше время оно неизвестно. На этом основании термин введен в СРНГ с опорой на материалы XIX в. (Гильфердинг, Садовников). Все решалось на основе учета количества литературных и нелитературных источников.

В прилагательном *двойной* выделены сочетания: *двойной паз*, *двойная рыболовная снасть*, *двойная прошивка* только потому, что они не отмечены (не найдены) в литературных источниках. Но вряд ли эти сочетания являются подлинными диалектизмами.

Но, пожалуй, самую большую трудность представляют собой случаи, когда часть значений многозначного слова считается литературными, а другая — признается диалектными, территориально ограниченными. А таких случаев чрезвычайно много. Словарь отражает только диалектные значения. Если, например, в слове *квашня* значение 'кадка для приготовления теста' является общеупотребительным, а значение 'само это тесто' диалектным, то в Словарь вводится только это последнее значение. Читатель, не специалист по русской лексикологии и диалектологии, может представить себе, что *квашня* в 1-м значении употребляется только в литературном языке, а в диалектном имеется только во 2-м значении. Словарь такой опасности не избежал.

В работе над созданием Словаря составителям и редакторам приходится сталкиваться с необходимостью переоценки квалификации слов в предшествующих областных и литературных словарях, решать вопросы, связанные с разграничением закономерных фонетических явлений и явлений лексикализованных (имея в виду, что только последние являются объектом СРНГ), и мн. др. Дело в том, что многие закономерности фонетического и морфологического характера в говорах еще недостаточно изучены, не уста-

новлен ареал их распространения, и часто бывает трудно решить, имеем ли мы дело с регулярной закономерностью или с явлением лексикализованного характера. Само явление лексикализации до недавнего времени представляло одну из наименее разработанных проблем.[12]

Проблема отбора слов в Словарь оказывается непростой. Ошибки здесь неизбежны. Недаром некоторые первоначальные решения по отбору слов подвергались пересмотру. Ср.: «Не включаются в словарь слова, имеющие лишь грамматические отличия от соответствующих слов литературного языка: особенности в системе склонения и спряжения (род. пад. мн. *пуд — пудов*, *вербей — верб*; им. мн. *глазы—глаза*, *лесы—леса*. . .; инфинитивной формы (*берегчи — беречь*, *несть — нести*, *итти — идти*); . . .в формах причастия (*колоный — колотый*, *заспатый — заспанный*) (Проект, 7). Ср. также: *квасоля*, *квасоль*, *квасуля*, которые предлагалось не брать как слова искаженные, но они нашли место в СРНГ.

Многие стороны структуры словаря и словарной статьи являются общими для диалектных словарей и толковых словарей литературного языка. Однако диалектный словарь имеет и свои специфические особенности, некоторые из них имеют принципиальное значение.

Диалектная речь в значительной степени отличается от литературного языка наличием разнообразных вариантов одного и того же слова. Когда речь идет о фонетическом облике слова, то совершенно очевидно, что в заголовок словарной статьи нужно ставить слово в его ближайшей этимологической форме (*кваковка*, а не *квакавка*, *отымалка*, а не *атымалка* ‘кухонная тряпка’, *чичер*, а не *цыцер* и т. п.). В этих случаях регулярных фонетических вариантов не нужны и ссылочные указания на своих местах. Очевидно также, что фонетические варианты индивидуального характера должны помещаться как самостоятельные слова.

Имеется также немало различных особенностей слова, которые необходимо показывать в пределах одной статьи: разные ударения и связанные с ударением особенности произношения (*квашéнник*, *квашóнник*, *квáшенник*, *квашенни́к*).

Можно было бы говорить о трудностях семантической характеристики слов в СРНГ, связанных прежде всего с тем, что мир вещей и явлений, скрываемый за словом, не всегда знаком составителю, материалы, содержащие слово, не всегда отчетливо семантизируют его, а составитель не может проверить сведения собирателей своим опытом и знаниями. Но это специальный вопрос, обсуждение которого заняло бы много времени, хотя вопрос очень интересный и важный.

---

[12] См. об этом: *Кузнецова О. Д.* Актуальные процессы в говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений): Автореф. дис. ...докт. филол. наук. М., 1979. 25 с.

Объем информации в СРНГ

Известно, что важнейшей характеристикой словаря является объем информации, сумма сведений о слове, заключенных в словарной статье. СРНГ содержит следующие сведения о диалектном слове: а) заголовок, представляющий собой толкуемое слово в ближайшей этимологической форме; б) грамматическая характеристика слова (формы словоизменения, указание на грамматическую категорию); в) пометы (стилистические, экспрессивные); г) ударение; д) толкование значения слова; е) указание на источник; ж) время записи слова или публикации сведений о нем; з) примеры употребления слова; и) географические указания; к) фразеология; л) этимологические справки о заимствованных словах.

Как видно из перечисления параметров языковой информации, СРНГ должен был давать достаточно всестороннюю характеристику диалектного слова.

К сожалению, не все языковые параметры, объявленные в «Инструкции» Словаря, представлены с одинаковой доказательностью и полнотой. Материалы, на основе которых строится Словарь, дают возможность последовательно и полно представить следующие параметры: лексический, семантический, акцентологический, грамматический (указание на лексико-грамматические классы) и географический. Все эти языковые характеристики в своей совокупности с достаточной полнотой определяют диалектный статус каждого слова. Эти характеристики выступают как обязательные. Для диалектного словаря (в том числе и для СРНГ), например, обязательна географическая документация, главная цель которой — показать, что слово является диалектным, а не литературным, и указать территорию, на которой оно зафиксировано. Конечно, установление точной изоглоссы слова в таком диалектном словаре, как СРНГ, дело нереальное, хотя бы потому, что основными источниками Словаря являются записи, авторы которых собирали материал не по единой анкете и обычно не преследовали специальных лингвогеографических целей. Установить изоглоссы слов — задача лингвистического атласа, а не Словаря, хотя в какой-то мере они могут быть намечены и в Словаре.

Состояние и перспективы работы над Словарем русских народных говоров

Работа над диалектным словарем потребовала от всех ее участников овладения диалектологией, этнографическими сведениями, сведениями по истории народного быта, ремесленных занятий и т. п., ибо словарник встретился с новым, не знакомым ему миром вещей и понятий. Лексикограф-диалектолог обязан был овладеть этим миром, без чего составление словаря было немыслимо. Овладение «тайнами» диалектной лексикографии про-

исходило в процессе составления Словаря, специального времени для этого не выделялось. Поэтому вначале работа шла медленно темпы составления сдерживались и тем, что наряду с составлением Словаря все сотрудники занимались расписыванием источников, раскладкой и вливанием карточек в картотеку. На первых порах составитель был и выборщиком материала. Плоды этой работы не замедлили сказаться на обогащении картотеки.

К настоящему времени собрана картотека по материалам печатных и рукописных источников XIX—XX вв., насчитывающая около двух млн. карточек (вместе с областными материалами основной картотеки Словарного сектора число карточек достигает теперь трех млн.). Значительная часть этих материалов извлечена из архивных рукописных хранений, из газет, неспециальных журналов XIX в., т. е. по существу впервые вводится в научный оборот.

Уже составлено 26 выпусков Словаря (утверждено к печати 25), 20 выпусков вышло в свет.[13]

Накопленный опыт по составлению СРНГ позволяет надеяться на определенное ускорение темпов работы над его окончанием и улучшение качества лексикографической обработки диалектного материала.

Для этого представляется необходимым ввести ряд уточнений и изменений в правила составления Словаря.

Учитывая, что основные запасы диалектной лексики из источников, на которые опирается СРНГ, выявлены и включены в картотеку Словаря, целесообразно приостановить выборку материалов из новых источников, кроме региональных словарей. Это позволит ускорить подготовку очередных выпусков Словаря и сделает их более ровными по насыщенности материалом. Все факты, не вошедшие в основной корпус Словаря, в дальнейшем должны быть включены в дополнительные выпуски, издание которых предполагалось уже в самом начале работы над Словарем.

Определенные изменения и усовершенствования необходимо предусмотреть и в правилах составления Словаря; при этом следует особо подчеркнуть, что основные принципиальные положения, на которых строится СРНГ, — дифференциальный тип Словаря, охват говоров на всей территории их бытования, хронологические границы охвата материала XIX—XX вв., цели Словаря (историко-лексикологические) — остаются незыблемыми.

---

[13] Хотелось бы подчеркнуть, что составление Словаря велось небольшим коллективом, коллективом, который сумел обеспечить и издание Словаря. Совмещение этих двух видов работы потребовало от лексикографов-диалектологов большой самоотдачи. Кроме того, коллектив сотрудников Словаря подготовил 10 сборников статей, в которых рассматриваются мало или вовсе не разработанные вопросы диалектной лексикологии, словообразования, диалектной лексикографии, проблемы взаимоотношения лексики литературного языка и словарного состава говоров, языка фольклора и т. п. Десять сборников под названием «Диалектная лексика» вышли в свет и, судя по отзывам и рецензиям, хорошо приняты лингвистической общественностью.

Вместе с тем представляется совершенно необходимым следующее.

1. Строже придерживаться дифференциального принципа отбора слов, включая в Словарь только диалектные данные. В Словарь не должны включаться слова и значения, не имеющие на территории распространения русского языка изоглосс, т. е. слова общенародного языка. Так, не должны включаться в СРНГ слова из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, не имеющие при себе территориальных помет и неизвестные по другим источникам диалектной лексики; не должны включаться в Словарь топонимы, этнонимы, клички и другие разряды собственных наименований. Необходимо более строгое отношение к фактам, представляющим собой закономерные фонетические варианты слов, которые не должны отражаться в СРНГ.

2. Перед составителями СРНГ остро стоит задача усовершенствования способов семантической характеристики слова в Словаре: следует устранить тенденцию к неоправданному и ошибочному дроблению значений, наметившуюся в результате некритического отношения к сведениям собирателей (ср. неверное выделение особых значений в словах *мяло*, *мякушка*, *наболонь*, *навернуть*, *накурать* и др. в 19-м выпуске СРНГ), отказаться от выделения особенностей употребления слова за «черным ромбом» (♦), когда материалы, подводимые под «черный ромб», полностью совпадают со значением слова (см. *набалмашь*, *мякоть* и др.).

Несмотря на то что в идеале от областного словаря можно было бы требовать энциклопедических определений слов, называющих предметы и явления, не известные в литературном языке, — речь идет об энциклопедических сведениях как особой части словарной статьи — СРНГ вынужден отказаться от этого требования. Элементы описания реалий будут включаться в состав толкования значений слова.

3. В Словаре, объединяющем лексику большого хронологического периода, распространенную на громадной территории, занимаемой русским языком, включающем в себя лексику разных говоров и диалектов, не представляется возможным наметить стилистическую дифференциацию словарного состава; для этого нет ни достаточно достоверных материалов, ни знания действительной картины жанрово-стилистической дифференциации лексики говоров, а имеющиеся показания в записях собирателей разнородны, случайны и, во всяком случае, не могут быть распространены на всю совокупность говоров русского языка. Поэтому Словарь отказывается от использования стилистических, жанровых, исторических и эмоционально-экспрессивных помет: *фольк.*, *устар.*, *редко*, *экспрессивно*, *перен.* Из семантических помет остаются пометы: *бранно*, *шутл.*, *ирон.*, *пренебреж.*, *ласк.* Пометы *уменьш.-ласк.*, *уменьш.*, *увелич.* рассматриваются как средство семантической характеристики слова и к собственно пометам не относятся.

4. В существенных изменениях и уточнениях нуждается грамматическая характеристика слова. В связи с тем, что в источниках Словаря нет достаточных фактических сведений о грамматических особенностях слова, СРНГ не может представить полную характеристику слова, а во многих случаях дает неточные, ошибочные сведения о грамматических его свойствах. Целесообразно не приводить форм словоизменения существительных, глаголов, прилагательных (форм женск. и ср. рода), не показывать переходности—непереходности глаголов. При этом сохраняются указания на принадлежность слова к лексико-грамматическому классу: существительных — указанием на родовую принадлежность, глаголов — указанием на вид, наречий, частиц, союзов, местоимений, предлогов, междометий, безлично-предикативных слов — обозначением лексико-грамматической категории.

5. Необходимо разработать более рациональные и экономные принципы цитирования, учитывая характер цитатного материала, особенности записи цитат, наличие в картотеке значительного количества цитат, созданных собирателями, а не «подслушанных» у носителей диалекта. Количество цитат в Словаре должно быть сокращено прежде всего за счет неполноценных, не вносящих ничего нового, дополнительного ни в семантическую характеристику слова, ни в характеристику особенности его употребления и функционирования в диалектной речи. Цитата необходима в случаях, когда неясно значение слова, нет толкования в источнике, недостаточно материалов для того, чтобы можно было истолковать значение слова (к сожалению, в этих случаях как раз и отсутствуют цитаты, их нет в материалах Словаря); необходима цитата, когда она дополняет определение значения слова. Обязательного сопровождения цитатой (если она имеется в картотеке) требуют предлоги, союзы, частицы, междометия, субстантивированные употребления прилагательных, безлично-предикативные слова и другие слова грамматического функционирования. При этом должны соблюдаться высокие требования к отбору цитат.

6. Нуждаются в уточнении принципы разделения слов на омонимы (учитывая, что СРНГ — словарь исторического типа, оправдано выделение в нем только гетерогенных омонимов), следует выработать более рациональные приемы презентации устойчивых сочетаний, не являющихся идиомами, и внести ряд уточнений и изменений в правила оформления словарной статьи (указания на территорию распространения слова, отсылочные указания, сокращения и мн. др.).

Все эти и некоторые другие стороны улучшения работы над СРНГ обсуждались на разных уровнях (группа СРНГ, дирекция ИРЯЗ АН СССР, Бюро ОЛЯ АН СССР) и получили одобрение. Они составили содержание «Дополнений и уточнений» к «Инструкции для составления Словаря русских народных говоров» 1961 г. и будут опубликованы в одном из ближайших выпусков Словаря.

Важно подчеркнуть, что все эти предложения не затрагивают основных принципов СРНГ, а лишь способствуют более отчетли-

вому решению основных его задач: показу лексического, фразеологического, семантического, акцентологического и территориального параметров диалектного слова. Они также приведут к сокращению объема и сроков издания Словаря.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГВ	— Вологодские губернские ведомости.
САР	— Словарь Академии Российской. СПб., 1781—1793, ч. 1—6.
Слов. Акад. 1847	— Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Академии Наук. СПб., 1847, т. 1—4.
Слов. Акад. 1899	— Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Академии Наук. СПб., 1899, т. 2, вып. 3.
Слов. карт. ИРЯЗ	— Словарная картотека Института русского языка АН СССР (Ленинград).
Сл. РЯ XI—XVII вв.	— Словарь русского языка XI—XVII вв. Л., 1975—1983, вып. 1—10.
Сл. Срезневского	— *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1913, т. 1—3.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Сороколетов Ф. П. Способы семантической разработки слов в областных словарях 4

Кузнецова О. Д. Из лексикографической проблематики 20

Павленко П. И. О взаимодействии лексики русского литературного языка и народных говоров (на материале слов с приставкой *пред-*) 35

Колесов В. В. Литературные слова в диалектной речи (4. *Вещь*) . . . 55

Порохова О. Г. К вопросу о дифференциации неполногласных и полногласных форм в русском языке (ч. II. Слова с корнями *глав-/голов-*) 68

Данилов А. А. Лексико-морфолого-синтаксическая дифференцирующая функция словесного ударения в современном русском литературном языке и некоторых русских народных говорах 88

Попов И. А. К вопросу о семантическом развитии наречий в русских народных говорах 101

Хроленко А. Т. Репрезентативные пары слов в диалектном и устно-поэтическом аспектах 117

Демидова Г. И. Количественные числительные в южнорусских деловых документах XVII в. 130

Паникаровская Т. Г. Из наблюдений над диалектной глагольной лексикой 143

Иванова А. Ф. К вопросу о методах изучения диалектной лексики 150

Марецкая А. Ф. К истории слова *говор* 155

Андреева-Васина Н. И. К вопросу о начальном *ко-* в диалектных глаголах 165

Попова Н. В. Трехчленность как ритмико-синтаксическая особенность нижегородского диалекта и фольклора 174

Денисенко Ю. Ф. Из историко-лексикологических комментариев к Псковским летописям. 2. «. . .велико время мяклося без епископьства много лѣт. . .» 184

Карулис К. А. Русское диалектное *етенька* 188

Добродомов И. Г. Тавлинец на русском Севере 190

Сороколетов Ф. П. Словарь русских народных говоров (итоги и перспективы) 192

2 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ